

РОБЕРТ
БАЛТРОП

Джек

ЛОНДОН,

ЧЕЛОВЕК,
ПИСАТЕЛЬ,
БУНТАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ПРОГРЕСС"

Jack
LONDON
the Man, the Writer, the Rebel

Robert
Barltrop

London
Pluto Press
1976

РОБЕРТ
БАЛТРОП

Джек ЛОНДОН,

ЧЕЛОВЕК,
ПИСАТЕЛЬ,
БУНТАРЬ

Перевод с английского

Москва
«Прогресс»
1981

Автор предисловия А. Зверев
Перевод с английского Г. Анджапаридзе

Балтроп Роберт

Джек Лондон: Человек, писатель, бунтарь. — 1-е изд., сокр. М.: Прогресс, 1981. — 208 с.

Книга Роберта Балтропа — литературная биография всемирно известного американского писателя Джека Лондона, тщательно исследующая многие факты его жизни и творчества.

© Предисловие, перевод на русский язык с сокращениями, издательство «Прогресс», 1981.

Редакция литературоведения, искусствоведения и лингвистика

Б $\frac{70202-208}{006(01)-81}$ 171-81

4603020000

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Книга, которую читатель держит в руках, не совсем обычна, потому что ее написал не критик и даже, строго говоря, не профессиональный литератор. В авторском введении Р. Балтроп подробно рассказывает, как он задумал и осуществил свою работу, долгие годы накапливая материалы о Джеке Лондоне, перечитывая голубенькие томики его собрания сочинений, изданного полвека назад. Постепенно яркая индивидуальность Лондона раскрывалась перед ним все отчетливее, Р. Балтроп проникал в противоречия и парадоксы этой удивительной творческой биографии.

Он обратился к критике, к литературным справочникам и не почерпнул для себя почти ничего. Ведь всего несколько лет назад о создателе «Мартина Идена» упоминали в англоязычных справочниках разве что как о рядовом беллетристе начала века, в свое время имевшем шумный, но незаслуженный успех, а потом по справедливости забытом. Специальных работ о Лондоне вплоть до 60-х годов на Западе было мало, да и носили они либо чисто популяризаторский, либо слишком уж специальный (как правило, сугубо биографический) характер. Даже и сегодня лучшей из книг о Джеке Лондоне остается книга его дочери Джоан, появившаяся сорок лет назад.

Трудно назвать художника, с которым историки литературы на его родине обошлись бы более несправедливо. Обычно Лондона попросту игнорировали. Или отзывались о его творчестве с нескрываемым пренебрежением.

Но в читательской среде все было по-иному. Книги Лондона продолжали жить, хотя разыскивать многие из них становилось все сложнее. Популярность пошла на спад, но имя Лондона не позабылось. Как и на заре столетия, оно обладало неодолимой притягательностью для новых и новых поколений. И не только в Америке.

Мало кто из американских писателей пользовался такой известностью за рубежами своей страны, как Лондон.

Р. Балтроп — англичанин, и рассказанная им история его приобщения к идеям, исканиям и художественному миру Джека Лондона типична в том смысле, что знакомство началось по чистой случайности, а знание приобреталось самостоятельно, но совсем не случайной была та роль, которую американский писатель сыграл в жизни человека, чья книга ныне предлагается читателю. Это очень простая история. В ее начале — запомнившаяся с детства броская афиша фильма по «Морскому волку», прочитанный подростком лондоновский спортивный репортаж. Потом — захватывающее впечатление от книг об Аляске. И наконец, «Железная пята», где певец Приключения предстал художником революционных битв и писателем-социалистом.

А вместе с тем это и поучительная история. Джек Лондон вопреки авторитетным суждениям профессиональных ценителей, объявивших его прижизненную славу довольно эфемерной, остался писателем, не только читаемым повсюду в мире, но способным глубоко воздействовать на духовный склад и жизненные убеждения своих читателей. О нем рядовому читателю хотелось знать побольше. Работа Р. Балтропа — образец самостоятельного литературоведения, возникшего в ответ на эту реальную потребность. Сам факт появления такой книги красноречив. Хотя бы как указание несоответствия обычных для западной критики эталонов в подходе к литературному наследию и непосредственного читательского восприятия такого наследия.

Джек Лондон никогда не переставал быть для читательской аудитории живым, современным писателем. Конечно, в отношении к его творчеству не раз сказывалась инерция устоявшихся стереотипов. В книгах Лондона видели прежде всего увлекательное чтение, выше всего ценили декоративную красочность и драматизм сюжетных положений. Не сразу осознавался подлинный масштаб творчества писателя и подлинный круг его интересов. После северных рассказов необычными казались лондоновским читателям «Железная пята», «Мартин Иден». Но для скольких из них они в итоге стали больше, чем романами, сделались книгами, которые определили выбор позиции, прочно связав духовный идеал с Революцией! И это последнее обстоятель-

ство очень важно. В замалчивании Лондона, продолжавшемся почти полвека, свою роль — и немалую — сыграли не устраивавшие охранительное американское литературоведение социалистические устремления Лондона, те потрясающие картины классовых антагонизмов, которые он создал в «Людах бездны», те грозные пророчества, которыми заполнена «Железная пята». Надо вспомнить атмосферу, сопутствовавшую литературному дебюту Лондона и его ранней славе. Уже тогда наметился резкий конфликт писателя с литературными обозревателями, которые, с таким рвением хлопоча об «изяществе» и «благопристойности» на американском Парнасе, были шокированы «грубостью» очерков о трущобах английской столицы, рассказов об ограбленном Клондайке, о колониях прокаженных, появившихся в Полинезии вместе с непрошенными цивилизаторами, о безработных бродягах, скитающихся по Америке на крышах товарных вагонов. Сколько было в ту пору написано о натуралистичности Лондона, об изъянах его художественного вкуса и скудости полученного им литературного образования! Даже самым благожелательным из его первых рецензентов то и дело казалось, что это не настоящая литература и что талант Лондона нужно воспитывать на классических образцах повествовательного искусства викторианской Англии.

Толковали о скверной литературной школе и о профессиональной неумелости, однако на самом деле Лондона не приняли прежде всего как писателя, высказавшего горькие истины об американской действительности его времени и не сгладившего острых углов. Его не приняли как художника реалистического направления. На рубеже веков это направление стало в американской литературе доминирующим, но поддержки у критиков оно не находило, как и в те времена, когда стараниями ныне почти забытых Джона Де Форреста, Эдгара Хау, Эдварда Эгглстона оно впервые начало о себе заявлять книгами, без прикрас изображавшими унылую прозу буржуазных будней в Америке после Гражданской войны.

Наоборот, чем активнее осваивал реализм самые разные сферы американской жизни — и при этом обнаруживал острейшие социальные противоречия вместо декларированных демократических идеалов 1776 года, — тем грубее становились нападки на самых значительных из его последователей со стороны критики, про-

поведовавшей «изящное» как художественную норму, но легко поступавшей этим «изяществом» в журнальной борьбе. Тут было не до деликатности — Лондон это узнал сразу же. Дело шло о будущем американской литературы, о ее творческой ориентации, о принципах. Рушился тот худосочный канон «благопристойности», который несколько десятилетий без устали насаждали влиятельные бостонские литераторы во главе с Эдмундом Стедменом, провозгласившим, что непривлекательные стороны бытия не должны интересовать художника. Все еще считалось, что обителью искусства всегда были и навеки останутся горние сферы чистой духовности, не замечающей вокруг себя ничего, кроме цветов возвышенной романтики, пусть даже американская почва оказывается малопригодной для их произрастания.

Когда литература решительно покинула отводимую ей Стедменом территорию и обратилась к реальности, не игнорируя уродливого и отталкивающего, атаки на реализм резко усилились. Толстой, чье влияние на американскую прозу становилось все более серьезным, подвергался в журналах недвусмысленному осуждению, хотя обычно оно было скрыто за реверансами перед русским гением. По отношению к Золя, чей опыт вызывал в США не меньший интерес, реверансы находили необязательными, преобладал тон критических разносов. И уж совсем не церемонились с отечественными приверженцами реализма и натурализма — эти понятия не разграничивались, да и сейчас в американском литературоведении они нередко выступают как синонимы.

Лондону, дебютировавшему в разгар этой кампании против реализма, выпало на себе испытать силу ударов тех апологетов «изящества», которых в литературе больше всего страшила правда. Да и не одному ему.

Так же, и даже еще сильнее, травили Драйзера, когда в 1900 году он напечатал «Сестру Керри». Дошло до судебных преследований и запретов книги из-за «безнравственности». Свой следующий роман Драйзер смог опубликовать лишь через десять лет.

Так же, прибегая к самым хитроумным ходам, запугивали Твена, когда из-под пера великого писателя, преодолевшего иллюзии насчет лучезарной американской будущности, стали выходить гневные памфлеты о колониальном разбое на Филиппинах, о всеобщей продажности в политических и деловых кругах Америки.

Даже друзьям он боялся показывать некоторые свои особенно крамольные рукописи. Потребовалось почти полвека после смерти Твена, чтобы увидели свет «Письма с Земли». Еще дольше дожидался своей очереди окончательный вариант «Таинственного незнакомца».

Но в отношении Твена и Драйзера история в конце концов восстановила справедливость. Немыслимо представить себе сегодня серьезного историка литературы, который игнорировал бы твеновские произведения «сердитого» последнего периода. О Драйзере написаны десятки книг, собраны и переизданы его обличительные газетные статьи времен «Сестры Керри», опубликованы материалы архива — сделано немало, хотя в американских работах еще не утвердилось понимание творческого новаторства писателя, сыгравшего столь важную роль в литературе XX века.

По-иному сложилась биография книг Лондона. При жизни известность писателя была слишком велика, чтобы пытаться заглушить его голос, хотя издательство «Макмиллан» и выжидало два года, прежде чем выпустить «Железную пяту», написанную по горячим следам русской революции 1905 года. К нападкам критиков он относился равнодушно. Его ответом был «Мартин Иден», одна из самых «исповедальных» книг в американской литературе, дающая возможность представить, как понимал литературу и сам Лондон. Потом, когда начался творческий кризис, он вообще перестал интересоваться откликами на свои произведения. Наверняка он чувствовал, как уходит писательская сила, и избегал напоминаний об этом. Впрочем, злорадство по поводу действительных лондоновских неудач у рецензентов явно преобладало над стремлением помочь писателю в подстерегавшей его беде.

После смерти Лондона еще несколько лет продолжали появляться торопливо, небрежно написанные книги, и среди них такие, как, например, «Сердца трех». А произведения, поразившие читающий мир в начале творческого пути Лондона, были словно погребены под лавиной коммерческих поделок, которая нарастала все последние годы его жизни. Быть может, сказалась краткость сроков, в которые уложился этот творческий путь. За какие-нибудь пятнадцать лет Лондон успел сделать намного больше, чем иной писатель за десятилетия. Рассказы о Клондайке, даже «Мартин Иден» (1909) в

конце 10-х годов уже казались произведениями, созданными в давно отшумевшую эпоху. О Лондоне судили по «Маленькой хозяйке Большого дома», «Звездному ски-тальцу», «Алой чуме».

Так на смену броским заголовкам, украшавшим первые полосы газет, сначала пришли краткие язвительные рецензии в воскресном литературном приложении, а вслед за ним — молчание; двухтомная биография, написанная женой Лондона Чармиан (1921), еще вызвала сравнительно широкий интерес, книга Джоан Лондон, увидевшая свет восемнадцать лет спустя, — почти никакого, хотя заслуживала знакомства куда больше. Появилась занимательная беллетризованная биография «Моряк в седле» (1938) Ирвинга Стоуна, которую знают и наши читатели, и наступил долгий перерыв. В общих курсах по истории литературы США о Лондоне упоминали мимоходом или вовсе не упоминали. Остался незамеченным ценный сборник неопубликованных текстов (1947), составленный и прокомментированный известным историком-марксистом Филипом Фонером, «Джек Лондон — американский бунтарь». В сущности, эта работа, также известная нашим читателям, была единственным серьезным исследованием о Лондоне, вышедшим в США после книги Джоан Лондон.

Послевоенное читательское поколение за океаном фактически должно было открывать и постигать Лондона, обходясь без помощи критики.

Положение начало медленно меняться лишь в 60-е годы. Одна за другой были изданы работы Артура Колдера-Маршалла (1961), Рут Франкере (1962) — неглубокие, но по крайней мере доброжелательные по отношению к оклендскому бунтарю. Большая работа проделана Хенсли Вудбриджем, наладившим и издание — правда, непериодическое — специального бюллетеня, отражающего все новое в области изучения Лондона. Интереснейший новый материал содержала книга Франклина Уокера «Джек Лондон и Клондайк» (1966). Многие лондоновские произведения извлечены из забвения — их теперь можно увидеть в ярких бумажных обложках на стендах каждого крупного книжного магазина. Книга Р. Балтропа, помеченная 1976, юбилейным для писателя, годом, стала еще одной приметой возвращения Джека Лондона к активной жизни в сегодняшнем читательском и критическом сознании. Существенно, что к Лондону вновь начала обращаться критика — не для

поношений и издевок, а с целью осмыслить его творчество, как своеобразное и значительное явление. Пока еще она делает это недостаточно настойчиво, и положение остается неудовлетворительным — вот почему книгу Р. Балтропа следует рассматривать и как некоторое свидетельство неблагополучия в профессиональном лондоноведении.

Достаточно привести только один пример. Уже после работы Р. Балтропа вышла в свет большая, тщательно документированная биография Лондона, созданная английским романистом Эндрю Синклером, — «Джек» (1977). Местами достаточно спорная, она привлекает не только обилием материала, но и попыткой перечитать Лондона как художника, отнюдь не утратившего актуальности для нашего времени, не сделавшегося тем классиком, чьи книги пылятся на библиотечных полках в идеально чистых, непомятых переплетах. Синклер без тенденциозности освещает историю социалистических увлечений героя своего повествования, оказывается явно несправедлив к «Железной пяте» и слишком поспешно отказывает в каком-нибудь литературном значении такой книге, как «Лунная долина», но все эти просчеты во многом искупаются столь редким в книгах о Лондоне аналитичным подходом к его художественному миру, уважением к его творческим поискам. Для Синклера Джек Лондон никак не литературный поденщик, каким его столько раз пытались изобразить. Для Синклера он своеобразный романтик, обогативший искусство прозы нашего времени неповторимыми интонациями и оттенками.

Еще резче подчеркнута эта мысль в статье, которой откликнулся на книгу Синклера известный американский поэт Джеймс Дикки¹. «Не так уж много лестных слов можно сказать о стиле Лондона, если подразумевать под стилем тонкость ритма и точность языка, — писал он. — Все внимание Лондона сосредоточено на самом сюжетном действии, и сам он всегда непосредственно включен в это действие... Бег рассказа — то, что происходит сейчас, сейчас, СЕЙЧАС, — захватывает читателя, и эта власть прочнее той, которую обретает над своим читателем прозаик, наделенный безупречным чувством слова или способностью исподволь, незаметно строить художественный образ».

---

¹ См.: «New York Times Book Review», 18 September 1977.

Перечитывая Лондона, чей романтический и суровый мир жил в его душе с детских лет, Дикки сегодня отчетливо видит, что северные рассказы, «Люди бездны», «Дорога», «Игра» — «это шедевры литературы, в которой главенствует чувство обездоленности и боли, это воспроизведение тех крайних ситуаций, когда нет никакого исхода». Действительность XX века оказалась чрезвычайно богата такого рода ситуациями, так что Лондон по праву может быть назван одним из ее первооткрывателей.

И тут же Дикки вносит существенное уточнение. Как часто в литературе нашего столетия подобная «нулевая точка» выглядела непреодолимой, порождая отчаяние или равнодушие, — настроения, совершенно несвойственные Лондону. Он не признавал обреченности. О страдании, смерти, жестокой борьбе — с природой или тяжко складывающимися обстоятельствами — он рассказывал правдиво до беспощадности, проявляя редкую для его времени писательскую смелость. Однако при этом никогда не поддавался пессимизму и безволию. Законом его прозы Дикки считает «мужественное напряжение» — мужество правды, противостояние трагедии. Это его творческое и человеческое кредо, его художественное открытие. «Оно не должно пропасть для нас впустую».

Давно уже не приходилось встречать в литературе о Лондоне таких оценок, а точнее, такого уверенного ощущения значительности и даже уникальности созданного этим писателем. Безоговорочность признания Лондона большим и неустаревшим мастером не может не обнадеживать. Итак, Джек Лондон возвращается, занимая свое — для нас бесспорное — место в американской литературе XX века. Место среди ее крупнейших представителей.

Р. Балтроп тоже не раз задумывается над парадоксальной посмертной судьбой Лондона — читаемого, но не почитаемого на Западе писателя (противоположный случай куда типичнее) — и ищет объяснений. Ему представляется, что Лондон опередил вкусы и настроения своей эпохи и расплатился непониманием, враждебностью и насмешками критики. С другой стороны, он отмечает, что в наследии Лондона немало банального,

от этого оказались скомпрометированными и его шедевры. Он пишет, наконец, и о предвзятости литературоведов вроде О. Карджилла, да и многих других противников реализма, отвергавших Лондона, как и других американских писателей-реалистов начала века.

Сегодня уже очевидно, что превратности репутации Лондона у критиков объяснялись — быть может, даже главным образом — непониманием его творческого своеобразия, нежеланием и неумением вникнуть в эстетические законы его повествования. Все заметнее интересы пишущих о Лондоне смещаются в область исследования специфики его прозы. Она предстает явлением, не имеющим четко просматривающихся параллелей не только в тогдашней американской литературе, но и в Европе.

В самом деле, тесно связанный с общественной и интеллектуальной жизнью той поры, Лондон вместе с тем резко выделяется среди писателей его времени — и особенностями проблематики, и типом основного героя, и всем строем художественного видения. Он не вписывается в литературный «контекст» — оттого и казалась сомнительной необходимость останавливаться на его творчестве, рисуя литературное движение в США начала века. Теперь таких сомнений не возникает. Но мир Лондона все так же не разгадан, и от каждой новой работы о писателе ждешь какого-то нового шага в этом направлении.

Книга Р. Балтропа, к сожалению, довольно далека от таких задач. Разумеется, к ней нельзя предъявлять критерии, законные, когда речь идет о труде профессионального литературоведа. В данном случае перед нами прежде всего свидетельство огромного интереса и неподдельной любви к Джеку Лондону. Нужна была настоящая увлеченность своей темой, чтобы с таким тщанием собрать, взвесить и обобщить важнейшие факты литературной биографии Лондона, создав лаконичный, а вместе с тем полный портрет писателя с учетом опыта времени, которое многое прояснило в его духовных и творческих исканиях.

Правда, иной раз Р. Балтроп уделяет чрезмерное внимание мелочам быта и давно утратившим интерес подробностям повседневной жизни Лондона в его домашнем окружении. Стремление ничего не упустить порой оборачивается у Р. Балтропа измельчением масштабности рассказа, а тем самым и фигура главного ге-

роя начинает утрачивать свою незаурядность, представ в слишком уж интимном освещении. И тогда, бывает, в работе Р. Балтропа вдруг почувствуется дух мелочного копания в частностях и выискивания далеко но достоверных свидетельств о будто бы присущих Лондону самомнении, неумейной жажде богатства и т. п.

У Лондона было достаточно завистников и недоброжелателей, еще при его жизни усиленно старавшихся очернить, оклеветать человека, нередко им самим оказавшего большие услуги. В некоторых случаях Р. Балтроп восстановил справедливость. Это относится прежде всего к осуществленному им тщательному анализу философских взглядов и общественной позиции писателя.

Так, десятилетиями держалась легенда о страстном ницшеанстве Лондона, со ссылкой на «аргументы» в его книгах, начиная с первого романа «Дочь снегов» (1902). Давно отвергнутая в советском литературоведении, эта легенда еще до недавней поры принималась на родине писателя за истину даже некоторыми из сочувствовавших Лондону исследователей. Р. Балтроп с фактами в руках доказал, что о Ницше Лондону было известно лишь понаслышке, когда он работал и над этим романом, и над многими другими произведениями, содержащими отголоски идей немецкого мыслителя. Имя Ницше в те годы было у всех на устах, и только естественно, что броские афоризмы из «Так говорил Заратустра» должны были воспламенить случайно их услышавшего оклендского начинающего литератора с его отвращением к меркантильной, бездуховной повседневности буржуазной Америки.

Потом, когда важнейшие работы Ницше были прочитаны, в этих гимнах сильному человеку, утверждающему свое величие и безграничное право, Лондону ясно открылась опасность полного разрыва с нравственными нормами и обреченного блуждания в духовной пустыне одиночества. Так появился фундамент художественной концепции, воплотившейся в лучшей книге Лондона — «Мартине Идене». И у писателя были все основания незадолго до смерти занести в свой рабочий блокнот слова о том, что эта книга содержит обличение индивидуализма, чего не захотели заметить критики, усмотревшие в нем пропагандиста доктрины «сверхчеловека».

Столь же устойчивым было и стремление возвести на Лондона поклев в расизме и шовинизме.

И не один комментатор пытался представить дело так, будто в наследии Лондона нет совсем других страниц. Будто он не написал ни «Мексиканца», оставшегося подлинным поэтическим апофеозом революции в соседней стране, ни «Кулау-прокаженного», где показана гибельная деятельность колониалистов в Полинезии, ни «Лиги стариков» и других индейских новелл, проникнутых глубокой болью за неизбежный исход насильственного столкновения «века стали» с «каменным веком».

Кажется, сам факт, что у Лондона соседствуют произведения настолько несовместимые по всему своему духу, как «Приключение» и «Мексиканец», помеченные одним и тем же годом, должен был бы заставить задуматься о кричащих противоречиях его мышления и удержать от однозначных выводов. Но инерция расхожих представлений преодолевается трудно. И как не оценить сам факт, что у Р. Балтропа эта болезненная проблема творчества Лондона поставлена и исследована как без умолчаний, так и без тенденциозности.

Не секрет, что Лондон заплатил дань предрассудкам, обычным в его родной Калифорнии, где наплыв китайских и японских иммигрантов, продававших свой труд за бесценок, уже во времена его юности создавал острую конкуренцию в борьбе за рабочее место и стимулировал расистские настроения, умело разжигавшиеся местными олигархами. Впечатлениями ранних лет, когда будущий писатель изведal тяжкий труд и постоянную опасность потерять даже свой жалкий заработок, он был подготовлен к восприятию доктрины «социального дарвинизма», сформулированной Г. Спенсером, и заключил из этого учения, что человек — существо сугубо биологическое и что англосаксы обладают расовым превосходством над всем человечеством.

Однако только недобросовестный истолкователь способен изображать его произведения как проповедь расистских мифов. В действительности они были полем борьбы между наносными — и в целом неглубокими — идейными заблуждениями Лондона и его органичным демократизмом, чувством социальной справедливости, пафосом гуманности. Время отсеяло в наследии Лондона все то, что было только свидетельством его нестойкости перед модными квазинаучными теориями расовых отношений, получившими такое распространение на рубеже веков, и в истории литературы писатель остался прежде

всего защитником угнетенных и обездоленных, к какой бы расе они ни принадлежали, поборником человеческого братства в борьбе за будущее без социальных и расовых барьеров, классовых и национальных перегородок.

Р. Балтроп приходит к этому выводу, обстоятельно рассматривая и произведения Лондона, и те обстоятельства и особенности жизненного пути писателя, которые в наибольшей степени способствовали его духовному формированию. Особого внимания заслуживают те разделы его работы, где рассказывается о творческой истории таких книг Лондона, как «Люди бездны» (1903) и «Дорога» (1907). Вплоть до последнего времени обе они, в сущности, игнорировались в немногочисленных английских и американских исследованиях о Лондоне. Должно быть, значение этих книг преуменьшалось из-за их необычайной для той эпохи жанровой природы — лишь сегодня выясняется, что они стоят у истоков документальной литературы, получившей в наши дни такое интенсивное развитие. Так их истолковывает и Р. Балтроп, чьи наблюдения над творческими приемами Лондона представляют несомненный интерес.

Однако наиболее важна мысль биографа, что в «Людях бездны» и «Дороге» всего глубже проявилась неслабевшая связь писателя с воспитавшей его средой эксплуатируемых и отверженных. Здесь напомнило о себе то органичное для Лондона чувство собственной прямой причастности к народной судьбе, которое и помогало ему преодолевать свои ошибки, выражая истинные драмы, устремления и надежды рядовых американцев его времени. А эти надежды все теснее переплетались со стремительно нараставшим революционным движением начала века. Как бы ни расходился с ним Лондон в последние годы жизни, его невозможно понять вне того общественного климата, который был создан в Америке 900-х годов безработицей, забастовочной борьбой, походами голодающих на Вашингтон, крахом реформистских проектов и сильнейшим впечатлением от русских событий 1905 г., вызвавших горячий отклик писателя и, несомненно, по-своему отразившихся в «Железной пяте».

Для Р. Балтропа это отправной пункт исследования. Полная противоречий и драматизма история взаимоотношений Лондона с Социалистической партией изложена в книге аналитично и обстоятельно. Социализм Лондо-

на вырос из его реального жизненного опыта; в этом была и сила его, и слабость. Сила его социалистических убеждений была в том, что такие понятия, как классовая борьба, никогда не оставались для Лондона отвлеченностью, потому что истинный его идеал противостоял всему тому, что знаменовали собой буржуазное общественное устройство и буржуазная этика.

А слабость предопределялась тем, что у Лондона, как и у большинства его товарищей по партии, социализм куда больше был эмоцией, чем твердым пониманием исторических законов, и, как всякая эмоция, оказался преходящим. Здесь явственно сказалась та либеральная природа и «эмоциональность» тогдашнего социалистического движения в США, которую не раз отмечал Ленин. Выходя из партии, когда начавшаяся в Европе империалистическая война подорвала ее и без того шаткое единство, Лондон был прав в своих упреках бывшим соратникам, утратившим волю к борьбе и увязшим в схоластических спорах о тактике. Беда, однако, была в том, что все это уже говорил посторонний — самого Лондона, в сущности, перестали волновать идеи, совсем недавно выраженные в таких боевых его книгах, как публицистические сборники «Борьба классов» (1905) и «Революция» (1910).

Духовный переворот, пережитый им в конце пути и оплаченный жестокими творческими поражениями, многим современникам Лондона казался необъяснимым. На деле же ничего загадочного в нем не было. Просто с наглядностью проявилась незрелость того типа революционного мышления, который был присущ и Лондону, и большинству других американских социалистов его времени. По подобный финал вовсе не зачеркнул того громадного значения, которое имели для Лондона годы его непосредственного участия в кипевшей на его родине социальной битве. Он сражался в этой битве на стороне пролетариата и, как указывает Р. Балтроп, был первым американским писателем, в чьих книгах заговорил о себе рабочий класс. Он создал «Железную пяту» — роман удивительной идейной емкости, заостренно поставивший коренные проблемы вступавшего в свои исторические права XX столетия.

В книге Р. Балтропа этот роман подчеркнуто выделен среди других лондоновских произведений — случай нечастый среди западных критиков, касавшихся творчества Лондона. Р. Балтропу ясна исключительная роль

социальной утопии Лондона, оказавшейся, как подтвердило время, одной из самых проницательных во всей литературе XX века. В годы антифашистской борьбы «Железная пята» приобрела острую актуальность. Это было произведение, предвосхитившее невиданные катаклизмы, через которые предстояло пройти человечеству на его пути к новому, справедливому и гуманному миру.

Трудно, однако, согласиться с Р. Балтропом, неожиданно прочитывающим этот роман еще и как свидетельство разочарования Лондона в идеалах социализма. Критик явно опережает события. Отход от американского социалистического движения начался у Лондона позднее и несомненно был вызван отказом принять избранную социалистами политику компромиссов.

Из этой ошибки Р. Балтропа возникает целая цепочка неточностей, в итоге отрицательно сказывающихся на всей его концепции. В советском литературоведении давно установился взгляд на «Железную пята» как на произведение, ознаменовавшее один из высших творческих взлетов Лондона и кульминацию его веры в неизбежность движения человечества по пути к социализму. Так восприняли роман и выдающиеся деятели революционного движения начала века, так его воспринимали в дальнейшем новые поколения революционеров в разных странах мира. И после «Железной пята» Лондон хранил верность идеям, выраженным в этой книге. Сборник «Революция» помечен 1910 годом — а ведь эта книга вопреки утверждениям Р. Балтропа о нарастающем разочаровании писателя в социализме была проникнута социальным оптимизмом, отнюдь не растраченным за годы путешествия на «Снарке». Как и «Железная пята» или некоторые новеллы Лондона — «Отступник», «Мексиканец», — этот сборник представлял собой ранний образец «литературы рабочего класса», которую Р. Балтроп без всяких оснований объявляет всего лишь мечтой, словно бы она не существует в Америке, словно бы не пережила в 30-е годы мощный подъем.

Заблуждения Р. Балтропа достаточно традиционны для западных критиков, касавшихся этой стороны творчества Лондона. И первых рецензентов «Железной пята», и последующих комментаторов, представлявших передовую критику, иногда смущала суровость созданных Лондоном картин, жестокая и скупая по краскам мозаика эпизодов, которые показывают кровавый раз-

гром Первого восстания американского пролетариата. Видимо, и Р. Балтроп, говоря об отразившихся в «Железной пяте» сомнениях и колебаниях Лондона, имеет в виду прежде всего мрачный колорит многих сцен романа и заключенную в нем резкую критику прекраснотушных иллюзий насчет мирного, безболезненного перехода к новой эре Братства людей.

История подтвердила, что эта критика была и своевременной, и точной. Споры нет, Лондон допустил серьезные просчеты, изображая профессиональных революционеров в виде исключительных личностей, которые избрали своим главным оружием террор и полагаются скорее на индивидуальные усилия, чем на организованную борьбу. Можно отметить и другие его упущения. Но в главном Лондон не ошибся. Он знал, что эра Братства наступит лишь после страшных потрясений и что Железная пята олигархии не остановится ни перед чем, защищая свое могущество. Но он знал и другое — на часах истории время господства олигархии сочтено. И пусть записки Эвис Эвергард обрываются на полуслове, потому что героиня схвачена полицией в канун Второго восстания, — Мередит, комментатор и издатель этих записок, живет уже в новом обществе, свободном от тирании Железной пяты.

Жаль, что Р. Балтроп не попытался сопоставить прогнозы Лондона с реальными фактами исторического процесса. Дистанция в три четверти столетия, отделяющая нас сегодня от «Железной пяты», дает возможность не только различить ошибки Лондона и ясно увидеть наивность некоторых его представлений. Существеннее, что с этой дистанции особенно отчетливо выступает значение его книги как провозвестия великих революционных битв и необратимой логики исторического движения человечества. В этом смысле «Железная пята» остается центральным произведением Лондона, да, пожалуй, и всей американской литературы начала века.

Жанру литературной биографии свойственна своя ограниченность — необходим отточенный навык, чтобы, не поступаясь спецификой, преодолеть ее рамки и продвинуться к осмыслению творческих проблем, связанных с наследием писателя, о котором идет речь. Издержки «чистого» биографизма ощутимы в работе Р. Балтропа и там, где говорится о «Железной пяте», и особенно на страницах, посвященных «Мартину Иде-

ну», а также северным и полинезийским рассказам, книгам Лондона о животных («Джерри-островитянин», «Майкл, брат Джерри»). Проблематика всех этих произведений освещается Р. Балтропом слишком суммарно, а новаторское художественное видение Лондона, которое здесь раскрылось всего полнее, почти не анализируется. Тем не менее хотя бы одно наблюдение автора заслуживает внимания и интереса — его мысль о романтическом мироощущении Лондона, окрасившем поэтику его наиболее значительных книг.

Лондона, как правило, рассматривают на фоне общего литературного развития в США рубежа столетий, ознаменованного триумфом реализма и такими граничащими с натурализмом явлениями, которыми были, например, романы Эптона Синклера или произведения «разгребателей грязи». Такой подход исторически обоснован и верен. Однако создается опасность выравнивания художественного многообразия американской прозы тех лет по одному эстетическому образцу, которым обычно служит «Сестра Керри». Бесспорно, в первом романе Драйзера всего отчетливее проявились важнейшие литературные устремления эпохи. И все-таки она была в творческом отношении гораздо богаче, и реализм уже на ранней стадии своего развития в американской литературе выявлял самые разные художественные возможности, самые несхожие типы обобщения.

В книгах Лондона эта динамика и многоплановость творческих исканий реалистической американской литературы выявилась, быть может, наиболее полно. Поэтому вполне органичными были для него и фактографизм «Людей бездны», и художественная условность «Железной пяты», и социально-аналитический пафос «Лунной долины», и романтическое восприятие мира, запечатленное в рассказах о Клондайке и не раз дающее себя почувствовать на страницах «Мартина Идена». Р. Балтроп полагает, что этот элемент «романтической фантазии» был определяющим в творчестве Лондона. Мысль критика требует уточнений — скорее следовало бы говорить об одной из тенденций, — но в целом она представляется плодотворной и глубоко современной. Недооценка романтического начала в искусстве реализма, каким оно предстает на Западе в XX веке, теперь отошла в прошлое, и наследие Лондона приобрело особый интерес как одно из важнейших исходных звеньев

традиции, ведущей к таким вершинам, как творчество Хемингуэя и Сент-Экзюпери.

Роберт Балтроп безошибочно чувствует существенное значение книг Лондона в истории литературы и, что еще важнее, их актуальность, не убывающую с ходом времени. Это и придает ценность его работе, ставшей еще одним свидетельством возрождающегося интереса к Джеку Лондону в разных странах мира.

А. Зверев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые я узнал о Джеке Лондоне девятилетним мальчишкой. В нашем городе был новый кинотеатр, в котором демонстрировались звуковые фильмы; афиша возвещала о том, что скоро будет показан фильм «Морской волк». Имя автора было выведено огромными броскими буквами; волны бились о берег, взлохмаченный крепыш в рубашке с расстегнутым воротом стоял в кренившейся рубке. Фильма этого я так и не увидел (постановщиком его был Альфред Сантелл, а еще раньше по «Морскому волку» было снято несколько немых фильмов), но эта афиша создала у меня образ Джека Лондона.

Два года спустя я прочел отчет о поединке боксеров тяжелого веса Джека Джонсона и Джима Джеффриса в Рено в 1910 году. В начале отчета говорилось, что Джек Лондон в печати потребовал возвращения Джеффриса на ринг после шестилетнего перерыва, а завершился он сообщением о сокрушительном поражении старого чемпиона. За эти два года я узнал, что Джек Лондон написал немало рассказов про Аляску и сам находился там во времена золотой лихорадки. Образ человека в рубке обрел новые краски. Его жизнь была полна захватывающих приключений — таких, о которых писал журнал «Уайд уорлд»; он был неукротим, напорист и смело шел навстречу опасности. Мне нравились его книги «Белый клык», «Зов предков», «День пламенеет», но совсем не нравился автор.

Потом, став постарше, примерно лет в двадцать, я открыл Джека Лондона как писателя-социалиста. Один из моих приятелей очень увлекался его сочинениями. Мы говорили о «Железной пяте» и о «Смирительной ру-

башке»¹, а я в то время восхищался также книгой «Дорога», особенно ее великолепным началом: «В штате Невада есть женщина, которой я однажды на протяжении нескольких часов лгал упорно, последовательно и нагло». Я начал собирать его книги по букинистическим магазинам и продолжал это не один год. Иногда мне попадались роскошные американские издания — однажды я наткнулся на сборник рассказов «Когда боги смеются» в прекрасном издании «Сонома», дал его кому-то почитать и больше уже не видел; но большей частью это были дешевые книги в голубых обложках из Полного собрания сочинений Джека Лондона, выпущенного Миллсом и Буном в 20-е годы. Время от времени я находил переводы его книг на другие языки: *Les Vagabonds du Rail. Il Richiamo della Foresta, Colmillo Bianco*.

С годами ощущение противоречивости его характера крепло во мне. Яростный крестовый поход Лондона в защиту интересов рабочего класса уживался в нем с упрямым, почти мстительным расовым снобизмом, требование строгой логики («Факт, неопровержимый факт») сочеталось с обескураживающими своей банальностью сентиментальными историями. Много лет искал я «Письма Кэмптона и Уэйса», которыми Джек Лондон так гордился. Однажды в книжном магазине в Глазго я рассказал об этом моему товарищу Джо Ричмонду. Выслушав меня, он произнес: «Если ты так мечтаешь об этой книге, я тебе ее подарю». Она оказалась пустой и претенциозной, напичканной пред-рассудками и не лишенной интеллектуального позерства.

Однако с течением времени я по-настоящему узнал и, надеюсь, стал понимать Джека Лондона. Такие определения, как «пророк», «революционер», «расист» или «олицетворение американского индивидуализма», не дают ничего. Встречи и беседы с людьми, его окружавшими, помогли многое понять. Одним из них был Чарльз Лестор, чья лекция о Джеке Лондоне завершилась патетической декламацией стихов из «Железной пяты»:

Я тот, кого ты в мир труда и мечты
Из рая изгнал, мой Творец.

---

¹ Роман больше известен под названием «Звездный скиталец». — *Прим. ред.*

Здесь я прожил века, здесь я пребуду, пока
Не придет вселенной конец.

Лестор прожил богатую событиями жизнь и принял участие в политической борьбе США в начале века. Его рассказ, не слишком богатый конкретной информацией, передавал дух эпохи Джека Лондона.

Существует три подробные биографии Лондона. Это двухтомный труд его жены, «Моряк в седле» Ирвинга Стоуна и книга его дочери Джоан. Каждая из них бесценна и каждая неадекватна. Чармиан Лондон ведет рассказ о муже, исходя из их личных взаимоотношений. Большинство читателей сочтет ее книгу перенасыщенной частными подробностями жизни Джека, хотя главный недостаток книги состоит в замалчивании отдельных фактов; в то же время она содержит очень богатый материал о жизни Лондона. «Моряк в седле» относится к жанру популярной биографии без претензий на что-либо другое и без попыток оценить его идеи и творчество. Автор, в частности, ставил перед собой задачу назвать имена и факты, опущенные Чармиан, и представить ее самое в несколько невыгодном свете.

Наибольший интерес вызывает книга Джоан Лондон, хотя в ней почти не нашлось места личным проблемам. Причины этого ясны. Рожденная в недолгом первом браке, она не имела возможности непосредственно увидеть привлекательные стороны натуры отца; но ее наблюдения тщательны и объективны. В книге воссоздается социальная история того времени, когда жил Джек Лондон, рассказывается об экономическом развитии Америки, философских идеях и политических движениях, по волнам которых он плыл.

Названные книги написаны американцами. Насколько мне известно, в Англии не было посвященных ему исследований, если не считать предисловий и рецензий. Вместе с тем произведения Джека Лондона переиздаются регулярно на разных языках и в разных странах. Смертельно больному Ленину читали «Любовь к жизни». «Зов предков» и «Белый клык» стали признанной детской классикой. В некоторых изданиях Миллса и Буна в списке его произведений звездочкой отмечены экранизированные — их число поразительно. Регуляр-

---

¹ Лондон, Джек. Соч. в 7-т., т. 5. М., «Художественная литература», 1955, с. 140. (Далее все цитаты даются по этому изданию.)

но я слышу от книготорговцев о «возвращении» Джека Лондона — правда, особенно далеко он и не отлучался. Я почувствовал силу его притягательности, когда несколько лет назад, учительствуя в Лондоне, прочитал своим ученикам рассказ «Мексиканец». Когда я дошел до его невероятного и изумительного финала — юный герой одерживает неслыханно трудную победу над грозным противником, и ему, обессиленному, видятся ружья для революции, — четырнадцатилетние мальчишки и девчонки в восторге принялись колотить кулаками по крышкам парт.

Следовательно, существует потребность в книге, в которой была бы предпринята попытка рассмотреть Джека Лондона как писателя, социалиста, человека. Это и стало моей целью. Я кратко охарактеризовал ранние годы его жизни и его воспитание, так как мелкие подробности быта и домашние события могут быть найдены в других работах, в частности у Чармиан. С другой стороны, есть много материалов, не вошедших ни в одну из предыдущих книг. То, что моя книга написана незадолго до столетия со дня рождения писателя, — простое совпадение, а не расчет. В то же время юбилей — подходящий повод как для оценки, так и для торжества, ведь юбиляр был выдающимся человеком. Для миллионов людей он создал мир приключений, явившихся не плодом авторской фантазии, но историей его собственной жизни; кроме того, он художественно осмыслил некоторые теории молодого социалистического движения.

Я употреблял слово «социалистический» достаточно произвольно, применительно к разным людям и идеям, потому что именно так это слово употреблялось в начале века. Поэтому я буду пользоваться словом «социалистический» в его первоначальном значении и призываю читателей обратить внимание на те главы книги, где речь идет о социализме Джека Лондона.

Я решил обойтись без библиографии, поскольку не убежден в ее ценности для обычного читателя. Список книг и статей о Лондоне имеется в политической антологии Филипа Фонера «Джек Лондон, американский бунтарь» («Цитадель пресс», Нью-Йорк, 1947), а также в работе Вудбриджа, Лондона и Твини «Джек Лондон: библиография» («Талисман пресс», Джорджтаун, Калифорния, 1966). Позднейшим дополнением к названным работам может служить книга Франклина Уокера

«Джек Лондон и Клондайк», опубликованная в Англии издательством «Бодли Хед».

Хочу выразить признательность тем, кто помогал мне: А. Рэб из Ньютона, штат Массачусетс, за копию письма Лондона Рабочей социалистической партии; Эдгару Харди за сведения об Эрнесте Хантере; Гарри Янгу за воспоминания об Эдмундо Пелусо; мистеру Эдмунду Корку из «Хьюз мэссис лимитед» за рассказ о сотрудничестве Джека и Чармиан Лондон с его фирмой; Чарльзу П. Дэвису из Нью-Йорка за письмо о «генерале» Кокси и С. Э. Паркер за письмо о Бенджамине Де Кассерисе, а также Американской библиотеке Лондонского университета, которая любезно отвечала на все мои вопросы. Билл Кристофер, Израэль Рэнсон и Роберт Меррей снабжали меня книгами. Особенно мне хочется поблагодарить издателей, которые оказали мне неоценимую поддержку и помощь во время создания данной книги.

Кроме того, и многие друзья внесли свою лепту. Бесчисленные беседы на протяжении многих лет и постоянный обмен мнениями о Джеке Лондоне заставляли меня по-новому взглянуть на его творчество и способствовали лучшему его пониманию. Почти с уверенностью можно сказать, что без этого данная книга не была бы написана.

1. ДЕТСТВО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Джек Лондон родился 12 января 1876 года в Сан-Франциско. В биографии, написанной его женой и опубликованной в 1921 году, через пять лет после его смерти, рассказано о его родителях и их материальном положении. Джон Лондон, отец Джека, был фермером в штате Айова. Овдовев и оставшись с большой семьей на руках, он продал ферму и сделался подрядчиком в Сан-Франциско. Там он сблизился с кружком спиритов, где встретил Флору Уэллман. Они поженились, и единственным ребенком от этого брака был Джек. Вскоре после рождения сына дела Джона Лондона пришли в упадок. Какое-то время он был коммивояжером, потом вместе с семьей перебрался на другую сторону залива и снова стал мелким арендатором в Окленде, который Джек всегда считал своим родным городом.

Только в 1938 году стала известна новая версия. Книга Ирвинга Стоуна «Моряк в седле» начиналась с сообщения из газеты «Сан-Франциско кроникл» за июнь 1875 года о попытке самоубийства Флоры Уэллман. Она жила с неким «профессором» У. Г. Чейни, бродячим ирландским астрологом, и ко всему прочему многоженцем. Как писала «Кроникл», Чейни, узнав про беременность Флоры, поссорился с ней и «выгнал ее из дому за отказ избавиться от ожидаемого младенца». Флора поселилась в доме Уильяма Слокума, журналиста, сотрудничавшего в «Кроникл», и пребывала там вплоть до рождения ребенка; она читала лекции по спиритизму и бранила Чейни. Неизвестно, до или после рождения сына познакомилась она с Джоном Лондоном, но поженились они 7 сентября 1876 года, и она расписалась на брачном свидетельстве «Флора Чейни».

Та же история рассказана в книге дочери писателя «Джек Лондон и его время», опубликованной в 1939 го-

ду. Джоан писала о шести браках Уильяма Чейни, отмечая, что они были неудачными и что «законность некоторых из них вызывала сомнения». Обрисовав Чейни, она продолжала: «Несмотря на то что ему было пятьдесят три года и он был женат, Флора Уэллман стала четвертой миссис Чейни». Очевидно, Флора не была законной женой Чейни, в противном случае она вряд ли смогла бы так быстро вступить в брак с Джоном Лондоном. С Чейни у нее была недолгая связь, окончившаяся, по свидетельству «Кроникл», 3 июня 1875 года и продолжавшаяся, как говорил сам Чейни, менее года. Версия Джоан Лондон не оставляет никаких сомнений относительно того, кто был настоящим отцом писателя. А Стоун приводит сообщение, появившееся в «Кроникл» 14 января 1876 года: «Чейни. 12 января в Сан-Франциско у супруги У. Г. Чейни родился сын».

Джек знал, что Чейни считают его отцом, но ему не удалось найти подтверждение этим слухам. Живи он позже, он стал бы, подобно Стоуну, искать подтверждения или опровержения в документах, однако в начале века это было затруднительно. В 1897 году, когда ему исполнился 21 год, он написал Чейни и прямо спросил, является ли тот его отцом, обещая «хранить молчание и тайну». Чейни не признал его своим сыном. Называя Джека «дорогой сэр», «профессор» писал: «Хотя я никогда не был женат на Флоре Уэллман, мы вместе пробыли с 11 июня 1874 года по 3 июня 1875 года. Вследствие нужды, лишения и напряженной умственной работы я не был способен в тот период к физической близости. Поэтому я не могу быть вашим отцом; кто ваш отец, мне неизвестно».

Эта история, продолжал Чейни, особенно то, как она была подана «Кроникл», принесла ему позор и несчастье: все родственники, кроме сестры, отвернулись от него. Он писал, что опубликовал свою версию, заверенную полицией, и опроверг «клеветническое утверждение», будто бы выгнал Флору Уэллман из-за отказа избавиться от беременности. Письмо заканчивалось так: «Мне семьдесят шесть лет, и я очень беден». Джек не отступал и написал снова, но и в последнем ответе Чейни повторил, что был неспособен к физической близости, а покушение Флоры на самоубийство назвал лицемерной уловкой. (По мнению Ирвинга Стоуна, тут произошло недоразумение: Чейни хотел сказать, что у него были интимные отношения с Флорой, но он не мог

иметь детей.) Он дал понять, что у Флоры были и другие мужчины. Письма Чейни свидетельствуют о его желании снять с себя всякие подозрения насчет отцовства.

Почти наверняка Чармиан Лондон знала все эти подробности, но умолчала о них. Ее подробный и обстоятельный рассказ о молодых годах Джона Лондона становится уклончивым, когда речь заходит о его жизни после смерти первой жены — «в начале 70-х» — и о том, что произошло в Сан-Франциско. Ухаживанию Джона Лондона за Флорой здесь уделяется всего несколько слов. Очень показательно, что дата их свадьбы не называется. Даже если Чармиан не имела подтверждений версии Чейни, то любая точная дата свидетельствовала бы о том, что Джек Лондон родился вне брака.

Чармиан больше всего хотела бы подчеркнуть почтенное происхождение и хорошее воспитание мужа. Есть основания полагать, что и другие прекрасно это понимали. В 1924 году Адольф Кон, деятель социалистического движения, хорошо известный по обе стороны Атлантики, упомянул в «Сошиэлист стэндарт» (Лондон) о «буржуазной леди», представившей в ложном свете взгляды своего мужа, — такова была точка зрения американских коллег Кона, которую он разделял. Вводная глава книги Чармиан озаглавлена «Наследственность». В ней говорится о «расовой гордости», а среди предков Джека называется сэр Уильям Лондон, соратник Вашингтона. Флора Уэллман также происходила из хорошего валлийского рода, и ее семья прибыла в Америку до революции.

Отец Джека Уильям Чейни был необыкновенной личностью. Ирвинг Стоун и Джоан Лондон отмечают бросающееся в глаза внешнее сходство между ним и Джеком. Чейни был невысок, крепко скроен и энергичен. Известно, что доктор, наблюдавший Флору во время беременности, признал шестнадцатилетнего Джека сыном Чейни. Далеко не все согласны, что жажда приключений, умственные способности и безалаберность в денежных делах передаются по наследству, однако у обоих эти качества были ярко выражены. Все, что известно о Чейни, почерпнуто из его сочинений, во многом автобиографических.

Он родился в 1821 году в Новой Англии, в семье зажиточного фермера. Ему исполнилось девять лет, когда отец погиб в результате несчастного случая, ферма была продана, а Уильяма отдали на воспитание соседу-

фермеру. Стремясь к учебе и знанию, он сбежал и время от времени подрабатывал физическим трудом. Потом он был моряком, даже служил на военном флоте, но скоро уволился. Он сочинял рассказы и романы, стал адвокатом, но, говорят, и в этом занятии не преуспел, поскольку слишком яростно осуждал бесчестность судов и судебных. Чейни не раз разорялся, что не мешало ему вступить в первый из его многочисленных браков. Он интересовался и политикой.

В 1866 году в Нью-Йорке Чейни познакомился с доктором Броутоном и немедленно увлекся астрологией. В эти годы в американских городах с чудовищной быстротой распространялись любые новые идеи — ревивализма¹, утопического социализма, эмансипации женщин, спиритизма. Несмотря на то что нью-йоркские газеты постоянно громили астрологов и спиритов, чьи собрания служили отличной приманкой для хулиганов, астрология и спиритизм процветали. После одного из скандалов Чейни был приговорен к тюремному заключению сроком на 7 месяцев: он обратился к полиции, чтобы задержать противника, и был обвинен в попытке подвергнуть аресту невиновного. Он внушил интерес к астрологии женщине, вместе с которой был в заключении, женился на ней в декабре 1867 года, однако уже через год расстался с ней и отправился читать лекции на Северо-Запад. В конце 1873 года, когда он собирался вернуться из Сан-Франциско в Нью-Йорк, его обокрали, и он вынужден был отложить отъезд. Всю зиму он выступал с лекциями по астрологии и проводил спиритические сеансы. Астрология была для него такой же точной наукой, как математика или физика, и в лекциях его эрудиция сочеталась с занимательностью.

По словам самого Чейни, он собирался вернуться в Нью-Йорк весной 1874 года, когда получил письмо от бывшей жены. Она писала, что добилась развода и может вновь выйти замуж, однако, если он сам женится вторично, она на законном основании упрячет его в тюрьму. «Во мне закипел гнев», и в июне 1874 года он женился на Флоре Уэллман. Они поселились на Буш-стрит, 314, где расположены были его дом и контора, а вскоре переехали на Первую авеню, 122. Флора помогала ему, продавая во время его выступлений брошюры по

---

¹ Ревивалисты — одна из религиозных сект, проповедующая духовное «возрождение». — *Прим. ред.*

астрологии. Чейни сотрудничал также в журнале «Коммон сенс, джорнэл ов Лайв айдиэз», издаваемом Уильямом Слокумом. Идеи политического радикализма сосуществовали здесь с не очень популярными идеями — свободной любви, вегетарианства, спиритизма и астрологии. В этих идеях было много сходного, а общее сознание того, что все они ниспровергают традиции и сложившийся порядок вещей, заставляло их сторонников поддерживать друг друга. Чейни приняли благосклонно.

Однако этой благосклонности пришел конец, когда он отверг Флору. Слокум и его сотрудница по «Коммон сенс» миссис Аманда, сблизившиеся с Флорой, выступили на ее стороне. Можно предположить, что именно Слокум был автором негодующей статьи в «Кроникл». Чейни покинул Сан-Франциско. Несколько лет он жил у сестры в Портленде, выступая с лекциями и занимаясь журналистикой. После краткого пребывания в Нью-Орлеане он обосновался в Чикаго, где женился на Дейзи, последней миссис Чейни, и стал именовать себя директором астрономического колледжа. Он умер в бедности, торгуя гороскопами по доллару за штуку, в то самое время, когда его сын Джек Лондон становился всемирно известным писателем.

Флора Уэллман тоже была женщиной незаурядной. Она родилась в 1843 году; ей было тридцать лет, когда началась ее связь с Чейни, который годился ей в отцы. Она была очень маленького роста, менее пяти футов. Ее внучка Джоан вспоминает рассказы бабушки о вечеринках и балах времен Гражданской войны. Флора выросла в достатке, но в шестнадцать лет сбежала из дому и в 1874 году зарабатывала себе на жизнь уроками музыки. В молодости она перенесла брюшной тиф, пагубно сказавшийся на ее внешности. У нее ухудшилось зрение и выпало много волос, что вынудило ее носить парик. Ее неустойчивый и меланхоличный характер тоже мог быть следствием перенесенной болезни. Мать Флора потеряла еще в младенчестве; девочка росла раздражительной и доставляла немало хлопот.

Чейни осуждал Флору за неразборчивость в связях. Однако тут можно возразить, что в Сан-Франциско она попала в среду, где на это смотрели снисходительно. Она дружила с «прогрессистами» и, увлекшись спиритизмом, принимала участие в сеансах. Позже, уже в старости, она почти не вспоминала о своем прошлом, и

очень немногие друзья о нем знали. После романа с Чейни и рождения сына она быстро начала блекнуть, однако сохранила упрямство, своеволие и неуравновешенность, которые по-прежнему определяли жизнь семьи.

Состояние здоровья Флоры не позволяло ей кормить младенца — пришлось нанять черную кормилицу миссис Прентисс, у которой умер ребенок. Ее мать была рабыней в штате Виргиния, а сама миссис Прентисс ребенком была продана другим хозяевам. Джек звал ее «мама Дженни». Она его обожала и на всю жизнь осталась для него близким и дорогим человеком. Когда Джек был совсем крошкой, некая английская пара, желавшая усыновить ребенка, попросила «маму Дженни» показать его. Из ее собственного рассказа, записанного Чармиан Лондон, известно, какую головомойку задала «мама Дженни» своему мужу, который пустил в дом этих англичан, и как горевала, когда пришлось отнять мальчика от груди.

Год Лондоны прожили в коттедже на Бернал Хайтс в Сан-Франциско, пока Джон Лондон работал коммивояжером в компании Дж. М. Флейвена «IX Импориум». Перейдя торговым агентом в фирму швейных машинок «Зингер», он стал зарабатывать больше, и семья переехала в шестикомнатную квартиру на Фолсон-стрит. Это был один из особняков, которые незадолго до пожара 1906 года были перестроены и превращены либо в пансионаты, либо в меблированные комнаты. Вскоре Флора нашла новое жилище — дом, расположенный на бойком месте в конце Натомас-стрит. Они могли бы пожить здесь и дольше, не случись эпидемии дифтерии.

Джек, совсем еще маленький, и его сестра Элиза заболели. Флора всячески старалась выходить детей, однако позже Элиза вспоминала, как мать справлялась, нельзя ли будет, если случится самое худшее, похоронить их в одном гробу, так дешевле. Оба выжили, но для полного выздоровления доктора советовали перебраться в деревню. Джон снова загорелся мечтой сделаться фермером. Он присмотрел дом с участком в пригороде Сан-Франциско — Окленде, где собирался выращивать овощи, преимущественно помидоры, и продавать их в магазине на углу Седьмой и Кэмпбелл-стрит.

Джек Лондон писал, что его приемный отец был от природы «слишком добр, чтобы добиться успеха в жестокой борьбе за существование, которую человеку при-

ходится вести, если он хочет выжить в анархическом мире капитализма». Очевидно, у Джона Лондона был большой запас оптимизма, но отсутствовала деловая хватка. Тяжелым трудом он добился успеха, но оказался слишком честен и потерпел фиаско из-за доверчивости. У него был компаньон по фамилии Стоуэлл, который ведал магазином, пока Джон собирал заказы. Однажды, вернувшись после трудового уик-энда, Лондон обнаружил, что компаньон вчистую ограбил его. Лондон обратился в суд за возмещением убытков, но получил гроши. Ему снова пришлось выращивать овощи на клочке земли, примыкавшем к ипподрому Эмервилл в Окленде.

В Окленде семья часто меняла место жительства. Когда дела несколько улучшились, они переехали на ферму в Аламейде, занимавшую пятнадцать акров, и Джон увеличивал ее, покупая прилегающие земли. Нянчиться с маленьким Джеком чаще всего приходилось сестре Элизе. В Сан-Франциско она возила его в коляске, в Аламейде таскала с собой в школу. Учитель ставил ему ящик вместо парты и давал книжку с картинками. Быть может, именно поэтому Джек впоследствии говорил, что самостоятельно научился читать и писать к пяти годам.

Флору постоянно обуревало беспокойство, ей не сиделось на одном месте, она не могла систематически заниматься чем-либо, за исключением спиритизма. Одиночество и беспомощность были самыми сильными впечатлениями детства Джека и на всю жизнь внушили ему ненависть к деревенской жизни. У его матери то и дело возникали какие-то новые планы и идеи. Она торговала сусальным золотом для картинных рам, организовывала детские сады, продавала лотерейные билеты. В доме постоянно устраивались спиритические сеансы; с шести лет в них принимал участие и Джек. Случались в семье скандалы и ссоры из-за неуравновешенности Флоры. Во время одной из ссор Джек впервые услышал о профессоре Чейни, хотя, быть может, само имя и не было произнесено. В набросках, которые он в зрелом возрасте делал для автобиографии (под названием «Моряк в седле»), встречается такой эпизод: шестилетним мальчишкой он слышит перебранку родителей; отец попрекает мать незаконным ребенком, она, рыдая, говорит: «Он обещал мне райскую жизнь».

«Мама Дженни» переехала в коттедж неподалеку

от Аламейды, и Джек проводил немало времени у нее в доме, где его нянчили и кормили. Он играл с детьми Дженни, которые были наполовину белыми, и кажется странным, что у него сложилась уверенность в «неполноценности» цветных. Правда, Флора Уэллман обладала стойкими расовыми предрассудками, которые, видимо, в раннем возрасте передались ему. Она любила хвастать тем, что происходит из «старинного американского рода», а не каких-нибудь «даго»¹ или вообще иммигрантов. И пожалуй, впитанное с детства чувство превосходства над соседями — ирландцами и итальянцами сыграло немалую роль в одиночестве и обособленности Джека. «Мама Дженни» тоже не была чужда подобных предрассудков. Она гордилась, что родилась чистокровной негритянкой, была набожна и ценила свое положение в общине, почти все члены которой считали само собой разумеющимся господствующее положение белых.

Джек и Элиза учились в уэстэндской школе в Аламейде. Перед сном Элиза читала брату и впоследствии вспоминала, что он обожал всевозможные приключенческие истории и не расставался с книгой. Джек рос здоровым и крепким мальчиком, но одиноким и застенчивым, а это усиливало его любовь к чтению. В те годы на него большое впечатление произвели «Альгамбра» Вашингтона Ирвинга, жизнеописание Гарфилда и «Синья» Уйды. Всю жизнь он говорил, что «Синья» повлияла на него больше, чем любая другая книга. Он воображал себя ее героем — молодым итальянским крестьянином, ставшим знаменитым музыкантом, а романтическая, мятежная философия Уйды глубоко запала ему в душу.

Когда Джеку исполнилось восемь, семья снова переехала, на сей раз на большую ферму в Ливерморе. Джон Лондон занялся выращиванием винограда и плодовых деревьев, но через год решил построить огромный инкубатор. Но тут начались несчастья. Семнадцатилетняя Элиза, которая ухаживала за цыплятами, вышла замуж и покинула отчий кров. (Ее будущий муж Джеймс Шепард, вдовец средних лет, вместе со своими тремя сыновьями столовался у Лондонов.) Банк, в котором Джон Лондон заложил ферму, отказал в выкупе закладной, и в конце концов тот был вынужден признать себя несостоятельным должником. В 1886 году семья вернулась

---

¹ Презрительная кличка американцев итальянского происхождения. — *Прим. перев.*

в Окленд и поселилась в большом доме на Семнадцатой улице. Флора решила рискнуть в последний раз. Она попыталась превратить дом в пансион для работниц текстильной фабрики. Когда и эта затея провалилась, на долю Джона осталась работа обычного пенсионера — помощником констебля, ночным сторожем.

Переезд дал Джеку то, что было для него важнее всего, — доступ в публичную библиотеку. Она помещалась в ветхой деревянной постройке недалеко от старого муниципалитета на Четырнадцатой улице. Одиннадцатилетний мальчик записал в библиотеку свою семью и семью Элизы, жившую неподалеку от нового дома Лондонов, чтобы на их читательские билеты брать книги для себя. Он привлек внимание библиотекаря мисс Айны Кулбрит. После того как он осилил серьезные и сложные для восприятия «Новую Магдалину» Уилки Коллинза и романы Смоллета, она взялась руководить его чтением. Это была первая встреча Джека с образованным человеком — она произвела на него сильнейшее впечатление и преисполнила чувства благодарности. Мисс Кулбрит заметила, что более всего мальчика привлекают путешествия, приключения и открытия, и стала давать ему все, что имелось. Он читал запоем, возбуждаясь и все больше отдаляясь от близких. Он требовал, чтобы ему не мешали. У него начался даже нервный тик.

Чтобы помогать семье, ему приходилось разносить газеты, поскольку у Джона Лондона не было постоянной работы. Каждое утро Джек поднимался затемно и после уроков опять разносил газеты. За это он получал двенадцать долларов в месяц, из которых Флора позволяла ему оставлять по десять центов в неделю. Он подрабатывал, помогая тряпичникам, и копил деньги на билеты в Дитц Опера Хаус и театр «Тиволи». Живя в Аламейде, они по субботам всей семьей бывали в «Тиволи» — это было самым большим удовольствием. В детстве Чармиан Лондон много слышала о тамошних чудесах, но ее туда не пускали, и она знала обо всем только по рассказам родных, а «Джек Лондон с круглыми от восхищения глазами смотрел волнующие спектакли».

Разноска газет и другие подобные занятия сделали его своим человеком на улицах и в доках города. Одиноким, в потрепанной одежде, он брался за любую работу, чтобы добыть побольше денег. Десять лет спустя он писал своей первой возлюбленной, Мейбл Эпплгарт:

«В восемь лет я впервые надел нижнюю рубашку, купленную в магазине. Долг! В десять лет я уже торговал на улице газетами. Каждый цент отдавался в дом. В школу я ходил, мучительно стыдясь своих ботинок, одежды, шапки. Долг! Из-за него у меня не было детства. На ногах с трех утра, чтобы успеть разнести газеты. Потом, не заходя домой, сразу в школу. Кончались уроки, а меня недали вечерние газеты. По субботам я помогал развозить лед. По воскресеньям я ставил кегли в кегельбане для пьяных голландцев. Долг! Я отдавал каждый цент и был одет как пугало».

Так он запальчиво отвечал на ее упреки. Почти все, что он говорил, было правдой, но возмущение заставило его забыть о приобретенном в те годы опыте. Мечты о приключениях, рожденные книгами, начали сбываться. Наступил закат великой эпохи парусников. В оклендскую гавань заходили корабли из всех портов мира. Нередко в заливе зимовали северные китобойные суда. И малые суденышки — лодки рыбаков и устричных пиратов, китайские и японские джонки, боты контрабандистов и охотников за редкостями, — овеянные романтикой дальних странствий. Джек наблюдал жизнь салунов и таверн, пьянство и драки, слушал матросские разговоры и байки. Море магнетически притягивало его.

Только одно в письме было неправдой. Он не отдавал всех заработанных денег. Все больше и больше свободного времени он проводил в яхт-клубе, расположенном в устье; он драил палубы и брался за любую работу, постигая попутно науку кораблевождения. По центру он собирал деньги на покупку лодки. В тринадцать лет он купил лодку за два доллара. Она была стара и протекала, однако он плавал на ней по устью реки и даже рисковал выбираться в залив. Лодка часто переворачивалась, но он научился управляться с нею.

В тринадцать лет Джек окончил школу. К этому времени отчий дом превратился для него в место, куда он отдавал деньги, где ел и спал. По-своему он был привязан к родителям. Джон Лондон относился к нему спокойно и по-товарищески, но этот бесхарактерный фантазер неспособен был навести порядок в доме и приструнить Флору. Позже Джек говорил своему другу Генри Миду Бланду, что восстал против ее власти из-за незаслуженного наказания, а также в знак протеста против ее увлечения спиритизмом. До двенадцати лет он обычно убегал из дому, когда начинались сеансы или

ее «озарения», во время которых она беседовала с духами индейских вождей. Впечатления детства на всю жизнь вызвали в нем неприязнь к любым разновидностям религии.

Ему предложили принять участие в церемонии по случаю окончания школы, но он не явился, стыдясь своей поношенной мешковатой одежды. Его будущая профессия или карьера никого не занимали. Джон немногому мог научить его. Флора же или неспособна была задуматься об этом, или ее вполне устраивало, что он продает газеты и подрабатывает где придется. Так продолжалось два года. Джек приобрел четырнадцатифутовый ялик и иногда проводил на нем целые дни. Здесь он припрятывал заработанное, чтобы накопить денег на краску, парус и весла. Теперь он регулярно бороздил залив, добираясь до Гоктс-Айленда, привозил домой рыбу и научился управлять лодкой, как заправский матрос. Он брал с собой библиотечные книги, обертывая их газетной бумагой, чтобы не промокли.

Морские прогулки усилили в нем чувство одиночества. Поскольку он плавал один, читал и думал он тоже один, ни с кем не делясь новыми мыслями и раздумьями. По свидетельству Чармиан, он так говорил о житейской битве своей юности: «По-настоящему мне никогда никто не помогал, ну, назови хоть одного». Но то же самое могли бы сказать о себе и другие, и столь же обоснованно. Однако, по семейным обстоятельствам, он мальчишкой оказался оторванным от сверстников, а любовь к книгам и приключениям еще более усугубляли его одиночество во всех смыслах этого слова.

Но приключения, которых он жаждал, были невозможны без товарищеской взаимовыручки, чем и объясняется эпизод, имевший большое значение для его будущего. Джек познакомился с беглым английским матросом по имени Скотти, знавшим множество историй о далеких морях. «Это был человек, — писал Джек позже, — который знал о кораблях и море столько, сколько я не смог бы узнать за всю жизнь». Однажды Скотти взялся за румпель ялика, и тут же выяснилось, что он, плавая на больших кораблях, разучился управлять такими скорлупками. Едва не перевернув, он направил ялик к причалу, повредив его носовую часть. Но тот же Скотти взял Джека на яхту «Айдлер», которая стояла в протоке рядом с китобойными судами. Рассказывали, что «Айдлер» был задержан за контрабандную торгов-

лю опиумом с Сандвичевых островов. Его сторожил бронзовый от загара девятнадцатилетний парень, ждавший места гарпунера на одном из китобоев. На борту яхты находилось всевозможное морское снаряжение: дождевики, морские сапоги, карты и сигнальные флажки, календарь, пришпиленный к стене морским циркулем. Началась попойка. Два парня приготовили немудрящую «огненную воду» — «Слепой поросенок». Четырнадцатилетний Джек глотал обжигающую жидкость. Ой не хотел отставать от собутыльников, и все они основательно напились.

Оставив приятелей, Джек спрыгнул в ялик и быстро поплыл к Окленду, распевая во все горло. Начался отлив, и ялик сел на мель довольно далеко от пристани. Джек пробовал оттолкнуться веслом, но упал в ил и ушибся об остаток старой сваи. Следующие несколько дней были мучительны; разнося газеты и выполняя другую работу, он поклялся — а клялся он часто, — что никогда не будет пить. Но осталось и чувство гордости. Еще бы — он сидел рядом с мужчинами, которые умели пить, пил наравне и в конце концов превзошел.

В пятнадцать лет уличная и морская жизнь Джека кончилась. Дела в семье шли все хуже. Они обитали в старом доме недалеко от устья, среди полуразвалившихся хижин. Джон Лондон, время от времени работавший сторожем, получил увечье, и Джеку пришлось наняться на консервную фабрику Хикмотта, на Мертл-стрит, в Уэст-Окленде. Фабрика располагалась в бывших конюшнях, где было очень грязно и гуляли сквозняки. Об охране труда там и понятия не имели. Рабочий день продолжался десять часов, а за час платили всего десять центов. Среди рабочих было много подростков. То и дело кому-нибудь из них машиной отхватывало палец. В таких случаях другие не решались даже взглянуть — тот, кто отворачивался от станка хоть на секунду, рисковал тем же. Джек вспоминал потом, что в банки с фруктами постоянно попадала грязь.

Семья остро нуждалась, и Джек работал сверхурочно, сколько хватало сил: когда восемнадцать, а то и все двадцать часов. Он рассказывал, что как-то простоял у машины тридцать шесть часов подряд. Случалось, он зарабатывал по пятьдесят долларов в месяц, но почти все отдавал матери. Он тащился на работу и с работы, падая от усталости. Спать ему приходилось не больше пяти часов в сутки. Чтобы разбудить сына, Флора сдерги-

вала с него одеяло. Его существование ничем не отличалось от жизни рабочей скотины, а от страшной нищеты дома ему становилось совсем невоюготу. На чтение и морские прогулки теперь не хватало ни времени, ни сил. Он копил жалкие центы, которые ему разрешалось оставлять, теша себя надеждой, что купит новый ялик взамен разбитого. За несколько месяцев он накопил пять долларов. Но однажды сидевшая без гроша Флора пришла на фабрику, прямо к его рабочему месту, и попросила отдать их.

Воспоминания о консервной фабрике и то, как он с нею распрощался, впоследствии легли в основу замечательного рассказа «Отступник». Джек забастовал. Сначала он провел целый день на лодке, катаясь по заливу, где, казалось, не был целую вечность. Он раздумывал над своим положением: ни одна кляча в Окленде не работала больше него, а ведь ему исполнилось всего пятнадцать. В отличие от мальчика из рассказа он решил и дальше помогать семье. Но он должен был бежать от отупляющего фабричного труда. Он хотел стать моряком, и неважно, если придется пьянствовать и нарушать законы — лишь бы приносить домой деньги. Он был готов пасть в «столь же гибельную, но более романтическую пропасть», по словам Чармиан.

В Сан-Францисском заливе в эти годы процветало устричное пиратство. Калифорнийские устрицы ценились очень невысоко до тех пор, пока не провели трансконтинентальную железную дорогу и на илистых отмелях не начали культивировать устричный промысел. Железнодорожные компании сами им занимались и продавали добычу по высокой цене. В 1890 году несколько компаний контролировали всю добычу устриц. Пиратство стало естественным следствием контроля. Пираты приезжали не только из Америки, но и из Западной Европы, Скандинавии и Средиземноморья. От них требовались умение управлять небольшими лодками и безрассудная храбрость. Они были беззащитны перед вооруженной охраной и рыбачьим патрулем. Другим их врагом были китайские рыбаки, на которых пираты нападали без всякой причины, этого врага они, можно сказать, нашли себе сами. Они пьянствовали и скандалили, многие из них плохо кончали, но награда была соблазнительна: на рассвете лодка у причала с грузом устриц для продажи оптовым торговцам.

Джек навел справки о пиратском промысле. Он выс-

читал, сколько сможет заработать таким образом: еще года два назад у него появилась привычка подсчитывать доходы и расходы. Вскоре он услышал, что Француз Фрэнк, пятидесятилетний человек сомнительной репутации, собирается продать свой шлюп «Ослепительный» за три сотни долларов. Решив, что шлюп будет его, Джек отправился к своей старой кормилице «маме Дженни» Прентисс. Ее дом оставался для него желанным пристанищем, где его всегда ждали любовь и душевное тепло. Он спросил, может ли она одолжить ему нужную сумму. Дженни, по-прежнему работавшая нянькой, не колеблясь вручила ему деньги в золотых двадцатидолларовых монетах. Несколько дней спустя он впервые опробовал «Ослепительный», пил красное вино вместе с Французом Фрэнком и Бобом Виски, Пауком Хили и двумя девицами по имени Мэмми и Тэсс. На следующее утро ударили по рукам. Джек Лондон стал владельцем судна. Теперь его домом была маленькая каюта, пропахшая табаком, «красной краской» — густым зловонным осадком со дна винных бочек — и романтикой. Он превратился в устричного пирата.

Есть соблазн написать, что детство его кончилось, и Джек стал мужчиной. Но это было бы неправдой. Уж если на то пошло, он стал мужчиной много раньше, когда скитался по оклендским улицам, продавая газеты, или работал на консервной фабрике. На «Ослепительном» он пришвартовался к мужскому братству; любовные приключения, крепкие напитки, постоянный риск и жестокость окружающего мира сразу же стали частью его жизни. Правильнее было бы сказать, что Джек почти не знал детства. Одиноким, никем не любимый, кроме «мамы Дженни», познавший радости и труд взрослого, несший бремя ответственности за семью, подсчитывавший дебет и кредит — он повзрослел десяти лет. В своем письме «о долге» к Мейбл Эпплгарт он скажет: «У меня не было детства», и несколько ниже: «У меня не было и отрочества, и, сдается, я продолжаю охотиться за этим утраченным отрочеством».

2. ДОСТОИНСТВО ТРУДА

Титул, которым Джек гордился до конца ж и з н и, — «Принц устричных пиратов» — был ему дан потому, что Мэмми-Королева перебралась к нему

на шлюп, и он стал единственным шкипером с женщиной на борту. В самый первый день на «Ослепительном», во время попойки, она соблазнила его. Когда он вступил во владение шлюпом, она сочла само собой разумеющимся, что останется с ним.

Ей было шестнадцать лет, и раньше она считалась девушкой Француза Фрэнка. Имя Мэмми придумал для нее Джек. Рассказывая Чармиан о своей жизни с Мэмми, он поведал, однако, что посвящение в тайны пола получил еще раньше «от особы много старше меня». Никаких других упоминаний об этой женщине не существует, и, скорее всего, Джек познакомился с ней во время скитаний по оклендским улицам и салунам. Мэмми пленилась его юностью, энергией и цветущим видом, которые особенно бросались в глаза при сравнении с Французом Фрэнком. Она была хорошенькая, но выглядела старше своих лет — беспризорная портовая бродяжка, чье детство быстро сменилось житейской мудростью. Она свила семейное гнездышко в крошечной каюте, а Француз Фрэнк бесился от ревности.

В первую же ночь после приобретения «Ослепительного» Джек принял участие в набеге. Паук Хили, портовый парень двадцати одного года от роду, стал его «экипажем». Они присоединились к флотилии, в которую входили лодки Большого Джорджа, Сатаны Нельсона-младшего (сына Сатаны Нельсона-старшего, прозванного так потому, что во время драки он раздирает лица противников до крови), Улитки и Никки-Грека. Все они были вооружены пистолетами. Добравшись до устричных отмелей, они наполнили мешки, а на рассвете Джек вместе с другими поспешал к утреннему рынку. Одна ночная вылазка принесла ему столько же денег, сколько три месяца работы на консервной фабрике.

Он выплатил часть долга «маме Дженни», и почти все, что осталось, отдал Флоре. За первой ночью последовало множество подобных, полных приключений и приносивших заработки, о которых он раньше и не мечтал. Француз Фрэнк, от чьей ревности Джек беспечно отмахивался, однажды собрался было протаранить суденышко Джека, но тот вытащил двуствольное ружье, продолжая идти по курсу, и, ногой крутя штурвал, неотступно держал на мушке своего соперника. Однажды «Ослепительный» привез самый большой улов на всем пиратском флоте. В другой раз шлюп Джека первым

пришел к финишу предрассветной гонки, хотя он и потерял руль, а ему исполнилось только шестнадцать — и он был самым молодым из пиратов.

Когда долг был полностью выплачен, а в семье завелись деньги, Джек запил. За бесстрашие и моряцкую сноровку его охотно приняли в компанию, однако, чтобы считаться там настоящим мужчиной, нужно было уметь пить. Джек не выносил вкуса алкоголя, помня, чем кончился его первый опыт, но он желал превзойти приятелей и в пьянстве, как и во всем остальном. Он был на вершине счастья, когда слух о его загуле с одним из самых знаменитых портовых пьяниц разнесся по округе.

Обитатели порта собирались в салуне Джонни Хейнголда «Шанс первый и последний» на Уэбстер-стрит. Впервые Джек переступил порог заведения утром того понедельника, когда купил «Ослепительный» у Француза Фрэнка; поставив ногу на медную перекладину, онпил виски со всеми наравне. Они с Хейнголдом подружились во время пиратской охоты на устриц, Хейнголд сдерживал Джека, когда надо было остановиться, и поил в кредит, когда у того не хватало денег. Одна ночная попойка обошлась Джеку в сто пятьдесят долларов. При всем при том он, как и прежде, брал книги в библиотеке у мисс Кулбрит и часами, лежа в каюте, читал.

Однако «Ослепительный» без всякой видимой причины пришел в негодность. Сведения об этом кратки и разноречивы. Рассказывают о шумной пьяной оргии на песчаных отмелях напротив оклендского порта, во время которой Скотти поджег грот-парус. (По-видимому, Джек не дал Чармиан никакого объяснения того, что произошло.) Тогда у Джека наступил «период разрушения» и равнодушия ко всему на свете. Неизвестно, начался ли этот период внезапно или явился закономерным результатом пиратства и пьянства. Уклончивые фразы биографов, вроде «прошло некоторое время», ничего не объясняют. Не знаем мы и того, когда он разошелся с «королевой», и что же все-таки случилось. Когда в 1909 году в Мельбурне Джек и Чармиан встретили Скотти, тот утверждал, что Джек сам поджег парус.

Одно из возможных объяснений — то, что другие пираты, может быть даже большинство, переменились к Джеку. Его последующая слава окрасила воспоминания о нем в романтические тона. Розовой дымкой окутан его юношеский разгул в повести «Джон Ячменное Зерно».

Джек был красив и обаятелен, но ясно, что вследствие своей незаурядности он всегда стремился быть первым. Примечательно, что человек, с которым Джек скрылся после случившейся драки, Сатана Нельсон-младший, был ранен и что в воспоминаниях Джека о последующих месяцах из пиратской флотилии не упомянут больше никто. Брошенного «Ослепительного» ограбили, сняли с него снасти и пустили по волнам соперники по охоте на устриц. А может, и товарищи Джека, изгнавшие его из своих рядов.

Во всяком случае, «период разрушения» продолжался. Джек вступил в пай с Нельсоном и стал плавать на его шлюпе «Рейнджер». Промотав все, они заняли денег на снаряжение и припасы у Джонни Хейнголда. Обломки «Ослепительного», найденные Джеком, были проданы за двадцать долларов. Хотя Джек всегда говорил о времени, проведенном с Нельсоном, как о днях, полных замечательных приключений, фактически он катился по наклонной плоскости. Они избороздили залив вдоль и поперек. Оба вели себя так, будто гонялись за смертью, в последний момент умудряясь избежать гибели, так как нередко попадали в опасные переплеты. Джек перестал помогать семье. Они с Нельсоном зарабатывали много, но деньги уходили на дикие попойки, ставшие притчей во языцех по всему побережью. Однажды вечером они оказались на политическом митинге, потому что там бесплатно угощали виски; на следующее утро Джек очнулся в портовой ночлежке, пьяный и избитый.

Вскоре обоим это наскучило. Нельсон решил вернуться в Окленд; и не прошло двух лет, как он погиб — от огнестрельной раны в голову. Джек остался в Бениции, где пьянствовал и бездельничал, изредка подрабатывая ловлей лосося. Позже он вступил в рыбачий патруль, очевидно вследствие случайной встречи с одним из тех, кто там подвизался, но последовательность событий точно не установлена. В письме 1903 года, адресованном издателю и повествующем о том, что послужило основой для «Рассказов Рыбачьего патруля», говорилось: «Потом мы с этим Нельсоном пришли на «Рейнджере» в Беницию с грузом устриц. Там один из патрульных сделал предложение, которое пришлось нам по душе, и несколько месяцев спустя «Рейнджер», Нельсон и я приняли активное участие в облаве на нарушителей законов о рыбной ловле». Однако в других воспоминаниях этого периода Нельсон не фигурирует, и

создается впечатление, что Джек додумывает и перетолковывает прошлое по-своему.

Обязанности, которые Джек выполнял в патруле, никоим образом не были официальными. Настоящие патрульные назначались советом штата и получали жалование, но были еще и добровольцы, которым выплачивали определенную часть — иногда половину — штрафов, взимаемых с нарушителей закона. Рыбачий патруль был основан в 1883 году. Он должен был устанавливать нормы отлова лосося и другой рыбы на калифорнийском побережье, но главной его задачей было решение «китайской» проблемы. В докладе Рыбной комиссии за 1886 год сообщалось, что почти две тысячи китайцев в районе залива Сан-Франциско занимаются незаконной ловлей креветок и осетра. Наибольшая часть всей пойманной рыбы приходилась на китайских рыбаков, поэтому в рассказах Джека часто встречаются злоумышленники-китайцы. Устричное пиратство также было нарушением закона, но готовность Джека стоять на его страже заставляет задуматься, оставил ли он пиратское сообщество по собственной инициативе или из-за ссоры с бывшими товарищами.

Он снова бороздил залив, испытывая волнующее чувство, но образ жизни его оставался беспорядочным. Джек по-прежнему много времени проводил в портовых притонах. Он утверждал, что однажды пьянствовал три недели подряд. Это вызвало попытку самоубийства. Однажды в час ночи, пытаясь пришвартоваться к пирсу в Бениции, он упал в воду. Сильное течение понесло его в море, и он решил утонуть, отдавшись на волю волн. У острова Дэд Мэн Джек разделся и поплыл, лавируя между сваями причала. На середине пролива он лег на спину, глядел на звезды и пел, очень жалея самого себя. Постепенно холодная вода вернула ему способность трезво рассуждать, и перед рассветом мысль о смерти привела его в ужас. Чуть ли не в последнюю минуту, когда он уже выбился из сил и наглотался воды, проплывавший мимо рыбаки заметил его и спас.

Этот случай только усилил тоску Джека. Он ушел из Рыбачьего патруля и отправился в Окленд. По пути ему встретилась компания «детей дороги», молодых бродяг, купавшихся в реке у Сакраменто. Эти ребята уже многое повидали; как и Джек, они были из нищих или неблагополучных семей, тяжелый подневольный труд на заводе или фабрике не привлекал их. Джек провел

с ними несколько недель. Они прозвали его «Морячок», а он перенял их повадки и жаргон. Затем двинулся дальше, к знакомой пристани. В Окленде он снова встретился с Нельсоном, но, не считая охоты к выпивке, у них уже не было ничего общего.

Работал он от случая к случаю и свел знакомство с отбросами общества из западной части Окленда. Позже он подведет итог этим годам, будет писать о порочности влияния городской толпы, но именно такому образу жизни он тогда отдал немалую дань. Однако он был, как писала его дочь, «неспособен примкнуть к какой-либо группе». Привычное одиночество сделало его необщительным. Он мечтал об удаче и всегда добивался желаемого и в то же время не мог принять, даже понять установленные правила общения человека с такими же, как он сам.

Когда водились деньги, он заходил в салуны и легко мог погибнуть в портовых драках — так часто бывало с теми, кто вел подобную жизнь. Иногда он заглядывал к родителям на Клинтон-стейшн. Их лачуга была построена из обломков разрушенных домов, в Баджер-парке, где Джек работал в кегельбане (под названием Везел-парк это место будет описано в «Мартине Идене»). Потом, в конце 1892 года, он неожиданно взял себя в руки. Возможно, тут были какие-то причины, оставшиеся неизвестными, но скорее всего, он понял всю неприглядность своего положения и решил изменить его. В заливе Сан-Франциско зимовали суда, добывавшие котиков, и он познакомился с командой. Один из охотников, Пит Холт, пообещал Джеку взять его гребцом. В день своего семнадцатилетия он нанялся на трехмачтовую красавицу шхуну, которую называл «Софи Сазерленд». Несколько дней спустя он уже миновал на ее борту Золотые Ворота, направляясь к берегам Японии и Берингову морю.

«Софи Сазерленд» («София Сазерленд» — так она называлась в официальном торговом регистре) не везла на борту спиртного, а жалованье матросам платили в конце семимесячного плавания. Несмотря на то что Джек никогда не служил на больших судах, он нанялся матросом, уверенный, что быстро всему научится. Однако он вел себя осторожно. Он знал, что его молодость вызывает некоторое презрение и любой, даже незначительный, промах сделает его предметом насмешек и издевательств.

В то же время Джек понимал, что он образованнее большинства матросов, легче приспосабливается к новой обстановке и может в случае драки постоять за себя. Если над ним начинали посмеиваться, он из кожи лез, но был первым. Но со службой он справлялся неплохо, и постепенно настороженность по отношению к нему стала проходить. Он часто становился свидетелем скандалов, кончавшихся потасовками, но от участия в них уклонялся. Однако полное признание принесла ему именно драка с гигантом шведом по прозвищу Рыжий Джон.

Этот швед был самым большим задирой из всей команды и постоянно лез на рожон. Наступил день его дежурства, его очередь убирать кубрик. Джек сидел на койке и мастерил веревочный коврик в подарок Элизе. Рыжий Джон проорал ему какое-то приказание, а когда Джек не подчинился, ударил его по лицу. Джек бросился на него. Остальные матросы забрались в койки, чтобы насладиться зрелищем. Увертываясь от мелькающих в воздухе кулачищ, Джек прыгнул на плечи противнику, зажал ногами шею и, возможно вспомнив приемы Сатаны-старшего, вцепился шведу в глаза. Швед колотил Джека о переборки и бимсы, разбил ему голову и плечи, но пальцы у Джека были железные, и Рыжий Джон наконец сдался Джеку, кричавшему: «Оставишь меня в покое? Отвяжешься наконец?»

С этого дня он стал своим. «Я гордился тем, что меня принимали как равного и на деле, и в душе. С тех пор все пошло замечательно, и плавание обещало быть благополучным». Так оно и вышло. Они не видели земли пятьдесят один день, потом прибыли на острова Бонин (которые теперь называются Огасавара Джима), где промышленяющие котиков суда запасались пресной водой, и стали на ремонт перед отправкой на север. Джека охватило радостное возбуждение. Каноэ и сампаны в гавани, горы и тропическая растительность — сбылось все то, что обещали книги. Вместе со шведом Виктором и норвежцем Акселем он мечтал во время десятидневной стоянки в порту походить по окрестностям, половить рыбу, полазать по горам.

Но сначала надо было выпить — хоть раз. Потом, как и прежде, Джеку приходилось объяснять: «Мне хотелось доказать, что я крепкий парень и хороший товарищ». Они так и не добрались ни до гор, ни до пальм, вместо этого они пили сакэ и разбавленное виски в общество крошечных, похожих на кукол гейш. Однажды

ночью Джек и приятели разрушили увеселительное заведение, выйдя из него сквозь бумажные стены. После этой истории местные власти потребовали, чтобы моряки с заходом солнца возвращались на свои суда. Джек, однако, веселился дотемна в компании юнг с канадских зверобойных судов и был наказан — его раздели догола и оставили в бесчувственном состоянии у дома жены японского лощмана.

После стоянки началась трехмесячная напряженная работа. Когда находили лежбище котиков, Джек в охотничьей шлюпке скользил по серым, свинцовым, окутанным туманом водам Берингова моря и принимал участие в свеживании туш и обработке снятых шкур. Палуба, покрытая жиром и кровью, напоминала бойню, матросы соревновались друг с другом, стараясь освежевать побольше убитых животных до конца промыслового сезона. Жестокость ремесла рождала жестокие шутки. Несколько матросов втащили в носовой кубрик ободранную тушу и положили ее в койку Длинного Джона, который всегда спал голышом, сами же улеглись и стали наблюдать, как Длинный Джон разделся, затем нырнул в койку, прямо в скользкое, кровавое месиво, и, не помня себя от ярости, бросился с кулаками на присутствовавших.

По пути домой с обильной добычей «Софи Сазерленд» зашла в Иокогаму. Джек впервые видел такой большой город с современными домами, огромными доками и населением, составлявшим почти четверть миллиона. Все это произвело на Джека тем более сильное впечатление, что калифорнийцы представляли себе японцев и китайцев только по владельцам прачечных, поварам и кули, полукомичным-полузловещим иммигрантам из трущоб. «Софи Сазерленд» была надраена до блеска. Только после этого команду отпустили на берег. Моряки на рикшах отправились в кабачки. Две недели в Иокогаме прошли так же, что и десять дней на Бонинах; Джек не видел ничего, кроме портовых значных мест. Один случай принес ему недолгую славу. Преследуемый портовой полицией, он нырнул с причала и проплыл милью до стоявшей на рейде «Софи Сазерленд». Полицейские решили, что он утонул, и исполнились благоговейного ужаса, увидев его целого и невредимого на следующий день. На обратном пути в Сан-Франциско Джек размышлял о том, что делать дальше. Месяцы, проведенные в море, излечили его от

хандры; он поздоровел, окреп и чувствовал небывалый прилив жизненных сил. В плавание он захватил связку книг из публичной библиотеки и тех, что принадлежали мисс Кулбрит. Пока остальные спали, он при свете маленького фонарика, зажатого в руке, читал Мелвилла, Флобера и «Анну Каренину». Пит Холт предложил Джеку вновь пойти гребцом — теперь на «Мэри Томас», но Джек вежливо отказался («Мэри Томас» вышла в море в назначенный день, и больше о ней не слышали).

Он оставил своих товарищей по кораблю пропивать заработанные деньги и на пароме переправился домой в Окленд. Здоровье Джона Лондона ухудшилось, семья была в долгах. Джек купил поношенный пиджак, жилет и шляпу, несколько дешевых рубашек и белье, а остальные деньги отдал родителям. Он намеревался найти постоянную работу и учиться. Времена, однако, наступили тяжелые. В 1893 году в стране началась депрессия и резко возросла безработица. Ему удалось найти место на джутовой фабрике, где платили десять центов в час — ровно столько, сколько он получал на консервной пятнадцатилетним мальчишкой. Однако, как и тогда, выбора не было: деньги нужны были позарез.

Джек вовсе не стыдился той работы, что выпадала ему на долю. В эссе «Как я стал социалистом», опубликованном в 1905 году, он писал, что его мышление определила «пуританская мораль»: «Более всего меня привлекало уважительное отношение к труду. Не читая ни Карлейля, ни Киплинга, я создал собственное евангелие труда, которое кажется мне более значительным. Труд — это все. Это и оправдание и спасение». Разумеется, он выражался несколько выпендренно, но, несомненно, гордился своей способностью к физическому труду. Создается впечатление, что он склонялся к обыденному образу жизни. Он вступил в Христианскую ассоциацию молодежи, чтобы общаться с серьезными юношами, и, как будто нарочно, словно желая забыть о Королеве Мэмми и крошечных японках, завел приторную «дружбу» с девушкой, посещавшей собрания Армии спасения.

В этот странный период, когда Джек пытался изменить свою жизнь, он написал и опубликовал первое произведение, родившееся из недавнего опыта. Выходившая в Сан-Франциско газета «Морнинг колл» проводила конкурсы для начинающих писателей. Флора на-

ткнулась на объявление, обещавшее двадцать пять долларов за лучший очерк. Почему она решила, что Джеку стоит принять в этом участие, сказать трудно. Возможно, она вспомнила бойкое перо профессора Чейни или просто соблазнилась двадцатью пятью долларами. Она принялась уговаривать Джека написать о чем-нибудь, что он видел во время плавания. Сначала Джек не проявил энтузиазма — после тринадцатичасовой смены на джутовой фабрике он еле держался на ногах. Потом он вспомнил один эпизод, и, когда пришло время завтракать, он все еще сидел в кухне за столом и писал.

Конкурсные очерки не должны были превышать 2000 слов. Джек написал 4000, следующий вечер ушел на сокращение, еще один — на переписку. Флора, как инициатор затеи, сама отвезла рукопись в редакцию. «Тайфун у японских берегов», очерк, написанный Джеком Лондоном, семнадцати лет, завоевал первую премию, единодушно присужденную пятью членами жюри. Их коллективное решение, опубликованное в «Колл», гласило: «Самое поразительное — масштабность, глубина проникновения и выразительность, которые отличают молодого художника». Вторую и третью премии получили студенты Стэнфордского и Калифорнийского университетов.

Отредактированный очерк был напечатан в «Колл» 12 ноября 1893 года; по предложению жюри настоящее время было заменено на прошедшее, в результате чего он, наверное, и утратил некоторую живость, но и сегодня очерк кажется ярким и впечатляющим, ибо все, что описано в нем, было свежо в памяти Джека. Джон и Флора ликовали. Джек купил кипу номеров «Колл». Флора радовалась успеху своей затеи. Джек был страшно взволнован. Его мечта походить на героя «Синьи» стала явью. Просидев несколько вечеров за кухонным столом, он сочинил еще один рассказ о морских приключениях и отправил его в «Колл». Но после конкурса редакция уже не нуждалась в подобных материалах, и рукопись была возвращена.

Стоит задуматься над причинами этого удивительного и неожиданного успеха. Еще ребенком Джек очень любил читать и слушать всякие истории и сам умел неплохо описывать то, что видел. Он утверждал, что впервые желание писать он ощутил в школе, двенадцати лет. Однажды учительница пения, рассердившись

на Джека, послала его к директору мистеру Гарлику, который распорядился, чтобы отныне на ее уроках мальчик писал сочинения. Неизвестно, чего хотел директор — поощрить или наказать, — результат, однако, оказался бесценным.

Но самое главное, чтение обогатило его словарь и показало возможности образного выражения, которые до сей поры оставались неиспользованными. Прочитанное никогда не вызывало у него никаких критических замечаний. Если бы он получил высшее образование, то стремился бы выработать традиционный «хороший прозаический стиль». Он узнал бы, что книги его любимой Уйды — это всего лишь литературные поделки; что Джекобс и другие писатели, которыми он восхищался, не стоят серьезного внимания. В этом смысле ему повезло больше, чем он сам понимал. Он овладел тем опытом и языковыми пластами, к которым уже тяготела беспокойная и переменчивая Америка, избегая академической традиции.

Однако честолюбивые мечты быстро увяли. В его дневнике тех лет есть запись о тридцати центах, истраченных на конверты и марки, — иными словами, он посылал свои сочинения в разные журналы. Вскоре, однако, решив, что эти попытки безнадежны, он смирился с работой на фабрике. Условия там были столь же ужасны, как и на консервном производстве: непрерывный оглушительный шум, воздух, в котором висела пыль от волокна, машины, у которых трудились увечные, чахоточные дети. Он перестал посещать собрания Ассоциации, решив, что «серьезные молодые люди» слишком бесцветны по сравнению с его прежними знакомцами. Субботними вечерами он бродил по улицам с приятелем Луисом Шаттуком и глазел на девушек.

В этом отношении Джек чувствовал свою неискренность. У него был некоторый опыт на этот счет, но он не умел обходиться с девушками так, как Луис, — не знал, чем завоевать их внимание, как поддержать увлекательную беседу. Он завидовал самоуверенности друга, которому ничего не стоило заговорить на улице с любой хорошенькой девушкой и тут же навязаться ей в провожатые. Горячее желание Джека испытать нечто подобное принесло ему платоническую любовь. Роман вылился в обмен письмами, безмолвное сидение рядышком в парке и несколько невинных поцелуев, а потом его избранница уехала. Но прошлое все же не

отпускало его. Однажды вечером на улице его остановила знакомая — Чармиан полагает, что это была «королева», — и рассказала, как на ее глазах погиб Сатана Нельсон-младший.

На джутовой фабрике ему была обещана прибавка до доллара с четвертью в день. Не дождавшись обещанного, Джек стал присматривать себе что-нибудь получше. Подумывал и о том, чтобы приобрести специальность. Он решил изучить электротехнику и обратился в дирекцию станции, обслуживавшей оклендские трамвайные линии. Джек высказал свои пожелания и прибавил, что готов начать с самой черной работы. В позднейших воспоминаниях появится фамилия директора — Гримм. Это был важный, массивный мужчина с седыми бакенбардами. Джек был принят и поставлен на подачу угля за тридцать долларов в месяц.

Он работал до изнеможения, бинтуя узкие запястья, которые, несмотря на его физическую силу, всегда были у него довольно слабыми. Случалось, он засыпал в трамвае по дороге домой или за ужином. Тогда Джону и Флоре приходилось укладывать его в постель. Спустя несколько недель он узнал правду. Его взяли вместо двух рабочих, получавших каждый по сорок долларов и оставивших работу, так как она была слишком тяжела даже для двоих. Джек продержался еще немного, чтобы доказать, что ему любой труд нипочем, а затем уволился и, придя домой, проспал сутки беспробудно.

Его попытки найти постоянную работу и приспособиться ни к чему не привели. Вернулись печаль и сомнения в себе. Он почувствовал отвращение к работе, которой приходилось заниматься (уголь заставил его целый год бинтовать запястья). Не исключено, что он снова начал пить. В «Чаше безумия», осуждавшей алкоголизм и опубликованной в 1957 году, Эптон Синклер утверждает, что Джек пил в период, когда снова стал работать на фабрике, покончив с пиратством и охотой на котиков. Точные хронологические границы этого периода не установлены, датировка основывается на том, что рассказал Джек во время их обеда в 1905 году, а Синклер связывает «усердное пьянство» («Когда приходил субботний вечер, он чувствовал себя вконец измотанным и хотел напиться») с работой Джека в прачечной два года спустя. Возможно, так оно и было:

желание покончить с тем или иным утомительным трудом всякий раз приводило к запою.

Ясно одно: Джек снова готов был сбежать. Он слонялся в порту и раздумывал, как бы ему отправиться в плавание. Несомненно, он нашел бы такую возможность, но тут нечто новое отвлекло его внимание. Стоял апрель 1894 года. Депрессия в промышленности продолжала усиливаться, и намечался марш армий безработных на Вашингтон. В некоторых американских городах формировались отряды под командованием «генералов»: один — в Лос-Анджелесе, другой — в Сан-Франциско. В Окленде движением руководил рабочий-активист наборщик Чарльз Келли. Он потребовал для своих людей бесплатного проезда до Сакраменто. Это было как раз то, чего Джек хотел: возможность познакомиться с разными людьми и повидать города на Востоке страны. С десятью долларами в кармане, полученными от Элизы, он поспешил к поезду Келли.

3. ДОРОГА

Создание армий безработных было симптомом протеста, в который выплеснулось отчаяние, порожденное кризисом. Сельское хозяйство, как и промышленность, находилось в застое, банки закрывались; в одном только Сан-Франциско было 35 тысяч безработных. Рабочих поддерживали разгневанные обнищавшие фермеры, и всех объединяла единодушная ненависть к Южно-Тихоокеанской железной дороге.

Политические требования недовольных были заимствованы у популистской партии, основанной в 1892 году, и получили патетическое выражение в незаурядной личности Джейкоба Кокси и его кампании «за благоустроенные дороги». Владелец каменоломни в Массилоне, штат Огайо, Кокси увлекся идеей валютной реформы. В 1876 году он вышел из демократической партии, обвинив ее в том, что она «продалась Уолл-стрит», и в 1885 безуспешно баллотировался в палату представителей штата Огайо со своей инфляционной программой. В новую популистскую партию его привлек Чарльз Браун, который был не только политиком, но и сторонником доктрины воплощения Христа в избранных своих.

Поэтому армия Кокси носила официальное назва-

ние «Христово государство», а система организации и атрибуты были плодом воображения Брауна: вожди — всадники, знамена, лозунги и «петиционные марши». Однако для того, чтобы покончить с безработицей, Кокси мог предложить только свой план «благоустройства дорог». В соответствии с ним Конгресс должен был выделить 500 миллионов долларов в бумажных деньгах при ежемесячном расходе в 20 миллионов на строительство дорог по всей территории Соединенных Штатов. Безработные обеспечат рабочую силу. Они будут получать полтора доллара в час, работая по восемь часов в день; вследствие этого начнется возрождение экономики, которое, если продолжать такую политику, никогда не прекратится.

Эта доктрина была ранним вариантом тезиса Кейнса, что оружием против кризисов являются государственные расходы на социальное благоустройство, на сооружение «пирамид», пусть даже правительство для этого «наполняет пустые бутылки банкнотами, закапывает их на подходящей глубине в заброшенных угольных шахтах... и предоставляет частным предпринимателям на основе испытанных принципов *laissez-faire*¹ выкапывать их оттуда». Под влиянием Брауна Американская Федерация Труда утвердила проект «благоустройства дорог», но Кокси, так и не узнавший настоящего успеха, остался второстепенной фигурой в американской политике; он умер в 1951 году девяноста семи лет, не успокоившись до конца. Однако его теория произвела впечатление на Джека Лондона и осталась жить как экономическая политика олигархов в «Железной пяте».

Джек явился в назначенное время, к семи часам утра, но оказалось, что поезд «генерала» Келли ушел. Накануне ночью была предпринята попытка арестовать его, и тогда всех, кто уже находился на вокзале, посадили в товарные вагоны и отправили в Сакраменто. Потратив часть денег Элизы, Джек на пассажирском поезде прибыл туда же и узнал, что армия отбыла в Огден. Вспомнив, чему он научился два года назад у «детей дороги», Джек и его приятель Фрэнк Дэвис на ходу вскочили в экспресс «Трансконтинентальный» и «зацепились», то есть ехали «зайцами», пока их не ссадили. Дождавшись темноты, они попы-

---

¹ свободного предпринимательства (*франц.*).

тались вскочить на подножку другого поезда. Фрэнку удалось, а Джек не сумел и поехал следующим поездом в Рено.

Здесь он нашел другой формирующийся отряд безработных. Желая, однако, догнать друга и армию Келли, он продолжал путь. Он путешествовал на «слепых» вагонах, почтовых вагонах без дверей, через которые бродяги могли бы проникнуть на площадку, ехал «под брюхом», то есть на вагонной оси. На одном «слепом», сразу за тендером, искра попала ему на одежду, и она загорелась; при скорости сорок миль в час Джек сорвал с себя пальто и пиджак.

Он догнал Фрэнка в Виннемукке, и они опять сели в поезд. Но тут Фрэнк сдался. Сохранился дневник Джека тех дней: «Дорога утратила для Фрэнка всякую привлекательность. Романтика и приключения кончились, осталась суровая реальность, с которой нельзя было не считаться». Множество людей направлялось на Восток, чтобы побывать на встрече армий. Попадались также шайки «хобо» — «профессиональных» бродяг, аристократов дороги, чьего признания Джек жаждал больше всего. Сходя с поезда, он «забрасывал ноги», «клянчил», «забивал по корню» (выражения, обозначающие нищенство и воровство). На самом же деле пища ему доставалась сравнительно легко из-за широко распространенной симпатии к безработным.

Через десять дней после отъезда из Окленда Джек во время бури в Скалистых горах очутился в вагонехолодильнике. Там на соломе устроились восемьдесят четыре человека, они оказались арьергардом армии Келли. Один из них позже описывал внешность Джека того времени: молодой человек, круглолицый, с волнистыми волосами, в кепке и меховой куртке, из каждого кармана которой торчало по книжке. Лондон сказал, что его зовут «моряк Джек», но поскольку для вступления в армию требовалось полное имя, он назвался полным именем. Со своими товарищами он познакомился при помощи «тряски» — его перебрасывали от одного к другому по всему вагону.

Они мчались сквозь бурю в самом прекрасном настроении и рассказывали друг другу всякие были и небылицы. Достигнув прерий Невады, они телеграфировали властям Грэнд-Айленда о своем прибытии; там их отвели в ресторан, накормили и опять посадили в вагон. Затем они попали в Омаху, где в час ночи сошли

с поезда. Под надзором полиции их переправили через реку к Каунсил-Блафс, а оттуда им оставалось шесть миль пешком до Чаутауква-парка, где располагалась армия Келли.

Шел проливной дождь. Джек и один швед укрылись в пустом салуне и провели там остаток ночи; было очень холодно, и он до рассвета дрожал под стойкой бара в мокрой одежде.

Выпросив завтрак и деньги на дорогу в Чаутауква-парк, он добрался до лагеря армии Келли. У дымящихся костров сидели промокшие, грязные люди. Их было больше полутора тысяч. Джеку повезло — его приняли за двадцатилетнего. В армию моложе двадцати лет не брали, и он сам видел, как одного восемнадцатилетнего парня отправили домой, а Джеку тоже еще не исполнилось девятнадцать.

В этот день они двинулись в Уэстон, а затем по направлению к Де-Мойну; Келли ехал верхом во главе своей армии. Они уже прошли более двух третей пути до Вашингтона, симпатии общества были по-прежнему на их стороне, однако власти ожесточились и отказали им в железнодорожном транспорте, а поезда охранялись служащими агентства Пинкертон. Оставался единственный выход — идти и дальше пешком. Джек стер ноги в кровь. Он хромал и все время просил интенданта выдать ему обувь, но, когда он ее получил, стало еще хуже. Другим тоже приходилось несладко. Джек часто «забрасывал ноги» — надолго покидал колонну и отправлялся попрошайничать; из этих экспедиций он часто возвращался с богатой добычей.

И на марше, и у походных костров по ночам не смолкали разговоры. Здесь впервые Джек услышал о социализме; люди растолковывали ему и обсуждали социалистические идеи. В марше армии безработных, как и в других подобных манифестациях, участвовали по преимуществу рабочие, у которых уже сформировались левые взгляды. Большую часть составляли члены профсоюза, и для них демонстрации единства и готовности к классовой борьбе были не менее важны, нежели экономическая программа Кокси. Их разговоры о книгах и общественных теориях помогли Джеку по-новому оценить свой труд на консервной фабрике и электростанции. Слушая, он осознал, что положение рабочего класса — ловушка, из которой ему необходимо вырваться.

К концу десятидневного пути к Де-Мойну боевой дух армии упал. Среди руководителей начались ссоры — Джордж Спид, социалист из Сан-Франциско, стал оспаривать авторитет Келли и критиковать его действия. Люди измучились и стерли ноги, большинством голосов решили остановиться и дожидаться транспорта. Хозяева железных дорог стояли на своем. В течение нескольких дней власти кормили около двух тысяч человек, позволив им ночевать в разрушенной фабрике. Армия грелась на солнышке, а Джек играл в бейсбол.

Когда они наконец двинулись снова, роль вдохновителя взял на себя «генерал» Уивер, лидер популистской партии. От Де-Мойна они поплывут по реке на плотях до Миссисипи, а потом по реке Огайо, и до столицы останется всего несколько сот миль. Местные рабочие лидеры дали строительный материал и плотников. Когда первые плоты были спущены на воду, «моряк Джек», естественно, стал командиром на одном из них. Его мастерство и опыт позволили ему с экипажем в девять человек оставить всех остальных далеко позади, а его красноречие обеспечивало им лучшую добычу. Вскоре это вызвало раздражение на других плотях, и Келли отдал ему приказ вернуться. Его товарищей окрестили «пиратами», известным Джеку и не слишком далеким от истины прозвищем. Пока они плыли, сытые и обеспеченные даже табаком и кофе, армия позади них голодала.

В конце концов Келли послал двух верховых предупредить окрестных фермеров и обитателей коттеджей, что армия снимает с себя ответственность за попрошаек. Предупреждение возымело эффект. Перед Джеком и его командой начали закрывать двери, и им пришлось вернуться к остальным. Разумеется, негодование этих остальных было оправданным. Во время веселой забавы, когда способности и предприимчивость хорошо вознаграждаются, как-то не думается, что успех достигается за счет других. Идея «выживает сильнейший», которая станет одной из основных в рассказах Джека, уже утвердилась в его сознании. Лояльность, превозносимая им в разговорах с Чармиан как одна из главных добродетелей, всегда отступала на задний план перед его убежденностью, что он должен быть вожаком упряжки, а другие, более слабые, могут идти к чертям.

Армия все больше разлагалась, наблюдались слу-

чаи дезертирства. Поддерживать дисциплину было невозможно. Через несколько дней Джек снова ушел вперед, на этот раз с одним из лейтенантов «генерала» Келли на двойном плоту. Там было двадцать гребцов, и они могли передвигаться почти со скоростью парохода. Им подражали, соединяли плоты и гнались за ними. Достигнув Миссисипи, соорудили из нескольких плотов один, грандиозных размеров. Так проплыли около двадцати миль по стране Тома Сойера. Джек получил письмо от матери. Неделю назад он написал домой, и в ответе сообщалось, что ему выслали несколько долларов на чикагский почтамт.

24 мая, быть может, вечером по получении письма, Джек записал в дневнике: «Мы легли спать без ужина. Я собираюсь выйти из игры. Голода я вынести не могу». Они находились в Ганнибале, штат Миссури. На следующее утро Джек и еще несколько человек сели в ялик и успели на поезд. Постепенно их становилось все меньше. 29 мая Джек приехал в Чикаго; в семь часов утра он выбрался из вагона, в котором возили скот. Его дезертирство из армии не нуждается в оправданиях. Спустя месяц с небольшим движение безработных распалось окончательно, а еле теплившийся оптимизм угас после вести о поражении «генерала» Кокси в Вашингтоне. Кокси, сопровождаемый небольшой группой сторонников, был арестован за то, что «топтал» лужайки у Белого дома; отныне в течение жизни целого поколения любую толпу оборванцев в восточных штатах будут называть «армией Кокси».

Несомненно, Джека воодушевило известие о посланных ему деньгах, а также напоминание о том, что родственники Флоры в Мичигане готовы его принять. Кроме всего прочего, после путешествия на плоту стало ясно, что ему легче бродяжничать в одиночку, чем быть в толпе. Его не привлекал трудный путь к неясной цели — в армию он вступил по собственным побуждениям, а вовсе не потому, что отождествлял себя с безработными и поддерживал их требования; но сильнее всего его манило привольное житье «детей дороги».

На чикагском почтамте его ждали пять долларов. Поторговавшись, он купил поношенную одежду, побрился, пообедал и провел две ночи за пятнадцать центов в ночлежке Армии спасения. Он сходил в театр, погулял по Белому городу, глаза на постройку в Джексон-парке, оставшиеся после Всемирной выставки прош-

лого года. Потом он направился в Сан-Джозеф к своей тетке Мэри Эвергард, которой никогда прежде не видел.

Его встретили так тепло, что он пробыл у нее несколько недель. В письме сестре Флора рассказала о морских путешествиях Джека и его успехах на литературном конкурсе. Тетка купила Джеку новую одежду и устраивала в его честь вечеринки, а он развлекал ее рассказами о своих приключениях. Она относилась к нему как к герою. Он загорал на пляже, делал записи в дневнике и осматривал окрестности. Его присутствие не слишком радовало сыновей Мэри. Один из них, Гарри, позже писал, что Джек «не понравился ни мне, ни моему брату». Восторженное отношение их матери к гостю, настойчивость, с которой она повторяла, что ему нужно «отдохнуть», заставляя сыновей выполнять всю домашнюю работу, были достаточной причиной для обиды. Вдобавок Джек в разговорах с двоюродными братьями очень хвастался своими сомнительными похождениями, немало при этом привирая; для них он скорее был человеком со дна общества, нежели победителем. Джеку понравилось имя одного из братьев, Эрнест Эвергард, — и он даст его главному герою «Железной пяты».

Покинув дом Эвергардов, он, по-видимому, переезжал из города в город, стремясь увидеть как можно больше, — путешествовал под вагоном, на крышах почтовиков и, естественно, «забрасывал ноги», чтобы добыть пропитание и курево. Он побывал в Канаде, познакомился с достопримечательностями Монреаля и Оттавы, заезжал в Нью-Йорк, Бостон, Питтсбург и Балтимор. Он наблюдал жизнь, кое-что записывал, хотя всегда запоминал то, что видел. Дневник отражает этот сознательный поиск, например раздумья Джека о «безнадежном одиноком существовании» встречающих бродяг: «Я всегда говорил, что не женюсь до 26—27 лет, и уверен до сих пор, что это правильно. В то же время, оглядываясь вокруг, я пробую извлечь выгоду из опыта тех, кто уже участвует в брачной лотерее». Он повсюду записывал обрывки разговоров и слэнг, стихи и популярные песни, размышлял о том, что «появилось на земле раньше, курица или яйцо».

Его все больше захватывала идея «закона жизни». Однажды в цыганском таборе он видел, как мужчина сек жену и детей. Джек знал, что не должен протестовать

или вмешиваться — иначе женщина сама бы набросилась на него. Таков закон. Несколько лет спустя, побывав при исполнении смертного приговора в тюрьме Сен-Квентин, он защищал смертную казнь от нападок Анны Стрункой: «...живя в обществе, человек поддерживает законы, этим обществом выработанные; поддержка этих законов означает, что человек платит за часть веревки, на которой преступник будет повешен. Можно это принимать или не принимать, но суть от этого не меняется. Лично я это принимаю. И не боюсь и не стыжусь этого... Ей-богу, человек, боящийся снять рыбу с крючка или выпотрошить птицу, которую он намеревается съесть, не достоин называться человеком».

Однако, когда Джек сам попал в лапы закона, его точка зрения переменялась. Происшествие, самое обычное, по мнению большинства бродяг, болезненно потрясло Джека Лондона и оказалось поворотным моментом в его жизни. Из Нью-Йорка он отправился смотреть Ниагарский водопад. Стоял конец июня 1894 года, несколько дней назад началась большая забастовка железнодорожников. Джека арестовали за бродяжничество, надели на него наручники и на следующее утро вместе с пятнадцатью такими же, как он, привели в суд. Каждый получал по тридцать суток тюрьмы без всякого следствия и доказательства вины. Он вспомнил о конституционном праве любого американца на справедливое судебное разбирательство. Он пытался возражать, но судья велел ему «заткнуться», еще раз сказал: «Тридцать суток», — и Джека отправили в тюрьму вместе с другими. Его обрили наголо и выдали полосатую тюремную одежду.

По дороге он угостил табаком человека, не раз сидевшего в тюрьме. Тот ввел Джека в курс дела, а когда был назначен «коридорным старостой», добился и для Джека этой должности. Джек мог покидать камеру — он разносил хлеб и воду и, пользуясь этим, добывал лишние пайки, обменивая их на табак. Он примечал все, что творилось вокруг. Он болтал с людьми, слушал их рассказы, видел драки между заключенными и сам принимал в них участие. Все это будет описано в «Дороге»: и рукоприкладство надзирателей, и одна из его собственных обязанностей, состоявшая в том, чтобы утром во время умывания поддерживать порядок, пуская в ход швабру, и смерть юноши, которого спустили с лестницы, — он пролетел пять маршей

по стальным ступеням и лежал «совсем голый, истекая кровью».

«Коридорный староста» предложил Джеку долю в одном мелком «деле» по выходе из тюрьмы, но, хотя Джек для вида согласился и даже участвовал в выработке плана, он решил больше не рисковать, не желая снова угодить за решетку. Выйдя из тюрьмы, Джек попросту сбежал от приятеля и на станции сел в поезд. Он вновь начал скитаться по городам восточных штатов и пристал к компании бродяг. Ему встречались группки безработных из распавшихся армий рабочих, брошенных вождами, понурых и голодных, бредущих через всю страну обратно в родные места. Однако «хобо», которые ему попадались в городах и пригородах, отличались как от «детей дороги», так и от последователей Келли. Многие из «хобо» были образованными людьми, не сумевшими или не желавшими приспособляться к капиталистическому обществу; они обычно сидели в парках, ведя жаркие споры. В Бостоне Джек познакомился с бродягой, «под лохмотьями которого скрывалось знаний и культуры больше, нежели у обычного человека из высших сфер». Два дня рассказывал он Джеку о Марксе, Канте и Спенсере, об истории домов и улиц Бостона, а потом исчез. В Балтиморе Джек попал в одну компанию с Фрэнком Строн-Гамильтоном, «гением, бродягой, социалистом и т. д.», который произвел на него громадное впечатление.

Несомненно, что социалистические убеждения Джека Лондона зародились именно тогда. Их возникновение традиционно связывается с тем, что он видел и пережил за время своих странствий по Америке, когда лицом к лицу столкнулся с жертвами капиталистической системы и почувствовал ее разрушительную силу. Сам он писал об этом в эссе «Как я стал социалистом»: «С Запада, где люди в цене и где работа сама ищет человека, я то на крыше вагона, то на тормозах добрался до перенаселенных рабочих центров Востока, где люди — что пыль под колесами, где все высунув язык мечутся в поисках работы. Это новое странствие в духе «белокурой бестии» заставило меня взглянуть на жизнь с другой, совершенно новой точки зрения»¹.

Патетический тон этого отрывка слишком легко принимается биографами на веру. Джек знал море, но по-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 649.

чти не знал «вольного Запада». Большую часть времени он провел на захудалых маленьких фермах и в бедных кварталах Окленда; то, что ему довелось видеть, было самой неприглядной частью города и доков. Только моряки «были в цене»; его утверждение, что работа искала человека, — чистая фантазия (достаточно вспомнить его собственный рабский труд за десять центов в час). Местом действия рассказа «Отступник» мог быть Нью-Йорк или Чикаго, хотя это был Окленд и консервная фабрика, где он работал; Джек сам покинул Запад тогда, когда рабочий люд, доведенный кризисом до нищеты, и вправду стал «пылью под колесами».

Его новый взгляд на жизнь был тоже субъективен. Встречи и беседы с профсоюзными деятелями и социалистами привлекли его внимание к условиям существования рабочего класса и их закономерностям: неумолимость законов рынка труда, жестокая эксплуатация, плачевная судьба тех, кого выбросили на улицу и у кого уже нет сил держаться на поверхности. Джек сделал для себя вывод — он звучит в эссе «Как я стал социалистом» как клятва, которую исторгла у него «бойня на дне Социальной Пропasti»:

«Все дни моей жизни я выполнял тяжелую физическую работу, и каждый день этой работы толкал меня все ближе к пропасти. Я выберусь из пропасти, но выберусь не силой своих мускулов. Я не стану больше работать физически: да поразит меня господь, если я когда-нибудь вновь возьмусь за тяжелый труд, буду работать руками больше, чем это абсолютно необходимо»¹.

Он считал, что подобные слова — отрицание индивидуализма. На самом деле — это новое его утверждение.

Социалистические идеи Джека Лондона не родились из его жизненного опыта, а были восприняты им под влиянием интеллектуальной атмосферы времени. Находясь в постоянном поиске знаний и идей — путешествуя, он не переставал читать в библиотеках и, подбирая потрепанные издания у букинистов, выискивал людей, умеющих интересно говорить, — Джек обязательно должен был узнать социалистическое движение в Америке 1890-х годов и увлечься им. Если бы ему не довелось встретиться с приверженцами Маркса и Спенсера во

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 650.

время скитаний по восточным штатам, жажда знаний неминуемо привела бы его к таким людям в Сан-Франциско. Конечно, он связывал то, что узнавал, с собственным опытом, но утверждал, что никогда не понимал классовой борьбы и не принимал в ней участия.

Последние месяцы «на дороге» были насыщены приключениями. В Бостоне он продал за десять долларов в новый журнал «Бостониан» очерк о бродяжничестве и отправился в обратный путь. По свидетельствам Чармиан и Ирвинга Стоуна, Джек путешествовал один, изредка примыкая к «хобо», следуя, как это описано в «Дороге», за своим быстроногим тезкой Джеком Скайсейлом. Джоан установила, что недели две он провел вместе с молодым человеком по фамилии Смит, который отстал от него недалеко от Ванкувера и двинулся на юг. Все трое считают, что Джек пересек Канаду, в Ванкувере нанялся кочегаром на пароход «Уматилла» и так попал домой.

Однако в небольшой книжке «Путешествие от побережья до побережья с Джеком Лондоном, описанное А-1, известным бродягой, который прошел и проехал 500 000 миль всего за 761 доллар» приводятся иные факты. Книжка эта была опубликована в 1917 году, вскоре после смерти Лондона. На нее не обратили внимания, вероятно, потому, что очень уж многие претендовали на знакомство с Джеком, когда он был «на дороге» (в годы славы Джека появились самозванцы, которые предъявляли поддельные чеки и пользовались его именем как удостоверением личности).

Теперь известно, что «Путешествие от побережья до побережья» написано Леоном Реем Ливингстоном, и его повествование содержит чересчур много точных деталей, чтобы им можно было бы пренебречь. Ливингстон утверждает, что познакомился с Джеком в Нью-Йорке, где рассказал о своей бродячей жизни Годвину, одному из редакторов журнального приложения к «Санди уорлд». За это ему позволили напечатать объявление о том, что он ищет товарища для нелегкого обратного пути в Калифорнию. Когда на следующий день он пришел, чтобы справиться о поступивших предложениях, его остановил стройный сероглазый юноша лет восемнадцати, в кепи на густых каштановых волосах. Они сразу понравились друг другу и решили отправиться в дорогу тем же вечером.

На одной из остановок их ссадили, и они отправи-

лись на товарную станцию. Пока они спали, какой-то бродяга стащил у них куртку и башмаки; на водокачке их облило с ног до головы. Джек хотел кружным путем добраться до Бостона, но, поскольку за ними гнались полицейские и сторожа, приятели вскочили в поезд, шедший в Кливленд. После многих приключений, позже описанных Лондоном в «Дороге», они попали на Запад. В Чикаго они встретили Мартина Джонсона, который через несколько лет окажется с Джеком на «Снарке», они проследовали через Ферфэкс, Омаху, Ларами, Солт-Лейк-Сити, Рено, Траки, Ньюкасл и Сакраменто. В Окленде Ливингстон познакомился с семьей Джека.

Возможно, что поход Лондона через Канаду, его встреча со Смитом и погоня за Джеком Скайсейлом относятся к более ранним месяцам того же года, когда он расстался с Эвергардами, и последовательность этих событий восстановлена по его позднейшим рассказам. Ни один из биографов не приводит никаких подробностей канадского путешествия, кроме того, что завершилось оно на «Уматилле». Джек нигде не упоминает своего попутчика, однако спустя несколько лет он с Чармиан принимали «А-1, известного бродягу» в Глен-Эллен. Ливингстон возвращался домой почти тем же самым путем, который прошел Джек с армией Келли. Быть может, истина лежит где-то посередине между тем, о чем умолчал Джек и что драматизировал Ливингстон, и неполными данными, которыми располагают все три биографа.

Большинство дорожных приключений Джека относится именно к этому периоду. «Дорога» захватывает любого своей беспечной романтикой. Дневниковые записи Джека повествуют о трудностях пути, о том, что «днем жарит, а ночью — леденящий холод», что «проснулся в 3.30, окоченевший от холода»; о езде на «слепом» багажном вагоне в такую метель, что вокруг не видно ни зги. Бывало всякое — попрошайничество, воровство, потасовки, и любой риск считался оправданным. Попадались кондукторы, которые кидали сцепной шкворень под вагон, где ехал бродяга; шкворень отскакивал от рельсов и мог убить на месте. Вскакивая на поезд, идущий с большой скоростью, «дети дороги» из-за медлительности расставались с жизнью или теряли ноги. Братство оставляло «заметы» — имена, вырезанные или выцарапанные на цистернах с водой; по таким «заметам» Джек Лондон следовал за Джеком Скайсей-

лом. Одно из самых сильных ощущений, оставляемых «дорогой», — ощущение брэнности жизни этих изгоев капиталистического мира. Не моргнув глазом их сбрасывали с поездов, а бывало, и под колеса. Кроме «хобов», которые знали Джека Лондона, были полисмены и кондукторы, которые могли сказать, что пытались его убить.

Преступная сторона жизни и тюремный опыт навсегда запечатлелись в памяти Джека. В «Джоне Ячменное Зерно» он писал, что клятва не заниматься больше физическим трудом включала и «отказ от любых уголовно наказуемых деяний... Быть уголовником столь же губительно, как и быть рабочим». Джек решил стать писателем. Через пять лет после возвращения в Окленд он действительно стал им и начал свое восхождение к славе. Но прошло немало лет, прежде чем он вновь обратился к дневникам своих первых путешествий. «Дорога» была завершена в конце 1906 года, и Лондон вел долгие переговоры с Джорджем Бреттом из издательства «Макмиллан», опасаясь, что публикация этой книги повлияет на коммерческий успех других его произведений.

Примечательно, что семь месяцев странствий прошли почти без вина. Он вернулся домой в конце 1894 года, избавившись от хандры и упадка духа, причиной которых не в последнюю очередь был алкоголь. Он страстно хотел учиться, получить образование, быть принятым в обществе, начать писать. А для этого необходимо было поступить в колледж. Теперь ему ничто не препятствовало: здоровье Джона Лондона улучшилось, у него была постоянная работа, семья переехала в более удобный дом. Жили Лондоны в небольшом коттедже на Двадцать второй авеню. Флора была в восторге от писательских устремлений Джека, в складчину с Элизой она купила Джеку письменный стол и настольную студенческую лампу. Незадолго до своего девятнадцатого дня рождения Джек стал учеником Оклендской средней школы.

4. КОЛЛЕДЖ И КЛОНДАЙК

Пропасть, отделявшая Джека от соучеников, была не меньше, чем та, что существовала между ним, вернувшимся из морского плавания, и членами

Христианской ассоциации молодежи. Они, будучи не намного моложе, вели совершенно иной образ жизни. Они казались ему приличными, хорошо воспитанными мальчиками и девочками, ему хотелось поближе сойтись с ними, но он вызывал у них враждебное чувство. Одевался Джек небрежно, во все поношенное, как портовые забуддыги: мешковатые брюки-клеш, синяя рубашка с отложным воротником. Он пересыпал свою речь ругательствами, курил сигареты-самокрутки и жевал табак. У него сгнили и выпали почти все передние зубы, оставшиеся же давно следовало запломбировать. Джек жевал табак, чтобы они не слишком болели. Считалось, что он сам виноват, поскольку не следил за зубами, но едва ли такое объяснение при всей своей вероятности справедливо, очевидно, у него был кариес. Во всяком случае, Элиза заплатила за его вставные зубы, прежде чем Джек отправился в школу, и она же купила ему велосипед новой модели на низких «безопасных колесах».

Всему, чем он занимался, Джек отдавал себя целиком — так было и с учебой. Он не интересовался предметами, которые, по его мнению, бесполезны в жизни (потом он очень жалел, что не выучил ни одного иностранного языка). Как только кончались уроки, он надевал кепку и уходил; школьный товарищ вспоминал его высокомерное отношение к «детскому крику на лужайке», который прекращался только после прихода учителя. В глубине души Джек хотел быть принятым в круг сверстников, но он не собирался делать первый шаг. В школьном дискуссионном клубе он проявил не только солидную начитанность, раздражавшую остальных тем более, что они и не подозревали о ней, но и знакомство с материализмом и политическим радикализмом; этим знакомством он был обязан общению с «хобо».

Дома он усердно занимался. Помимо школьных учебников Джек брал в библиотеке книги, о которых знал понаслышке, и читал до рассвета, сидя за маленьким столом у себя в комнате. Для школьного журнала «Эгида» он писал рассказы о сухопутных и морских приключениях. Они вызывали восхищение соучеников и одновременно углубляли существующую пропасть: он описывал жизнь суровую и грубую, как и он сам. Джек похаживал на митинги в парк неподалеку от школы, стремясь побольше узнать о социализме. В то время в Окленде была основана ячейка Социалистической рабо-

чей партии, члены которой вели постоянную агитацию и выступали на улицах и в парках.

Регулярные походы Джека в библиотеку дали ему то, чего он был лишен в школе, — круг общения. Новый библиотекарь Фредерик Айронс Бэмфорд заметил интерес Джека к чтению, как в давние времена Айна Кулбрит. Бэмфорд, христианский социалист, был слишком книжным человеком, чтобы принимать участие в классовых битвах, зато он превосходно разбирался в эстетических концепциях Уильяма Морриса, Рёскина, Арнольда и Карлейля. Он рекомендовал Джеку новинки, познакомил его с разными направлениями социализма и, по-видимому, внушил ему мысль о первостепенной роли писателя, способного убедить людей в необходимости лучшей жизни. Все чаще заглядывая в библиотеку поболтать с Бэмфордом и позаниматься в справочном зале, Джек подружился с молодым человеком Фредом Джейкобсом.

Фред работал в библиотеке. Подобно Джеку, он еще учился и мечтал об университете. Окончив школу, Фред посещал вечерние занятия для взрослых и собирался на годовые подготовительные курсы при университете, где «натаскивали» для вступительных экзаменов. Деньги на курсы Фред зарабатывал в библиотеке. В свободное время Джек подрабатывал уборщиком в школе. Оба увлеченно обсуждали общую цель, и Фред познакомил Джека со своими друзьями, которые тоже готовились к вступительным экзаменам: Джимом Ридом, Бесс Мэддерн, Тэдом и Мейбл Эпплгарт. Джека, к его изумлению, стали приглашать на концерты, велосипедные прогулки, на вечеринки; он стал вхож в их дома, познакомился с их семьями.

Мэддерны и Эпплгарты жили совсем в другом мире, чем Джек. Впервые этот мир явился десятилетнему Джеку в образе мисс Кулбрит, теперь он предстал ему в рассказах Бэмфорда о Моррисе и Рёскине. Здесь не чувствовалось ни снобизма, ни снисходительности, здесь царили красота и хороший вкус, картины и книги. Тэд научил Джека играть в шахматы, Бесс и Мейбл пытались учить его танцевать. Преимущества подобного социального уровня жизни как магнитом притягивали Джека, воплощая все, к чему он так стремился. Он старался воспринять их образ жизни и подражать им. К тому же, перешагнув порог дома Эпплгартов, он с первого взгляда влюбился в Мейбл.

Эпплгарты были выходцами из Англии. Отец Мейбл, горный инженер, часто и подолгу бывал в отъезде, и фактически домом правила миссис Эпплгарт. Она олицетворяла незнакомый ему мелкобуржуазный британский стиль жизни, включавший беспрекословное подчинение детей родителям, чего Джек не мог тогда понять. Она принимала участие в их пикниках и велосипедных прогулках, играла ведущую роль в беседах и поощряла споры о литературе и музыке в клубе «Fin de siècle», в заседаниях которого друзья регулярно участвовали.

Имя Мейбл Эпплгарт не встречается на страницах книги Чармиан — она появляется там как «Лилия» и «Дева Лилия». Без сомнения, это было сделано в угоду условностям, но подобное имя нарицательное точно выражает отношение Джека к Мейбл. Он сравнивал ее с бледно-золотым цветком на стройном стебельке. У нее были мягкие белокурые волосы и нежные белые руки, она была прекрасна и изысканна, живое воплощение хрупкой утонченности, подчеркнутой длинными по тогдашней моде платьями. Она великолепно умела держаться и была превосходным собеседником, играла на рояле и пела, разбиралась в литературе и искусстве. Джек был совершенно очарован. Хрупкость Мейбл вызвала в нем желание защитить ее; ни одна из девушек, которые ему встречались до сих пор, не выдерживала сравнения с ней.

Разумеется, это была любовь к идеалу. Забывая о своей трудной жизни, поглощенный мечтой о высокой духовной культуре и утонченности, он нашел в Мейбл зримое воплощение этой мечты. В одном из писем он простодушно спрашивает ее мнение о «стиле и мыслях» попавшегося ему на глаза отрывка: «Воздействие милой и доброй женщины на мужчину подобно аромату цветка, выросшего в саду его детства, или мелодии, услышанной в юности. В ее присутствии он испытывает стыд из-за своего неумеренного аппетита. Он не хочет, чтобы она узнала о его недостатках и пороках. Когда она рядом, он преображается и обнаруживает в себе духовное начало. И все же влияние женщины, столь же очевидное, как воздействие мелодии или аромата цветка, слишком часто испаряется в разлуке с ней; оно долговечно лишь тогда, когда она владычица его жизни».

Несомненно, Джек неспособен был воспринимать

женщину как личность саму по себе. Эта черта сохранилась у него навсегда. После крушения первого брака и до смерти в его письмах неоднократно утверждается, что «все женщины», как он «заметил», обманщицы и лгуны, а главный их порок — поношение отвергнутого поклонника. Он требовал от Мейбл того же, чего искал во всех людях, с которыми сводила его жизнь, будь то устричные пираты или интеллектуалы: он хотел, чтобы они соответствовали некоему несуществующему идеалу, и возлагал вину за испытываемое разочарование только на них.

Томясь от любви в доме Эпплгартов и жадно впитывая знания, Джек начал приобщаться и к политической деятельности. Он посещал воскресные вечерние лекции и другие мероприятия Социалистической рабочей партии и познакомился с некоторыми ее активистами. Один из них, Герман — «Джим» — Уайтекер, служил управляющим в кооперативном бакалейном магазине. В молодости он был инструктором по физической подготовке в английской армии. Джек стал постоянным посетителем магазина, он заглядывал на огонек поговорить о социализме и поучиться у Джима фехтованию и боксу. Он все схватывал на лету, восхищаясь культурой этих видов спорта, столь непохожих на беспорядочные и дикие портовые потасовки.

В партию он пока не вступал. Его интересы в то время были слишком разнообразны. Несмотря на постоянный приток новых членов, оклендская ячейка предпочитала абстрактные дебаты повседневной классовой борьбе. Членами ячейки были люди, безусловно, выдающиеся — Строн-Гамильтон, изображенный в «Мартине Идене», и Остин Льюис, — но общее настроение в ячейке на данном этапе напоминало настроение «прогрессивной» группы, выступавшей против несправедливости с позиции высшего разума. Только начали появляться первые книги о социалистическом движении. Имя Маркса часто упоминалось, но работы его было трудно достать, а переводы трудов европейских социал-демократов (некоторые из них были сделаны Льюисом) еще не хлынули потоком. Дискутировали больше о природе и целях «социалистического содружества», самой влиятельной книгой в подобных кружках был «Взгляд назад» Эдварда Беллами.

Такой образ жизни устраивал Джека. Он учился, читал книги, оттачивал ум и красноречие в полемике. И

все же не был вполне удовлетворен. «На дороге» он не только слышал более убедительные революционные речи, но и сам был свидетелем забастовок в восточных штатах, где острые конфликты рабочих с предпринимателями были нередкостью. Джека вдохновляла идея массового движения рабочего класса, будущей армии, которой суждено свергнуть существующий строй. Такое движение не могло не захватить Джека, он соотносил его с тем, что вычитал у Дарвина и Спенсера. Наступает естественное торжество наиболее сильных и приспособленных; рабочий класс поднимется как некое гигантское существо из первобытного ила и станет властелином мира.

В конце первого школьного года он принял решение пойти на университетские подготовительные курсы. По правилам ему надо было еще два года учиться, но ему скоро должно было исполниться двадцать, и честолюбивые замыслы не давали Джеку покоя. На курсах учились люди состоятельные, поскольку плата взималась высокая, но Джек был уверен в успехе и не сомневался, что сможет вернуть деньги кредитору. Деньгами снабдила Элиза. Он поступил на курсы и начал заниматься в начале 1896 года, налегая на учебники с присущей ему энергией. Он собирался все узнать за четыре месяца, то есть пройти весь курс подготовки за один семестр. Просиживая ночи напролет, впитывая как губка все, что ему могли дать преподаватели, он добился своего, но спустя пять недель Джека пригласил директор курсов, вернул ему плату за обучение и посоветовал уйти.

Причиной тому стали удивительные успехи Джека, которые могли вызвать недовольство других учеников и даже поставить под сомнение добросовестность преподавателей. В самом деле, если прилежный юноша может пройти всю программу менее чем за семестр, за что же берут такие деньги? Директор курсов Андерсон признался, что рвение Джека принесло ему уже немало неприятностей и он не хочет их в дальнейшем, он пожал Джеку руку и пожелал успехов. Будь Джек сговорчивее, он бы согласился несколько сбавить темп или прервать занятия на месяц-другой. Но все знали, что он человек сумасбродный — это подтверждалось и его внешностью, и манерами, а также участием в уличных митингах, организуемых социалистами, и никто ему этого не предложил.

Вскоре после ухода с подготовительных курсов, в апреле 1896 года, он вступил в Социалистическую рабочую партию. Последним толчком к этому была обида. Тем не менее Джек не отказался от намерения поступить в университет. Зная требования, предъявляемые на экзаменах, а также уровень своей подготовки, он продолжал заниматься дома. По физике ему помогал Фред Джейкобс, по математике — Бесс Мэддерн. В течение двенадцати недель он корпел над книгами по двенадцать часов в сутки, изредка позволяя себе недолгую передышку. Вернулся нервный тик, которым он страдал в детстве, а уставал он так, как в те дни, когда разгружал уголь.

Экзамены на механическом факультете в Беркли начались 10 августа и продолжались несколько дней. Джек не знал, что в 1896 году университету предписали повысить требования к поступающим, не предупредив их об этом. Он сидел и работал, удесятворяя сосредоточенность и внимание, работал изо всех сил. Как только экзамены кончились, Джек ощутил некое отвращение ко всякому знанию, он «не хотел видеть книг... не хотел думать сам и иметь дело с людьми, способными мыслить».

Большинство студентов осталось дожидаться результатов, которые должны были объявить через два-три дня, а Джек на следующее же утро отправился в гавань и арендовал лодку. Он прихватил постель и еду и с попутным ветром отплыл в Сэсунский залив. Джек намеревался пересечь его и плыть в Сан-Хоакин, идя по курсу, пока не изменится ветер или не начнется прилив. В полдень открывшаяся по левому борту Бениция оживила старые воспоминания. Джек изменил курс и пришвартовался к пристани, которую так хорошо знал. Как он и думал, ему не пришлось долго искать знакомых. Все направились в салун Йоргенсена и потребовали виски.

Пока пили и веселились, кто-то перегнал лодку Джека на другое место, а его вещи перенес в более вместительную и просторную, на которой промышляли лосося. На ней Джек тем же вечером покинул Беницию, горланя целые параграфы из учебников, моряцкие песни и популярные шлягеры. Ему хотелось повторить морские подвиги своей юности, когда он плавал с Сатаной Нельсоном-младшим. На следующий день он вышел в море один. Ловил рыбу, спал, отдыхал душой и телом и не

помышлял о выпивке. В конце недели он вернул лодку и, свежий, отдохнувший, отправился домой.

Экзамены он выдержал и осенью должен был приступить к занятиям. Первая цель была достигнута, и теперь Джек мог чувствовать себя на равных с новыми друзьями. Университетская программа была рассчитана на четыре года, но Джека привлекал не диплом. Он хотел стать профессиональным писателем. По свидетельству художника Джеймса Хоппера, который встречался и беседовал с Джеком в университетском кампусе, «он был полон грандиозных замыслов — так было всегда и впоследствии, когда нас сталкивала жизнь. Он собирался прослушать все курсы на английском отделении — не менее того. Разумеется, он планировал посещать лекции на отделениях естественных наук, истории, намеревался отхватить и добрый кусок философии».

Хоппер знал Джека еще мальчишкой в Аламейде. Теперь он встретил уверенного в себе, сильного и необыкновенно привлекательного юношу, «странную смесь скандинавского моряка и греческого бога». Кое-что Хоппера насторожило. Будучи уже второкурсником в Беркли, он успел узнать, что надежды, возлагаемые Джеком на университетское образование, чересчур радужны. Он промолчал об этом: его слова не возымели бы никакого действия.

Первые несколько месяцев Джек целиком отдавался занятиям. Почти все время он проводил в библиотеке, чтобы поскорее добиться желанной цели. Он мало виделся с остальными студентами, хотя о его стремительном натиске, которым он одолел школу и вступительные экзамены, многие знали и теперь обсуждали это, взирая на него с уважением. Не меньше поразил их и его новый подвиг. Администрация колледжа объявила, что требуется доброволец-верхолаз, который сможет покрасить флагшток в центре кампуса. Рано утром Джек забрался наверх, торопившиеся на занятия студенты видели, как он, работая, постепенно спускался вниз, а флагшток раскачивался под напором сильного северного ветра. Они вряд ли знали, что ему пришлось немало ползти по мачтам «Софи Сазерленд».

Почему он проучился всего один семестр, непонятно. Джоан Лондон приписывает это главным образом разочарованию: он понял, что преподаватели консервативны, а их лекции поверхностны; особенно важным кажется ей признание, вложенное в уста Мартина Иде-

на: «Они учат меня медленнее, чем я могу научиться сам». Действительно, потом он всегда с презрением отзывался об академическом образовании и называл его в письме к Джоан «шестеренкой университетского рабочего перед правящим классом». Вместе с тем в письме 1900 года, содержащем его биографические сведения для издательства «Хафтон Миффлин и К⁰», которое собиралось публиковать «Сына волка», Джек сожалел, что не смог продолжать занятия в университете. Он писал, что: «Был вынужден, вопреки своим намерениям, прекратить учебу, не закончив даже первого курса». И далее: «Я учусь всегда. Цель университета — подготовить студента к последующей учебе, непрерывной учебе в течение всей жизни. Я был лишен этого преимущества, но сумел уцелеть и выучиться».

Нет никаких фактов, подтверждающих версию о внезапном разочаровании первокурсника, кроме собственного высказывания Лондона в период, когда он уже достиг известности. В первом семестре он получал только высшие оценки, после рождественских каникул вернулся к занятиям, но вскоре неожиданно оставил университет. Точка зрения Стоуна и Чармиан основывается на признании, сделанном в «Джоне Ячменное Зерно», — он не мог обеспечить себя, и семья заставила его бросить учебу. Действительно, положение в доме опять стало тяжелым: Джон Лондон, несмотря на нездоровье, занимался розничной торговлей в Аламейде. Однако если крайняя нужда действительно была причиной ухода из университета, то в этих условиях Джек повел себя совершенно нелогично: он затворился у себя в комнате и писал, продолжая оставаться бременем для семьи («Я страдал, замечая, как убывают силы отца, которому приходилось содержать меня»).

Настоящая причина кроется в другом. Именно тогда Джек узнал, что Джон Лондон, может быть, не отец ему. Остается гадать, как он об этом узнал. Открытие могло быть сделано случайно — семья Лондонов жила всего в нескольких милях от Сан-Франциско, где разыгралась драма, предшествовавшая его рождению, и «профессора» Чейни многие помнили. Последствия оказались роковыми. Незаконнорожденность и в глазах самого человека, и в глазах общества была позором, несмываемым пятном и вполне могла помешать учебе. Из писем Джека к Чейни видно, как терзала его мысль о том, что он рожден во грехе. Он хотел узнать не только

кто его отец, но и не была ли его мать «женщиной легких нравов» и даже — не была ли она психически больна.

Одного этого было достаточно, чтобы Джек неожиданно покинул колледж, а его последующее пренебрежение к университету выглядит бахвальством человека, который добился цели только благодаря собственным усилиям. Единственным человеком, которому Джек открылся, был Тэд Эпплгарт: когда Джек установил местонахождение Чейни, он решил написать ему, указав обратный адрес Эпплгартов, чтобы о переписке не узнали домашние. Он рассказал Тэду о своих страданиях и, по-видимому, попросил ничего не говорить Мейбл, ибо в письмах Джека к ней нет ни слова о незаконнорожденности. Мы не знаем, как неожиданное известие отразилось на его отношениях с матерью и отчимом. В зрелые годы он отзывался о Джоне Лондоне с уважением, но Флору всегда считал причиной всех своих несчастий. В его письме 1907 года к тетке Чармиан, Нинетте Эймс, говорится: «Существует по крайней мере один пункт, в котором у нас с вами нет расхождения, а именно — мнение о характере моей матушки... Поверьте, вы не видели и тысячной доли тех дьявольских штук, на которые она способна».

Быть может, к счастью, именно в ту неделю февраля 1897 года, когда Джек покинул университет, в его жизнь вошли иные волнения. Социалистическая рабочая партия Окленда потребовала отменить закон, запрещающий проводить уличные митинги в черте города. Партия решила провести пробный митинг, который назначили на день рождения Авраама Линкольна, и Джек решил пожертвовать собой. С помощью Джима Уайтекера он поднялся на трибуну, но произносить речи экспромтом он не умел и даже обрадовался, когда прибыла полиция, чтобы разогнать митинг и препроводить оратора в тюрьму. Джека оправдали, закон, конечно, не отменили, но оратор снискал некоторую известность. Газетчики брали у него интервью и наградили титулом «мальчишка-социалист», а Мейбл Эпплгарт выразила свое неодобрение. Но именно тогда он крайне нуждался во встряске.

Об этом времени Лондон рассказал в «Джоне Ячменное Зерно». Все три биографа считают его рассказ достоверным. Он начинается так: «Я решил стать писателем незамедлительно». Далее повествуется о том, как

он пробовал сочинять стихи, рассказы, эссе и юморески, боролся с древней пишущей машинкой, на которой были только заглавные буквы, а по клавишам приходилось стучать с такой силой, что болели пальцы; о том, как он безуспешно рассылал рукописи по редакциям. Перечисленные события происходили в первые месяцы 1897 года. Правда, на письме от 17 сентября 1898 года, в котором Джек предлагает статью в газету «Буллетин», сверху написано рукой Чармиан: «Это — первое письмо Джека, обращенное к издателю», но в ее воспоминаниях воспроизводится и вышеупомянутое свидетельство самого Лондона из «Джона Ячменное Зерно».

Все же его версия звучит неправдоподобно. Джек ушел из колледжа 4 февраля 1897 года, а арестовали его 12 февраля. В июле он и муж Элизы, соответствующим образом снаряженные, покинули Сан-Франциско на борту «Уматиллы», отправившись на Юкон, где началась «золотая лихорадка». В период между этими событиями он жил и работал в прачечной. В «Джоне Ячменное Зерно» говорится о его необыкновенной продуктивности и о множестве рукописей, «совершавших удивительные путешествия туда и обратно от Тихого океана до Атлантического». Но слишком уж большую творческую активность развивает он в эти месяцы, когда к тому же переписывается с Чейни, продолжает бывать у Эпплгартов и заниматься политической деятельностью (в июне он пишет Тэду Эпплгарту, радуясь возникновению американской социал-демократии).

Напрашивается вывод, что изложение событий в «Джоне Ячменное Зерно» должно затушевывать образ его жизни в описываемое время. Создание бесчисленных произведений и рассылка рукописей относятся к более позднему, послеюконскому периоду. Когда же закончилась его университетская жизнь, он был более чем когда-либо подавлен и удручен и сразу стал работать в прачечной.

Прачечная располагалась в Бельмонтском военном училище на полуострове к югу от Сан-Франциско. Она была оборудована по-современному, но работы было много, Джеку и его напарнику приходилось сортировать, стирать и гладить белье. Работали по шесть дней в неделю до поздней ночи, изнурительный труд казался бесконечным. Джек получал в месяц тридцать долларов, стол и квартиру. «К субботнему вечеру мы выматывались до предела», — писал он. Все, что он там ви-

дел и испытал, подробнейшим образом рассказано в романе «Мартин Иден», где он писал о «навязчивой идее выпивки» как самой насущной потребности (хотя в «Джоне Ячменное Зерно» он утверждал, что не пил, работая в прачечной). Он захватил с собой пачку книг, но читать не было сил.

Когда в училище начались летние каникулы, он вернулся в Окленд; отсыпался, бывал с приятелями и искал другую работу. Три года назад ситуация была та же. Тогда умы будоражила армия Келли. Теперь же возникла новая, и еще более громкая, сенсация: на Клондайке началась «золотая лихорадка». Джека мгновенно увлек шанс «намыть богатство», но дело не только в этом: его, как и сотни тысяч других людей, притягивал магнит нового фронта, неизведанных рубежей, сулящих удивительные приключения и неслыханные возможности.

Джек ломал себе голову, где бы достать деньги на снаряжение и одежду, еду и дорогу. Он направился к писателю Джоакину Миллеру, которого знал по митингам социалистов, уверенный, что тот его поймет и одолжит денег. Но Миллер уже уехал на Клондайк как корреспондент. Джек постеснялся обратиться к сестре, которая и так часто выручала его. Однако именно семья Элизы совершенно неожиданно предоставила средства. Немолодой зять Джеймс Шепард заразился «золотой лихорадкой». Он заложил дом и акции небольшого предприятия и, чтобы иметь рядом молодость и сноровку, предложил Джеку стать его компаньоном. Правда, сам Шепард вовсе не был готов к каким бы то ни было приключениям. Незадолго до начала сборов с ним в трамвае случился сердечный приступ, и ему был предписан постельный режим. Тем не менее они колесили по Сан-Франциско, закупая меховую одежду, горный инструмент, палатки, одеяла, материалы для сооружения сани и каноэ. Груз Джека весил почти 2000 фунтов.

Он написал Мейбл, что уезжает. Ответила ему весьма патетически ее мать: «О дорогой Джек, внимайте мне и оставьте эту идею, ибо мы уверены, что вас ожидает смерть и мы никогда вас больше не увидим... Ваши отец и мать, должно быть, уже потеряли рассудок от горя. Даже если до вашего отплытия остался всего один час, измените ваше решение». Но никакие угрозы не могли свернуть его с избранного пути, поскольку дома было еще труднее: отчим умирал. Вместе с Ше-

пардом они прошли Золотые ворота 25 июля. На корабле они вступили в пай еще с тремя золотоискателями.

Для большинства искателей приключений, включая Шепарда, путешествие закончилось быстро. «Золотая лихорадка» породила поговорку: «Два доллара в землю входят, только один наружу выходит». Когда пароходы выгружали орды пассажиров и грузы, на пути к Доусону сразу же непреодолимой и грозной преградой вставали заснеженные горы Коуст Рейндж. Индейцы, хозяева вьючных лошадей, требовали по тридцать центов за фунт поклажи. Некоторые тут же поворачивали назад, иные сами волокли свой груз в горы. Джек с компанией переночевали и решили идти на Чилкутский перевал, но Шепард, наслушавшись рассказов возвращающихся золотоискателей о трудностях пути, решил, что с него хватит. К радости Джека, он не тронул снаряжения, а просто отправился в обратный путь. Шепард вернулся в Окленд незадолго до кончины Джона Лондона; его жена, дочь покойного, оплатила похороны.

Джек поднимался на Чилкутский перевал с тремя товарищами. Его ноша была самая тяжелая, но он изо всех сил старался держаться впереди. Пройдя перевал, они спустились к ледниковым озерам, по которым должны были выйти к реке Льюис, а потом по ней к Юкону. Здесь, как и среди устричных пиратов и бродяг, он быстро утвердил свое превосходство: решил быть лучше всех «на тропе», лучше самих индейцев. Позже он вспоминал: «Все двадцать восемь миль по ту сторону Чилкута от Дайя Бич к озеру Линдерман я не уступал индейцам, нес равный с ними груз и шел впереди. Последний переход от озера был три мили. За день я четыре раза проделал путь туда и обратно, и каждый раз с ношей в сто пятьдесят фунтов. Иначе говоря, ежедневно я проходил двадцать четыре мили по самым тяжелым тропам, из которых двенадцать миль — с тяжелой кладью».

У озера Линдерман они купили доски и смастерили лодку. Меррит Слоупер, один из товарищей Джека, был плотником. Джек скроил, сшил и поставил парус; так им удалось избежать непрерывной гребли: «Юконская красавица» была прочна, и пожитки не намокали, даже когда лодка проходила пороги. Несмотря на заморозки, они продолжали плыть вперед. Спать им почти не приходилось. У озера Марш Северо-западная конная полиция останавливала тех, у кого не было запаса провианта в

семьсот фунтов. У озера Лебард сильная буря задержала их на три дня; затем, по настоянию Джека, они двинулись дальше, в противном случае им пришлось бы зимовать в пути. Они брали с боем каждый ярд чистой воды, видя, как озеро за кормой покрывается льдом.

Самые отчаянные и опасные эпизоды путешествия — переход через ущелье Бокс и пороги Уайт-Хорс. Джек решил идти напрямик, поскольку так они выигрывали время — переправа волоком, с грузом на плечах, заняла бы дня два. Несомненно, его моряцкая сноровка и самообладание, сказавшиеся еще в похождениях с Сатаной Нельсоном-младшим, сыграли роль. В ущелье Бокс вода низвергалась водопадом, образуя огромную пенящуюся воронку. Налегая на весла так, что Слоупер даже одно сломал, на большой скорости путешественники пролетели по гребню и выскочили из водоворота. Они прошли еще две мили по небольшим порогам и добрались до порогов Уайт-Хорс, которые много лет были недоступны. На глазах у множества людей они лихо взяли самое опасное место, избегнув участи тех, чьи разбитые лодки покоились на ближних скалах. Джека попросили провести другие лодки, он потребовал двадцать пять долларов за каждую; задержавшись у порогов на несколько дней, его команда заработала три тысячи долларов.

9 октября они достигли Аппер-Айленда у восточного берега Юкона, в восьмидесяти милях от Доусона. Здесь Джек и его приятели остановились в одной из бревенчатых хижин, брошенных торговцами пушниной с Берингова моря; хижины пустовали, это значило, что Джек и его спутники намного обогнали других. Три дня спустя они отправились на Гендерсон-Крик, чтобы застолбить участки, а потом добрались и до Доусона, где официально зарегистрировали их. В Доусоне, центре Юкона, они провели почти два месяца. Потом вернулись к себе, чтобы дожидаться прихода весны, когда начинали мыть золото. Но Джеку не суждено было его увидеть: как и многие другие, он стал жертвой цинги — не было свежих овощей. Получив письмо, извещавшее о смерти Джона Лондона, больной и без гроша в кармане, он покинул Доусон в июне 1898 года.

Год «золотой лихорадки» подарил Джеку сюжеты и характеры для самых его знаменитых рассказов. Он познакомился с Эламом Харнишем, по прозвищу «Время-не-ждет», и наделил потом его именем и характером од-

ного из своих героев; он наблюдал за повадками собак, и наблюдения послужили впоследствии основой для «Зова предков»; подружился с будущим Мельмутом Кидом, узнал о подвигах Смока Белью. Месяцы, проведенные в небольшой колонии на Аппер-Айленд, обогатили его и в другом смысле. На приисках и в поселке лесорубов он встречал немало людей, разбиравшихся в политике. Среди обитателей Аппер-Айленда числом около шестидесяти были люди разных профессий, некоторые с университетским образованием. «Салоном» была хижина Луи Савара, где гости сидели у очага, целыми днями споря о философии, экономике и новых научных теориях.

Джек захватил с собой пачку книг. Один из зимовщиков, У. Б. Харгрейв, вспоминает его горячность в спорах и живой ум. Известен рассказ старого золотоискателя, застигнутого метелью: полуживой от усталости, он ночью набрел на хижину. Внутри яростно спорили люди; когда до него дошло, что они спорят о социализме, он подумал, что рехнулся. Харгрейв отметил удивительную неразборчивость Джека в выборе книг и в оценках. Так, он считал Гаррисона Эйнсуорта большим писателем и уважительно декламировал скверные вирши из клондайкской газеты. Харгрейв считает, что это свидетельствует об уважении Джека к печатному слову: все, что размножено типографским способом, было достойно восхищения.

Споры расширяли кругозор Джека, его вера в социализм нашла поддержку и окрепла, и он окончательно утвердился в своем желании стать писателем. Возбуждение, вызванное «золотой лихорадкой», постепенно спадало. В 1900 году в статье «Экономика Клондайка» он писал: «Новый Клондайк, Клондайк будущего ничем не напомнит Клондайк прошлого. Силы природы будут покорены, кустарные методы добычи преданы забвению, а тяготы труда и передвижения будут сведены к минимуму. Изыскания и доставка оборудования упорядочатся. Не будет бессмысленной траты энергии, анархии на производстве. Покорители фронта уступят место рабочим, старатели — горным инженерам, погонщики собак — шоферам, торговцы-спекулянты — честно ведущим дела современным бизнесменам; ибо именно таким людям будет вверена судьба Клондайка».

От цинги он покрылся язвами, оставшиеся зубы шатались. После недолгого пребывания в католическом

госпитале он с двумя спутниками спустился в маленькой лодке вниз по Юкону. Они прошли полторы тысячи миль до Берингова моря, причаливая к берегу для ночлега. Во время путешествия Джек опять вел дневник, тщательно записывая все, что видел во встречных индейских поселках. В форте Св. Михаила Джек нанялся кочегаром на пароход, шедший в Британскую Колумбию, оттуда добрался до Сиэтла, а потом на товарных поездах в Окленд. Быть может, впечатления от Клондайка и работа кочегаром сказались в его историях о «дороге» — там тоже упоминается «Уматилла». Он вернулся, не возлагая особых надежд на будущее, но уже близок был стремительный взлет его славы.

5. ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Вернувшись, Джек стал искать работу. Он разрывался между непреодолимым желанием писать и необходимостью поддерживать овдовевшую мать. Флора просрочила арендную плату и задолжала по счетам. Элиза, помогавшая ей, на сей раз была в отъезде. К тому же в семье прибавился лишний рот. Джонни Миллер, внук Джона Лондона от первого брака, превратился, по существу, в приемыша Флоры, проводя у нее весь день, пока мать была занята.

Работы не было. Джек заложил велосипед, серебряные часы, подаренные Шепардом перед отъездом на Клондайк, а также плащ покойного Джона Лондона. Он обращался в прачечные и на фабрики, однажды пошел по объявлению, приглашавшему натурщиков. Проведя месяц дома, в августе он ненадолго снова заболел местной «золотой лихорадкой» и отправился в горы Калифорнии. Потом вернулся к случайным заработкам своих детских лет — мытьем окон, стрижке лужаек и газонов. Он продолжал писать рассказы о Клондайке и посылал их в газеты и журналы. Первый остался без ответа, а второй возвратили с пометкой редактора: «Интерес к Аляске сейчас заметно упал». За семь дней он написал повесть в 20 000 слов и послал ее в «Юс компэньон», и опять безуспешно.

Летом он подал прошение на должность почтового служащего, прошел вступительные испытания и стал ждать результата. Зная свою способность мобилизоваться, помогавшую ему в прошлом, он был уверен, что

проскочит и на этот раз; а работу на почте одобряли и друзья и семья. Флора уговаривала его не покидать домашний очаг — она получала маленькую пенсию и опять начала давать уроки музыки. Элиза тоже хотела, чтобы у брата было постоянное и приличное занятие. Она всегда верила в него, восхищалась его способностями и неизменно ему помогала. В одном из писем этого года к Мейбл Эпплгарт он писал о сестре, справедливо замечая: «Если бы я следовал ее советам, слушался ее, я служил бы сегодня клерком за сорок долларов в месяц, чиновником на железной дороге или кем-нибудь еще в этом роде. У меня была бы зимняя одежда, круг приятных знакомых, я ходил бы в театр, принадлежал бы к какому-нибудь ужасному обществу обывателей, говорил бы, думал и поступал точно так же, как они... она давно заметила, что у меня голова работает несколько лучше, чем у других, несмотря на мои неудачи и невезение; что я непохож на большинство ребят нашей округи, и поэтому привязалась ко мне. Но главное, она одинока, бездетна, муж у нее больной и т. д.; ей надо было кого-то любить».

То, как, по мнению Джека, видела его будущее Элиза, полностью совпадало с пожеланиями Мейбл. Он был по-прежнему влюблен в нее, но восторженное преклонение прошло. Сказалось его годичное пребывание на Клондайке — она стала раздражительна и ворчлива. Мейбл не нравились его потрепанная одежда, голодный и изможденный вид, а главное, неспособность зарабатывать на жизнь. Она настойчиво советовала ему стать почтовым чиновником или кем-нибудь еще, лишь бы иметь постоянный заработок. Она питала к нему настоящее чувство и хотела выйти за него замуж; она не понимала, почему он резок с нею. Немалую роль играла и ее физическая слабость. Она соответствовала представлению Джека о женщине, которую мужчина должен оберегать и защищать. Но инстинкт тянул его к более крепким и земным девушкам типа Королевы устричных пиратов — «женщине, опаляющей огнем», говоря словами Бриссендена из «Мартина Идена». Так что, естественно, хрупкость и аристократизм Мейбл должны были раздражать его. Он заглядывался на других женщин, его привлекало даже жизнелюбие миссис Эпплгарт.

Он продолжал добиваться Мейбл, считая, что ее образование и знание литературы превосходят его собст-

венные. Он посылал ей свои произведения в надежде на критический разбор и выходил из себя, так как она не понимала их, а его настойчивость вызывала с ее стороны заклинания бросить эту нелепую затею с писательством. В начале его письма о «долге» говорится: «Я очень ценю ваш интерес к моим делам, но... у нас нет ничего общего. Кое-что о моих стремлениях вам известно, но только приблизительно. Что же касается настоящего Джека, его мыслей, чувств и так далее, вы совершенно ничего не знаете».

Его грызла постоянная тоска. И в разговорах с Мейбл, и с другом детства Фрэнком Аттертоном он намекал на самоубийство. В ноябре 1898 года Джек писал Мейбл: «Не знаю, когда окажусь на дне: быть может, на следующей неделе мне придется лопатить уголь или рыть сточные канавы». Элиза давала ему деньги на бумагу и табак; когда Эпплгарты приглашали его к обеду, ему стоило больших усилий не набрасываться на еду с жадностью. У него не было друзей, к которым он мог бы обратиться за помощью. Он продолжал посещать митинги социалистов, захаживал немного побоксировать к Уайтекеру. Строн-Гамильтон всячески поощрял его стремление писать. Круг друзей, образовавшийся в дни учебы в колледже, распался. Фред Джейкобс был призван на испано-американскую войну, где ему суждено было погибнуть от лихорадки. Его возлюбленная, Бесс Мэддерн, все еще училась в Окленде, Джек иногда встречался с ней, они вспоминали прошлые дни.

Он все дожидался результатов экзамена на должность почтового служащего. 7 января 1899 года он писал: «Продолжая работать над повестью для «Юс компэньон», попутно сдал государственные экзамены на должность клерка. В Вашингтоне не торопятся, и я еще не получал официального назначения. Однако думаю, что прошел». Все это время он писал без передышки. Он не стремился создавать шедевры. Он жаждал коммерческого успеха — искал путей пером зарабатывать деньги. В воскресной газете он прочел, что минимальная журнальная ставка — десять долларов за тысячу слов; эта арифметика вдохновила Джека — он должен был узнать, как получают такой урожай, и стал изучать в библиотеке журнальные руководства, чтобы овладеть литературной техникой. По стенам его комнаты были развешаны листы бумаги со словниками. Заучив одни слова, Джек заменял их новыми. Он благоговел перед

Кипплингом, переписывал его рассказы целиком, стараясь научиться писать так же.

В начале декабря, спустя день-два после того, как Джек отправил длинное и горькое письмо к Мейбл, пришло первое признание. Ответила ему редакция «Оверленд мансли», журнала, основанного Брет Гартом. Они так высоко оценили рассказ «За тех, кто в пути», что, невзирая на завал материалов, решили напечатать его в январской книжке «в случае, если вы удовлетворитесь пятью долларами». Положительный ответ разочаровал его так же, как отказ. В рассказе было примерно три с половиной тысячи слов; писал он его пять дней, а ему предлагали те же деньги, что он получал на консервной или джутовой фабрике — по доллару в день. Он излил свой гнев Мейбл: «Если рассказ стоит печатать, то за него следует лучше платить». Джек не знал, что «Оверленд мансли» был журналом престижным, хотя и небогатым. Сам факт публикации им рассказа, несмотря на крошечный гонорар, имел для начинающего писателя огромное значение.

Он написал в «Юс компэньон», справляясь о судьбе своей повести. Ответ пришел отрицательный; автору сообщили, что в главе должно быть не больше трех тысяч пятисот слов, и настоятельно рекомендовали оставить мысль о литературном труде. Джек пересчитал слова, и обнаружил, что не превысил норму. Он сообщил об этом в редакцию и присовокупил извинения за предыдущее письмо, объясняя его недугом и робостью, «отсутствием друзей и потребностью излить душу», что и стало, думается, причиной редакторского совета. Редактору неизвестный молодой человек показался, вероятно, несколько психически неуравновешенным, и самое доброе дело было — посоветовать ему более спокойное занятие, но, когда Джеку уже казалось, что силы его иссякли, случилось чудо: приняли еще один рассказ. На сей раз в журнал «Черная кошка»; редактор его Умстеттер активно поддерживал начинающих писателей.

Джек послал ему «Ценой тысячи смертей»; по жанру это было нечто вроде «рассказа ужасов». Умстеттер спрашивал, подлинные ли события описаны в рассказе, нашел его чересчур многословным и предложил сорок долларов, если Джек согласится сократить текст наполовину. В рукописи было 4000 слов; после сокращения осталось 2000, и он получил гонорар из расчета два-

дцать долларов за тысячу. Деньги, равно как и сам факт принятия рассказа к публикации, вернули Джеку хорошее настроение. Значит, он все же не гнался за химерами, не переоценивал своих литературных возможностей. Он тут же написал Умстеттеру и немедленно получил деньги. Он выкупил велосипед, часы и плащ, накупил еды, заплатил за дом и обеспечил себя письменными принадлежностями. Через несколько лет, в предисловии к сборнику рассказов, ранее опубликованных в «Черной кошке», он напишет: «Я дошел до точки, был выбит из колеи, был близок к тому, чтобы опять идти грузить уголь или покончить с собой... И в буквальном, и в переносном смысле я был спасен журналом «Черная кошка», опубликовавшим мой рассказ». Быть может, он несколько преувеличивал, создавая рекламу Умстеттеру. Однако это событие несомненно стало поворотным пунктом в его жизни.

«Оверленд мансли» принял в февральский номер еще один рассказ — «Белое безмолвие», и редактор журнала Джеймс Говард Бридж пригласил Джека посетить его. Он откровенно рассказал Джеку о финансовом положении журнала, но подчеркнул, что престиж его по-прежнему высок. Он предложил Джеку контракт на шесть рассказов. За каждый он получит только семь с половиной долларов, зато они создадут ему репутацию и привлекут внимание критиков и серьезной читательской аудитории, на что нельзя рассчитывать, печатаясь в других журналах. В последнюю неделю января он узнал результат экзаменов. Он выдержал их, получив 85,38%, и занял первое место в списке кандидатов. Первоначальный его оклад составлял сорок пять долларов в месяц, потолок шестьдесят пять, но вакансия могла не открыться целый год. Однако теперь это не имело значения. Его печатали.

Материальное положение продолжало оставаться затруднительным. В конце февраля Джек писал Мейбл: «Вы же знаете, мы едва сводим концы с концами — все, что зарабатывается, тратится без остатка, большинство принадлежащих мне вещей в закладе, а счета бесконечны». Он занимался литературной поденщиной — сочинял стихи, шутки — все, что угодно, лишь бы печатали. Как-то «Оверленд мансли» вовремя не заплатил, Джек пересек залив и ворвался в редакцию с угрозами. Он удовлетворился пятью долларами от заместителей редактора Роско Эймса и Эдварда Пейна. Весной они с

Флорой остались без еды и без денег. Но теперь Джек был полон уверенности в себе и настойчивого желания продолжать. Это видно из писем к Клодсли Джонсу, переписка с которым началась в феврале 1899 года. Джонс, почтовый служащий, а также начинающий писатель и социалист, был поражен первыми рассказами Джека в «Оверленд мансли» и написал ему. Они регулярно переписывались на протяжении трех лет и продолжали дружить всю жизнь. Во втором письме к Джонсу Джек разбирает присланную ему рукопись как настоящий редактор, предлагая сократить то, выбросить это и внимательно следить за языком.

Их переписка открывает много интересного. Джек изобрел особую манеру письма для Джонса, как, впрочем, для каждого своего корреспондента; в данном случае это был стиль откровенного, живого мужского разговора. Второе письмо Джека завершалось описанием его внешности, поскольку Джонс просил его фотографию: «В январе мне стукнуло двадцать три. Рост без обуви пять футов семь-восемь дюймов — морская жизнь подкоротила меня. В настоящее время вес 168 фунтов, но легко увеличивается до 180, когда живу на свежем воздухе и обхожусь без удобств. Чисто выбрит, иногда отпускаю светлые усы и темные бакены, но ненадолго. Гладкое лицо делает мой возраст неопределенным, так что даже придирчивые судьи дают мне то двадцать, то тридцать. Зеленовато-серые глаза, густые сросшиеся брови, темные волосы. Лицо бронзового цвета, ставшее таковым из-за длительных и постоянных встреч с солнцем, хотя теперь, благодаря отбеливающему процессу сидячего образа жизни, оно скорее желтое. Несколько шрамов, нет восьми верхних передних зубов, что обычно скрывает искусственная челюсть. Вот и весь я».

В письмах Джонсу он не упоминает о своей бедности. Наоборот, Джек сообщал о куче приятелей и старых товарищей по плаванию, которые постоянно заглядывают к нему на огонек, и о том, что он никогда не может отказать, если у него просят займы (это было написано в конце марта 1899 года, когда они с Флорой чуть не голодали). Он писал Джонсу и о том, как знакомые женщины обращаются к нему за помощью и советом. Он изображал из себя записного волокиту: «Такой же страстный, как и вы, но, возможно, менее сдержанный, я, несомненно, был рожден для полигамного общества. У меня сильная воля, но, когда она сталкивается с же-

ланием, я подчиняюсь последнему». Он писал о том, как бы ему хотелось одеваться: «Мне нравится приятное чувство, рождаемое хорошо сшитой одеждой».

Это была не поза, но образ человека, которым он собирался стать в ближайшем будущем. В переписке с Джонсом есть один личный момент. Через два месяца после их знакомства Джек писал: «Всю жизнь я искал идеального друга — но никакие идеалы недостижимы. Я никогда не встречал человека, обладавшего такими чертами натуры, которые соответствовали бы моему идеалу или хотя бы приближались к нему... Из того, что я узнал о вас, следует, что вы близки к этому идеалу, как никто другой. Но человек, как он отражается на бумаге, — это одно, а когда встречаешься с ним лицом к лицу — совсем другое. Однако мне кажется, вы обладаете двумя главными качествами, которые я искал». Несколькими годами спустя он перенес жажду тесного общения с интеллектуально и физически одаренным человеком — великим «Другом-Мужчиной» — на свою дружбу с Джорджем Стерлингом, которую Джоан Лондон назвала «эмоциональной связью».

Но больше всего Клодсли Джонс и Джек обсуждали, как достичь успеха на писательском поприще. Сколько слов в день следует писать? Сколько платит тот или иной журнал? Каково отношение к стихам и юмористическим рассказам? Они делились опытом общения с редакторами, обсуждали лексику и синтаксис, обменивались вырезками из газет и рекомендовали друг другу книги. Статья Джека «О жизненной философии писателя» появилась в печати в 1903 году и поэтому воспринималась как советы признанного литератора, однако была написана и поступила в редакцию в 1899 году; значительная ее часть — это выдержки из переписки с Джонсом, в которой как в зеркале отражается профессиональный подход Джека к писательскому делу. Когда в 1900 году журнал «Макклюрс» заплатил ему триста долларов за два рассказа и статью, он писал: «Лучший гонорар в моей жизни. Воистину, если кто-то хочет купить мое тело и душу, добро пожаловать — пусть только дадут настоящую цену. Я пишу ради денег; если добьюсь славы, то денег будет больше. На мой взгляд, чем больше денег, тем больше жизни. Я всегда терпеть не мог добывать деньги, каждый раз, говоря об этом, я испытываю отвращение. Лучше, как прежде, бродяжничать».

Конец звучит пророчески: «Итак, среди моих пороков никогда не будет страсти к добыванию денег. Но привычка тратить деньги, о боже! Я всегда буду ее жертвой».

Подобная декларация собственной меркантильности кажется несколько наигранной и театральной, но он искренен. В письме к Анне Стрункой Джек посмеивается над Джонсом, который пытается писать для «потомков», и кончает так: «Чем бы я не пожертвовал, чтобы иметь возможность спокойно сидеть и создавать шедевры! Но ведь за них не платят, поэтому я их и не пишу». Эти высказывания Джека, сделанные им в самом начале писательского пути, заслуживают внимания. Доброжелательные современники нередко критиковали Джека Лондона за то, что он не полностью использовал свое огромное дарование, то есть, иначе говоря, писал на потребу рынка. Подобные мнения можно услышать и сегодня. Действительно, он с самого начала не скрывал своих намерений и намерен был писать исключительно ради заработка.

В мае, июне и июле еще несколько рассказов — преимущественно об Аляске — увидели свет. Счастливый и радостный, Джек пригласил Мейбл на велосипедную прогулку. Во время отдыха среди холмов он поведал ей о своих победах и надеждах на будущее. Мейбл поинтересовалась, сколько он заработал литературным трудом, и заплакала. Она не считала его победителем, все лишь подтверждало ее мнение — лучше всего ему быть почтовым служащим. Джек признался, что ему предлагали открывшуюся вакансию, а он отказался. Пытаясь переубедить Мейбл, Джек прочитал ей новый рассказ, который захватил с собой и собирался отправить в журнал. Но Мейбл не успокоилась. Рассказ, как и большинство его вещей, был шероховат и резок; нечего было и думать о том, чтобы зарабатывать на жизнь писанием подобных историй, за которые платили гроши. Почему он не бросит это занятие?

Так пришел конец их роману, и, в общем, это печально. Хотя Мейбл и Джек совершенно не подходили друг другу, она знала его в те дни, когда ему было тоскливо и горько. Он так и не простил Мейбл неверия в его силы. Их отношения воплощены в «Мартине Идене», где ее семья изображена самодовольной и ограниченной, а сама она — в образе Руфи — слабым, жалким созданием. Однако ему уже не требовалось моральной

поддержки. Он знал, что находится на пути к успеху, и в этом убеждении был не одинок, особенно после публикаций в «Оверленд мансли». Оклэндские газеты, именовавшие его «мальчишка-социалист», теперь писали о нем уважительно — «Мистер Джек Лондон, молодой писатель». Флора не просто терпела его капризы, но сама усердно потворствовала им. Хотя они почти не разговаривали, она уверилась, что Джек обязательно добьется успеха, и героически переносила лишения. Быть может, для нее это означало восстановление доброго имени; успех сына не только принесет ей благополучие и упрочит ее положение в обществе, но и послужит оправданием того, что произошло в Сан-Франциско двадцать четыре года тому назад.

Джек нацеливался на новые журналы. Уильям Рэндолф Херст еще не вышел на сцену, но новый тип журналистики, возникший в 80-е годы, уже проник на страницы «Мансли», «Макклюрс» и «Космополитэн» (последний редактировал Дж. В. Уокер). Издатели этих журналов были людьми наблюдательными и проницательными. За ними стояла быстро растущая новая читательская масса, они использовали технические усовершенствования, удешевившие издательское дело, а великая неразбериха американской действительности еще только ждала своего отображения в печатном слове. Журналы шли по десять центов за экземпляр, заполняя ту брешь, о существовании которой не подозревали старые «Харперс», «Скрибнерс» и «Атлантик мансли», стоившие двадцать пять центов и дороже. В июле «Космополитэн» назначил премию в двести долларов за лучший очерк на тему «Что теряет тот, кто действует в одиночку». Джек принял участие в конкурсе и победил.

Его статья называлась «Что теряет общество при господстве свободной конкуренции». Джек высказал в ней все, что узнал на митингах социалистов, в спорах у очага Луи Савара и из прочитанных книг. Он опасался, что статья окажется слишком радикальной для «Космополитэн», но сам был ею доволен. Когда ему сообщили, что статья получила первую премию, он написал Джонсу: «Горжусь тем, что я, пожалуй, единственный социалист, которому удалось заработать на своем социализме». В сущности, его статья едва ли была революционнее его последующих работ, посвященных той же теме. Он просто убедительно доказывал, что конку-

ренция порождает разорение и убытки, и обосновывал необходимость замены свободной конкуренции плановым хозяйствованием.

Но еще до этого одну из его рукописей принял «Атлантик мансли». Он купил его повесть «Северная Одиссея» за 120 долларов. Повесть была опубликована в июле 1889 года, ровно через двенадцать месяцев после возвращения Джека с Клондайка в Окленд. Репутация «Атлантик» как литературного журнала стояла так высоко, что публикация в нем считалась равносильной признанию. Вероятнее всего, Джек был совершенно потрясен; равнодушие, с которым он писал об этом Джонсу, было явно напускным. Другой журнал, «Арена», принял к печати один из первых его рассказов о «дороге». «Пошлю-ка я старые третьесортные свои сочинения в «Харперс», «Сенчури» и т. д. , — писал он , — может, они и возьмут те вещи, от которых когда-то отказались дешевые журнальчики».

После публикации в «Атлантик» он составил сборник рассказов и послал его в бостонское издательство «Хафтон Миффлин и К⁰», предлагая издать его отдельной книгой. Рукопись была принята к печати весной 1900 года под названием «Сын Волка». Издательский отзыв показывает, почему рассказы Джека были встречены благосклонно: «Он слишком вольно пользуется современным слэнгом приисков, но стиль его обладает силой, свежестью и энергией. Он рисует впечатляющую картину жестоких морозов, тьмы, голодной смерти, счастья иметь друга в трудную минуту; описывает лучшие человеческие качества, которые выявляются в суровой борьбе с природой. Читатель верит, что автор сам испытал все это».

В конце года отделение Социалистической рабочей партии в Сан-Франциско предложило Джеку выступить с лекцией. О его выступлении в Юнион Сквер Холл возвещали афиши и листовки, где он именовался «выдающимся журнальным автором».

7 апреля 1900 года, в тот день, когда сборник «Сын Волка» увидел свет, Джек женился на Бесс Мэддерн. Ни один из биографов не в состоянии объяснить, как это получилось. Джеку стало тесно, и он подыскал для себя и Флоры дом побольше. По свидетельству Чармиан, Бесс помогала Элизе обставлять новое жилище; решение Джека о женитьбе было принято под влиянием момента, ему понравилось, как Бесс трудится в его но-

вом доме. Версия Джоан сводится к тому, что дружеские отношения между Джеком и Бесс все это время укреплялись и углублялись, однако не следует забывать, что это — свидетельство дочери. Джек и Бесс действительно вместе занимались английским, катались на велосипеде, фотографировали и проявляли снимки по ночам, но и Джоан не отрицает, что решение жениться пришло внезапно. Всего за две недели до свадьбы Джек еще рассуждал, что «никогда не будет столь безрассуден».

Естественно, все друзья были поражены. 3 апреля он писал Клодсли Джонсу: «Смотри, не лопни от смеха. Начнем. Слушай. Сейчас узнаешь, что я надумал. Ну так вот. В следующую субботу я женюсь. Ничего себе? А?» Ответ Джонса был краток: «О, боже милостивый!» В тот же самый день Джек написал миссис Нинетте Эймс, жене коммерческого директора «Оверленд мансли»: «Вы знаете, что я легок на подъем. Утром в прошлое воскресенье у меня и в мыслях не было того, что я сейчас собираюсь сделать. Я осматривал дом, в который должен был переезжать, и вдруг мне в голову пришла одна мысль, и я решил. В то же воскресенье вечером я начал поиски будущей жены, а к вечеру понедельника дело было сделано. В следующую субботу утром я женюсь на Бесси Мэддерн, кузине Минни Мэддерн Фиск... Я остепенюсь и смогу больше времени посвящать работе. У человека в конце концов только одна жизнь, и почему бы не прожить ее как следует? К тому же сердце у меня впечатлительное, и теперь я стану чище и здоровее благодаря неизбежным ограничениям, которые помешают мне плыть по воле волн. Я уверен, Вы понимаете, что я имею в виду».

Письмо кончалось словами: «На свадьбе гостей не будет». Чармиан, приходившаяся племянницей миссис Эймс, утверждала, что тетка сразу же осудила то, что Джек называл «благоразумным и продуманным браком». Разумеется, ни благоразумия, ни продуманности не было и в помине. Мысль о женитьбе была импульсивна и сопровождалась оговорками и оправданиями, такими же наивными, как и уверенность Джека в том, что благодаря браку он станет «чище и здоровее». Фред Джейкобс, за которого Бесс собиралась замуж, умер совсем недавно, в феврале его тело привезли в Окленд. Бесс, по-видимому, дала понять Джеку, что не может так быстро менять свои чувства. Но и он в свою очередь

объявил, что о страсти говорить не приходится. В 1911 году он писал ей: «Помнишь, когда я сделал тебе предложение, а ты приняла его, я тебе сразу же сказал, что не люблю тебя. Тем не менее ты приняла мое предложение».

Его более раннее письмо к Джонсу многое объясняет. Он жаждал, чтобы все видели, как он живет придуманной и осуществленной им жизнью — окруженный друзьями обоего пола, гостеприимный и щедрый, хорошо одетый. Ему также очень хотелось иметь детей. Переезд в новый дом № 1130 по Пятнадцатой Восточной улице обеспечил ему, так сказать, необходимые декорации. Двухэтажный дом состоял из семи комнат. При доме был небольшой садик. В своем будущем кабинете Джек сразу установил книжные полки, в большой комнате с эркером он намеревался принимать друзей. Но не хватало хозяйки, которая придала бы жилью домашний уют и родила бы Джеку детей. Для этой роли он и выбрал Бесс — так же, как после собеседования принимают на службу нового сотрудника, — и попросил ее немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

Бедняжка Бесс! В ее душевном состоянии после гибели Фреда ей оставалось только принять это предложение. Но если бы Джек научился обуздывать себя в домашней обстановке, брак мог бы оказаться удачным. По-видимому, Бесс разделяла мечты, которыми делился когда-то с Джеком ее покойный жених: «...перед моим взором картина, которую часто рисовал Фред. Уютный скромный коттедж, пара слуг, избранный кружок друзей, а самое главное — аккуратная маленькая женушка и парочка наших миниатюрных подобий... Ровное пламя в камине, дети, задремавшие в обнимку на полу перед тем, как отправиться в кровать, некая смутная связь между огнем, моей женой и мной; обеспеченное, хотя скучноватое и монотонное будущее; легко удовлетворяемая жажда мелкий наслаждений цивилизованной жизни, которые должны принадлежать и принадлежат мне» (письмо к Мейбл Эпплгарт, рождество 1898 года).

Пытаясь воплотить в жизнь образы, рожденные воображением, Джек не присмотрел места тем страстям, о которых он писал Джонсу. Его обуревали желания, и он вовсе не собирался обуздывать их. «Я так хочу», — говорил он, и это служило оправданием чему угодно. Должно быть, он надеялся, что женитьба на Бесс несколько утихомирит его, что брак уберезет от сердеч-

ных увлечений, именно таков смысл его простодушного замечания, что он «станет чище и здоровее». К тому же Бесс отнюдь не была темпераментной женщиной. В одном из писем 1911 года (ярожном, полном обвинений письме, где шла речь о денежных делах) он упрекал ее: «Ты страдаешь от того, что считаешь сексуальной травмой. Ты винишь в ней меня, ни на мгновение не допуская мысли, что причиной может быть твоя собственная сексуальная недостаточность».

В свете его женитьбы кажутся загадкой отношения Джека с Анной Струнковой. Их познакомили осенью 1899 года на одной из лекций Остина Льюиса. Анна, семнадцатилетняя еврейка из России, была очень красива и очень умна. Она училась в Стэнфордском университете; дом ее родителей в Сан-Франциско славился гостеприимством и интересом к искусству. Описывая первую встречу с Джеком, она вспоминала: «Я почувствовала себя удивительно счастливой. Я словно встретила молодого Лассаля, Карла Маркса или Байрона». К концу года они уже регулярно переписывались. Анна состояла в Социалистической рабочей партии и мечтала об осуществлении общественных и личных идеалов. Впоследствии сложилось мнение, что ее красота, постоянно воспламенявшая сердца, помешала развитию ее способностей. Как до своей свадьбы, так и после Джек был явно в нее влюблен, и она отвечала ему взаимностью.

Анна справедливо называла их дружбу «бурной», чувствовала в отношениях элемент «борьбы полов», но прекрасно видела то, что лежало в основе: «Эти различия были не чем иным, как здоровым проявлением нашей незрелости, жажды абсолютной истины, правды и справедливости, а может быть — обычным проявлением равенства мужчины и женщины в глобальных вопросах бытия?» Со временем она, как и многие другие, стала более серьезно и критически оценивать поведение Джека. Но проблема была не в ее отношении к нему, а в его — к ней. Его письма к ней нежны и ласковы; некоторые начинаются «Дорогая, дорогая Ты», другие полны вздохов и восклицаний. Они обсуждали природу любви в «Письмах Кемптона и Уэйса». Именно Анну обвинили в том, что он расстался с Бесс.

Правду Джек не открыл даже Чармиан. Она подозревала, что Анна была одной из причин его решения жениться на Бесс, и высказала предположение, что он

умышленно выбрал менее требовательную в интеллектуальном отношении женщину, так как в основе его планов на будущее лежал твердо установленный распорядок литературной работы. Но трудно поверить, что Джек был способен на подобную жертву. Если строить догадки, то напрашивается ответ: Анна отказала ему, возможно, потому, что считала себя слишком молодой и не собиралась выходить замуж в ближайшие годы; но ее отказ был облечен в такую форму, которая не повредила их дальнейшей дружбе. Правда, из письма к ней, написанного в июле 1900 года, видно, что в их отношениях произошла некая заминка. Оно начиналось: «Товарищи!» — и продолжалось так: «Корабль, спускаемый на воду, устремляется к морю; спусковые полозья скрипят и стонут под его тяжестью; но ни море, ни корабль не слышат их; так и мы, вторгшись в жизнь друг друга, не затронули «я», истинного «я» друг друга. Товарищи! Ау, мир навсегда!»

6. НА КРАЮ БЕЗДНЫ

«Сын Волка» завоевал успех в одночасье. Джека Лондона сравнивали с Кипплингом и называли «прирожденным рассказчиком». «Атлантик мансли» писал: «Книга воспитывает в читателе глубокую веру в мужество нашей расы». Она расходилась хорошо, хотя и без особой сенсации; доброжелательное отношение критики сделало Джека желанным гостем в литературных журналах.

В конце мая «Макклюрс» купил у Джека два рассказа. Он сотрудничал в сан-францисском журнале «Икзэминер» и в других изданиях, работал не меньше, чем прежде, и продолжал советоваться с Джонсом; но вышедшая книга разожгла его честолюбие. Он предложил «Макклюрс» замысел романа, который журнал мог бы печатать с продолжением, и спросил, не дадут ли ему аванс, если одобрят идею. Издатель согласился и выплачивал Джеку сто двадцать пять долларов в месяц, пока тот писал «Дочь снегов».

Первоначально Джек обещал уложиться в пять месяцев, но по разным причинам не успел. Одна из них — совместная с Анной работа над «Письмами Кемптона и Уэйса», Джек не только писал свою часть и читал написанное ею, но и постоянно встречался и перепи-

сывался со своим соавтором. К тому же его все чаще приглашали выступать перед социалистами и писать для них статьи. Да и сам роман подвигался мучительно трудно. Почти с самого начала его терзали дурные предчувствия и опасения. В декабре «Космополитэн», видя, какой интерес вызвало эссе Джека о конкуренции, предложил ему годовой контракт на все его произведения. Джек отказался, но прежде написал в «Макклюрс», чтобы узнать, собираются ли они платить ему дальше. В начале 1901 года, когда «Дочь снегов» близилась к завершению, Джек сообщил Джонсу: «Ну вот, я почти кончил роман, и он неудачен. Это говорится не в приступе хандры, но в спокойном убеждении». И далее: «Закончу рукопись дней через десять, а пока что — Н. Х. (ничего хорошего). Но я знаю, что еще напишу настоящий роман». Его дурные предчувствия оправдались. Издатель был чрезвычайно разочарован. Он принял и опубликовал цикл рассказов о Клондайке, чтобы читатели не отвыкли от имени Джека, но отказался от «Дочери снегов», считая ее неудачной. Летом он прекратил ежемесячные платежи и отклонил другие рассказы, которые Джек предложил. Ему пришлось обратиться к журналам и газетам, платившим всего десять-двадцать долларов за рассказы и рецензии.

Издатель «Макклюрс» решил, что Джек исписался. И действительно, за довольно короткий промежуток времени он сделал очень много, освоив большой жизненный материал. Но он очень устал и по горло был сыт Аляской. Однако за всем этим стояла еще более серьезная проблема, преследовавшая его всю жизнь, — деньги. Деньги уплывали из рук быстрее, чем он их зарабатывал. Его тошнило при виде письменного стола. Джек заставлял себя писать полторы тысячи слов в день, работа редко доставляла ему удовольствие. Он содержал нескольких человек и помогал многим. По его словам, в январе 1901 года он дал Флоре тридцать долларов и оплатил старые счета еще на тридцать шесть, заплатил за «маму Дженни» проценты по закладной и просроченные налоги; помогал приятелю-калке и Джиму Уайтекеру, который имел большую семью и к тому же пытал счастья на литературном поприще.

Но кроме всего этого, была Бесс, ожидавшая первого ребенка, и он сам. Джек был готов платить за всех подряд: это входило в созданный им образ. Он легко взваливал на себя любые обязательства и долги, даже

хвастаясь этим и только ища путей, чтобы получать все большие и большие гонорары. Флора, Джонни Миллер и его мать водворились в собственный коттедж, а Джек и Бесс за два года трижды переезжали, каждый раз в более просторный и уважаемый дом. Жили они на широкую ногу; по средам радушно принимали друзей, которым под конец застолья Джек обычно читал вслух отрывки из новых произведений. Он был видным членом «клуба Рёскина» — так называлась группа интеллектуалов, созданная Фредериком Бамфордом. Раз в месяц члены клуба встречались на обеде, за которым следовала лекция какой-нибудь радикальной знаменитости.

Рождение ребенка было для Джека катастрофическим разочарованием, хотя он и пытался сделать вид, что счастлив. Он страстно мечтал о сыне и в конце концов убедил себя в том, что родится именно мальчик. За девять дней до родов жены он писал Анне: «Ну, Анна, либо пан, либо пропал. Не желаю хныкающего, слабого потомства. Оно должно быть сильным и здоровым. Иначе придется расплачиваться. Или ей, или мне; одной или другому». Родилась девочка, ей было суждено стать замечательной женщиной, но ее появление сокрушило гордые мечты Джека: если бы у него родился крепкий, здоровый сын, они бы вместе горы своротили! Его самолюбие страдало и от других ударов. После того как «Макклюрс» резко отказал ему, Джеку пришлось писать статьи и репортажи для сан-францисского «Икзэминер», и журналист, скрывавшийся под псевдонимом «Йорик», высмеял его заметки как образец «желтой прессы». Человек, прежде пользовавшийся щедростью Джека, теперь был демонстративно груб с ним в компании друзей.

Новый подъем начался в конце 1901 года. Издательство «Макмиллан» выразило желание напечатать его и спрашивало, что он может предложить из готовых вещей. Лондон урывками писал «Детей Мороза», цикл индейских рассказов на материале наблюдений, вывезенных с Клондайка. Джек послал готовый сборник в издательство, одновременно поинтересовавшись, не заплатят ли ему аванс. Договор был подписан, и началось долгое сотрудничество Джека с издательством «Макмиллан», опубликовавшим почти все его последующие книги. Продолжительность этого сотрудничества объяснялась в первую очередь тем пониманием и

сочувствием, с каким относился к Джеку глава фирмы Джордж Бретт.

Но удача как будто не слишком обрадовала его. Возможно, он полагал, что просто нашел новый, более выгодный рынок для сбыта историй о Ледяном Севере; быть может, прошлые неудачи научили его осмотрительности. «Макклюрс» не вернул ему рукопись «Дочери снегов», так как она стала его собственностью. В 1902 году журнал продал рукопись издателю Дж. Б. Липпинкотту, и Джек за вычетом аванса получил всего 165 долларов. «Дочь снегов» увидела свет в октябре 1902 года — тогда же, когда и «Дети Мороза», и роман для мальчишек, который Джек отдал в «Сенчури компани». Он все еще писал «Письма Кемптона и Уэйса» вместе с Анной и пригласил ее пожить у него дома, чтобы удобнее было работать. Она согласилась, но через несколько дней уехала, почувствовав враждебность Бесс. Джек писал Клодсли Джонсу: «Боюсь, запью, если в ближайшее время не случится чего-нибудь чрезвычайного».

21 июля пришла телеграмма из «Эмерикэн пресс эссошиэйшн» с предложением отправиться в Южную Африку. Англо-бурская война только что закончилась, и Джек должен был написать серию статей, освещавших послевоенное положение. Он телеграфировал о согласии и на следующий день отправился в путь. Всего лишь десять дней назад он мрачно смотрел на мир, твердя: «Сказать по-правде, лучше бы я никогда не знал, что такое книга. Надо же быть таким дураком». А сейчас он мчался экспрессом по просторам Америки, несомненно вспоминая прежние путешествия под вагонами и в «слепых» багажных. В Нью-Йорке он сделал остановку, чтобы повидать Бретта и поговорить с ним о будущих книгах. Во время разговора Джек мимоходом заметил, что надо бы задержаться в Англии. Ему хотелось походить по лондонским трущобам и поискать материал для новых произведений.

Бретт пришел в восторг и настоятельно рекомендовал Джеку осуществить это намерение. Джек должен был поселиться в Ист-Энде, опять стать бродягой или безработным, чтобы на собственном опыте узнать, какова жизнь в трущобах. Он пробыл в Нью-Йорке до 30 июля и отправился в Европу на «Маджестик». Лондон уже видел себя в роли любознательного наблюдателя нравов и писал Анне: «Через неделю я буду в

Лондоне. Там у меня всего два дня на приготовления, а потом я исчезну с глаз долой, чтобы наблюдать коронацию как рядовой представитель лондонского мира животных, ибо они и есть животные, но, наверное, как в обитателях нью-йоркских трущоб, в них тлеет искра божья.

Я знакомлюсь с сильными мира сего в пульмановских вагонах, нью-йоркских клубах, в курительных атлантического лайнера, и, по правде говоря, их полнейшее невежество и непонимание происходящего заставляло меня с большей надеждой смотреть на будущее нашего общего дела. Они пребывают в счастливом неведении, не догадываясь о грядущем перевороте, и все больше и больше ожесточаются против рабочих. Растущая мощь рабочих раздражает их, но они по-прежнему пребывают во тьме».

О каких приготовлениях он говорит? «Люди бездны» начинаются с рассказа о визите в американское посольство и в агентство Кука, куда Джек обратился за помощью, желая осмотреть Ист-Энд, затем рассказывается о поездке в кебе по этому району; затем — без объяснения, как он туда попал, — о посещении дома полицейского в штатском, который, очевидно, знал о миссии Джека и нашел ему жилье. Джек уклончив по двум причинам. Во-первых, он хотел начать книгу выигрышным зачином — самому нырнуть в водоворот куда эффективнее, нежели быть подведенным к нему заботливыми друзьями. Другая причина — люди, которые ему помогали. С Ист-Эндом его знакомили члены Социал-демократической федерации, английской марксистской организации. Когда книга была готова, его стали одолевать сомнения в возможности ее опубликования, и он решил (возможно, по совету Бретта) положить в основу свидетельство очевидца, не оскверненное, как могли бы сказать недоброжелатели, политическими соображениями.

Несомненно, связующим звеном служила Анна. В конце 1900 года в их переписке упоминается имя Г. М. Гайндмана, руководителя Социал-демократической федерации; тот с похвалой отзывался о произведениях Джека в письме к Анне. Несколько членов Социал-демократической федерации знали о приезде Джека, но хранили на этот счет молчание. Одним из его спутников был Эрнест Хантер, позже работавший корреспондентом «Дейли гералд», другим — Эдвард Фер-

бразер. Они познакомили его с правительственными и медицинскими отчетами о положении бедняков и условиях жизни в трущобах, на которые он ссылался в книге. В «Людах бездны» он отмечает, как резко менялось отношение к нему, когда он надевал лохмотья, и что в подобном виде он едва ли получил бы доступ к тем книгам и документам, которые были ему нужны. Жил он на Флауэр-энд-Дин-стрит, где пятнадцать лет тому назад орудовал Джек Потрошитель. Облачаясь в убогую, поношенную одежду, купленную в Степни, он выдавал себя за матроса. Спал он в ночлежках («Я прошу прощения у своего тела за ту грязь, через которую я его протасил, и у своего желудка за всю гадость, которую я в него толкал»); он наблюдал шествие во время коронации Эдуарда VII, работал на сборе хмеля, бродил по улицам днем и ночью. Он писал Джорджу и Кэрри Стерлингам: «Я читал о нищете и кое-чего навиделся, но это зрелище превосходит все, что я способен был вообразить». Из письма к Анне: «Я чувствую себя больным в этой преисподней, именуемой Ист-Эндом и населенной живыми людьми». Более всего ужаснуло Джека физическое состояние этих несчастных. Обитатели английских трущоб оказались вовсе не «зверями», которых он ожидал увидеть, перед ним были чуть живые от голода жалкие пародии на род человеческий.

Об этом писали и другие. К. Э. Монтегю в прекрасной и полной сочувствия книге о войне 1914—1918 годов под названием «Крушение иллюзий» констатировал: «...батальоны бледных, низкорослых, беззубых парней из горячих и сырых фабричных цехов Ланкашира; батальоны тупых, незрячих лиц... В отрядах из доминионов люди гораздо выше, крупнее, сильнее и увереннее в себе. Нервы у них покрепче, они лучше обучены, питают больший интерес к миру, быстрее находят средства для достижения цели, умеют отражать любые удары судьбы; они уже научились смотреть на солдат из метрополии взглядом, полным сострадания и любопытства, каким высшая, более счастливая каста смотрит на низшую». Таково было отношение самого Джека к тем, с кем он сталкивался. Кто-то (возможно, член Социал-демократической федерации) сказал ему, что весит 63,5 килограмма, и его комплекции все завидуют. «Мне стыдно было признаться, что мой вес 76,2 килограмма, и потому я промолчал. Бедное, искалеченное

создание!» А как-то раз он шел с двумя бродягами, которые по дороге подбирали с грязного тротуара корки и кожуру и поедали их, «и это между шестью и семью часами вечера двадцатого августа 1902 года от Рождества Христова, в сердце самой великой, богатой и могучей империи из всех существовавших на свете».

«Людей бездны» он завершил еще в Ист-Энде. Поездка в Южную Африку отпала, и он выслал рукопись в «Эмерикэн пресс эссошиэйшн». До отъезда в Америку он еще почти месяц путешествовал по Германии, Франции и Италии. Именно тогда он отправил Бесс несколько любовных писем — единственные за всю их совместную жизнь. Она опять была беременна, и Джек опять мечтал о сыне. Письма были нежны и искренни; Бесс тоже надеялась на лучшее будущее. Но в октябре родилась вторая девочка. Узнав об этом, Джек отправился домой. Его брак с Бесс был обречен.

«Пресс эссошиэйшн», расценив «Людей бездны» как документальный репортаж, предложила печатать рукопись журнальными выпусками. Джек же хотел передать книгу целиком издательству «Макмиллан». Он не возражал против переговоров с журналами — в конце концов серия репортажей была опубликована в радикальном ежемесячнике «Уилтшир» за весьма умеренный гонорар, — но он переработал книгу по имевшемуся у него экземпляру и отослал его Бретту для выпуска отдельным изданием. «Люди бездны» получились именно такими, как предполагал Бретт, и общественное мнение Америки было подготовлено к их восприятию. Но Бретт сознавал и ограниченность этого мнения. Предлагая подписать контракт, он посоветовал Джеку внести в текст ряд изменений с учетом требований «рынка». Об окончательном варианте Джек писал Бретту (16 февраля 1903 года): «Я целиком выбросил упоминания об английском монархе в главе о коронации, некоторые места смягчил и вообще сделал рукопись во многих смыслах более приемлемой, добавил предисловие и заключительную главу».

«Люди бездны» создали Джеку репутацию литератора, пишущего о рабочем классе. Несомненно, эта книга — самая искренняя у него и, вероятно, единственно искренняя до конца вещь. Это не любовная пропаганда, но она привлекает внимание к злу, что само по себе заставляет думать о переменах. Он жил так, как жили обитатели трущоб, испытал на себе и видел собствен-

ными глазами превратности и ужасы этой жизни. Впоследствии он вспоминал: «Из всех своих книг я больше всего люблю «Людей бездны». Ни одна не стоила мне столько душевных сил и слез, как это исследование экономической деградации бедняков». И Джек, и другие социалисты этого времени понимали, что жестоко эксплуатируемые массы должны восстать, подобно забитой французской массе XVIII века, которая «выползла из своих нор и логовищ, чтобы сокрушить угнетателей. Горе тиранам!»

Именно тогда социалистические убеждения Джека окончательно сформировались. В последующие два-три года он постепенно утрачивает веру в современный социализм. Немалую роль в этом сыграло то, что сами социалисты превозносили его как необыкновенного человека и знаменитость. Он начинал в Окленде «мальчишкой-социалистом», выпущенным на трибуну с определенной общественной целью; когда ему был двадцать один год, его арестовали за нарушение закона о собраниях, и это породило легенду о Лондоне — выдающемся ораторе. На самом деле Джек не мог произвести впечатление на слушателей, ибо голос у него был довольно слаб, и он больше ни разу не выступал под открытым небом. Все свои последующие лекции и речи он писал заранее и читал, некоторые из них, в том числе «Революция», представляют, скорее, эссе о социализме.

После того как он стал печататься на страницах «Оверленд мансли», в социалистических организациях Окленда и Сан-Франциско Джека провозгласили восходящей звездой. Его растущая писательская репутация служила средством привлечения людей на митинги и укрепления авторитета партии. Все это понятно, хотя подобная тактика в конечном счете таила в себе опасность; социалисты боролись за широкое массовое движение, использовали все, что могло привлечь людей. Но для Джека эта тактика была пагубной. Фактически он оказался вне критики, ему позволяли делать такие заявления, которые для других кончились бы выговором или же исключением из партии. Уловив суть лютого нового начинания, Джек немедленно ставил себя во главе его и начинал утверждать собственные законы. Теперь все его высказывания об обществе приобрели характер непогрешимой истины; он относился к несогласным как людям неумным и неглубоким.

Ко всему прочему, среди социалистов не существо-

вало единства взглядов. Одни порвали с Социалистической рабочей партией, чтобы вступить во вновь созданную Американскую социалистическую партию. Джек последовал их примеру, но характерно, что организационные споры, ставшие поводом для раскола, прошли мимо него — он был сам по себе. Взгляды социалистов колебались от христианского или этического радикализма до марксистского материализма, от реформизма до синдикализма. Случалось, на его лекции приходили люди, вовсе не интересовавшиеся социализмом — просто им было любопытно посмотреть на молодого писателя и поговорить с ним. Джек особенно упивался похвалами, когда они исходили от тех, кто стоял выше его на общественной лестнице. Один из свидетелей этого периода жизни Джека, писатель и переводчик, социалист Остин Льюис отмечал: «Искреннее восхищение честных людей, равно как и тонкая лесть искушенных, внесли свою лепту в состояние его духа».

Джек познакомился с социализмом «на дороге». Он немедленно соотнес эту теорию с теми социальными условиями, в которых рос. Его представления о социализме углублялись на оклендских митингах, в беседах и спорах в бревенчатых хижинах Клондайка. Как всегда, он с воодушевлением относился к тому, что почерпнул у Маркса и в разговорах об «обществе сотрудничества». Но наряду с социализмом он усваивал и другие учения с их собственными постулатами. Он не сравнивал их, не задумывался о противоречиях между ними; скорее, он рассматривал все теории как эманации ума корифеев, могущие сосуществовать. Вдобавок, читая, он усваивал любые идеи без разбора; часто его пленяли пустые, но громкие фразы.

Обильное цитирование и ссылки скрывали то обстоятельство, что он в общем-то плохо знал мыслителей, о которых рассуждал. Это не значит, что он обманывал слушавших его. Вначале он читал внимательно, усваивая все прочитанное; но жажда знания росла, времени не хватало, и он стал бегло просматривать книги, выхватывая отдельные места и полагая, что во всем разобрался. Несомненно, его успех на подготовительных курсах и зубрежка перед вступительными экзаменами в университет убедили его в том, что только так и надо учиться, но он всегда торопился, надеясь в одночасье овладеть предметом. У него была в высокой степени развита способность выделять главное, хранить

его в памяти и использовать, когда возникала необходимость. Но чтобы усвоить теории тех, кого он провозгласил своими учителями в области социальной философии — Маркса, Дарвина, Спенсера и Ницше, — такого умения не было достаточно. В этом легко убедиться, прочитав социальные и политические эссе Джека. Несмотря на звучные формулировки, его утверждения грешат непоследовательностью мысли, они эклектичны. Он усвоил начатки экономической теории Маркса и знал, что при капитализме рабочий класс производит прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистами; однако он не мог понять, как именно это происходит. Этой проблеме посвящено эссе «Вопрос о максимуме», написанное в 1898 году, неоднократно читавшееся как лекция и после переработки опубликованное в сборнике «Революция» и другие эссе». Здесь Джек довольно наивно предполагает, что вскоре наступит переломный момент, за которым последует переход либо к социализму, либо к господству «олигархии», существующей исключительно для того, чтобы поглощать прибавочную стоимость в непроизводительной сфере. (Идея эта повторяется в «Железной пяте».)

Самое известное сочинение Джека о социализме — эссе «Революция» — встретило восторженный прием, когда в 1905 году он впервые прочел его как лекцию в Калифорнийском университете. Однако часто цитируемое начало эссе — пример торжественной патетики, вообще характерной для политических выступлений Джека: «Я получил письмо из далекой Аризоны. Оно начинается словами «Дорогой товарищ». Оно кончается «Да здравствует революция!». Отвечая своему корреспонденту, я тоже начинаю свое письмо словами «Дорогой товарищ» и кончаю — «Да здравствует революция!». Четыреста тысяч американцев, около миллиона американцев и американок начинают в наши дни свои письма словами «Дорогой товарищ!» и кончают «Да здравствует революция!». Далее приводились цифры, которые, по мнению Джека, отражали рост социалистических рядов в Германии, Франции, Австрии, Бельгии, Италии, Англии, Швейцарии, Дании, Швеции, Голландии, Испании — «это все товарищи, революционеры». Большинство комментаторов — правда, задним числом — заметили, что Джек принял желаемое за действительное. Неверна и фраза «около миллиона американцев и американок». Вряд ли Джек действи-

тельно верил также, что женщин-революционерок значительно больше, чем мужчин. Подобная мысль наверняка рассмешила бы его самого, тем не менее он это утверждал. Но такое заявление попросту безосновательно, оно сделано ради красного словца.

Ни «Революция», ни «Железная пята» не объясняют природы социализма, не указывают пути его достижения. Это всего лишь одни славословия силы: «Вот наши руки! Это сильные руки! Настанет день, и мы отнимем у вас власть, ваши хоромы и комфорт...» Обвинения, выдвигаемые против капитализма, базирующиеся не на экономических и исторических теориях Маркса или теории эволюции Спенсера, они просто эмоциональное обличение: «Класс капиталистов, который в своей алчности и слепоте хватается все без разбора, лишь бы набить себе утробу, не только упустил данные ему возможности, но сделал все, чтобы их погубить. Его хозяйственные методы чудовищно расточительны». Только в эссе «Борьба классов» он говорит о целях революции и путях ее осуществления, но его формулировки заимствованы из политического заявления Американской социалистической партии.

Самое сильное в пропагандистских сочинениях Джека — это нападки на общественное зло в «Людах бездны», первые главы «Железной пяты», отдельные эссе и страницы автобиографических книг. Ему нравилось быть агрессивным, его опьяняло сознание силы своего красноречия. Проклятие штрейкбрехеру, приписываемое Джеку, нередко цитируется и сегодня: «После того, как бог сотворил гремучую змею, жабу и вампира, у него осталось еще немного дряни, из которой он смастерил скэба. Скэб — это двуногое животное с душой, подобной штопору, мозгами, похожими на болотную жижу, и позвоночником из студня и клея. Там, где у других сердце, у него опухоль из прогнивших принципов. Когда скэб выходит на улицу, люди поворачиваются к нему спиной, ангелы рыдают на небесах и сам сатана в ужасе захлопывает двери ада, чтобы скэб не проскочил в них. И нет для скэба другой справедливости, пока существует лужа с водой, достаточно глубокая, чтобы его утопить, или веревка, достаточно длинная, чтобы его вздернуть». Такая энергия выражения была в духе воинствующе настроенного, поднимавшегося рабочего движения в Америке — в ней звучали патетические лозунги армии Келли и инвективы «хобо»

из восточных штатов. В этом и заключалась разница между Джеком и другими писателями, которые именовали себя социалистами. Их критика общества не претупала границ благовоспитанности. Критика Джека была в лоб и потому нравилась издателям и читателям; она придавала особую сочность и жизненность его приключенческим рассказам.

Однако его критической манере, по существу, многого не доставало. Главная идея социалистической пропаганды была в разоблачении язв капитализма, но в этом разоблачении был анализ, который подводил к выводу о необходимости коренных перемен и указывал методы их достижения. У Джека такой анализ отсутствовал. Он рассказывал о том, что сам видел, отождествляя себя с эксплуатируемыми и бунтарями, не только объявляя себя пролетарием, но и открыто выражая презрение к официальной академической мудрости и «паркетной галантности высшего общества». Однако движущих сил общества он не понимал; за его мужественной, боевой образностью скрывается недостаточность эрудиции. Обожение, с которым относились к нему социалисты, и быстро завоеванная слава привели к тому, что он почувствовал себя пророком. Этой своей слабостью он бессознательно наделил идеализированный автобиографический образ — Эрнеста Эвергарда, героя «Железной пяты». В серии дискуссий, где Эвергард сокрушает противников кажущимся всезнанием, демонстрируется мощь его интеллекта, но на самом деле его противники — лишь статисты, которые подают реплики, необходимые Эвергарду для того, чтобы блеснуть красноречием.

Другим существенным элементом социальной философии Джека было его убеждение в расовом превосходстве англосаксов. Оно, вероятно, зародилось еще в детстве под влиянием снобизма Флоры; его могло заронить и юношеское чтение. Взросло оно, безусловно, на восхищении Кипплингом, но главную роль тут сыграла книга Бенджамина Кидда «Общественная эволюция». Почти забытая теперь, она представляла собой широко распространенное популярное изложение идей Герберта Спенсера; она была издана в 1894 году, и ее влияния оказалось достаточным, чтобы Артур М. Льюис сделал Кидда одним из «апостолов» своей книги «Десять слепых поводырей слепцов». Аргументация Кидда основывается на принципе выживания наиболее приспособ-

ленных в обществе. «Этот упорядоченный и прекрасный мир, который мы видим в о к р у г , — писал К и д д , — всегда был и является теперь полем непрекращающегося соперничества всех форм жизни, населяющих его , — соперничества, которое в основном идет не между разными видами, но между особями одних и тех же видов».

Кидд утверждал, что подобное соперничество — ключ к прогрессу. Он не принимал социализма, хотя считал его «истинным, правдивым учением, полным здравого смысла», поскольку социализм отвергал идею борьбы за существование. Интересы эксплуатируемого класса, по Кидду, должны подчиняться интересам расы; сильнейшими и высшими представителями ее являются англосаксы. Джек был глубоко потрясен. Возможно, его благоговение перед Спенсером — результат воздействия Кидда. Любопытно, что Джек почти не упоминает его имени, марксисты отвергали его как реакционера; в то же время Джек неоднократно использовал идеи Кидда — так, название эссе «Сжатие планеты», написанного в 1900 году, заимствовано из его сочинений.

В 1899 году Джек утверждал англосаксонское превосходство в нескольких письмах Клодсли Джонсу. Джонс, по-видимому, не со всем был согласен, поскольку Джек отвечал, привлекая на помощь абстрактную логику, которую он именовал «законом».

Все это звучит почти по Кидду, и подобное мировоззрение Джек сохранил до конца жизни. В год смерти он упрямо повторял корреспонденту, вызвавшему его на спор: «Обратитесь к истории человечества в прошлые века, и вы обнаружите, что мир всегда принадлежал людям чистой породы и никогда полукровкам. Я бросаю вам эти слова как вызов: изучайте историю рода человеческого. Помните, природа не позволяет существовать полукровкам, или, вернее, природа не допускает, чтобы они выживали... Подтверждение легко найти в любой книге. И покажите мне хоть одну расу, которая сохранила цивилизацию, культуру и творческую силу после того, как утратила чистоту».

Порой, в те краткие периоды, когда он оптимистически оценивал перспективы развития социализма, Лондон рассуждал иначе. В эссе «Революция» говорится, что социалистический дух товарищества «пересекает географические параллели и меридианы, преодолевает расовые предрассудки». Подобные туманные и велеречивые фразы, вероятно, свидетельствовали о добрых

намерениях, возникавших под влиянием радикального движения, но он всегда был убежден в том, что наследовать землю предназначено англосаксам. В 1904 году он написал статью «Желтая опасность» (которая без всяких оснований попала в сборник «Революция» и другие эссе), где вновь утверждалось моральное превосходство англосаксов: «Мы раса, стремящаяся к справедливости».

Однако нельзя не учитывать воздействия на Джека веяний времени. Проблема расовых отношений была тогда разработана весьма слабо. В «Десяти слепых поводырях слепцов» Артур Льюис заметил, что Кидд написал свою книгу до появления «Общей цели» Кропоткина и «Перемены» Де Фрие и что если бы он был знаком с этими книгами, то и взгляды его были бы иными...

Влияли на него и постоянные споры по поводу иммиграции в США. В начале второй половины XIX века поднялась волна нативизма¹, направленного сначала против ирландских католиков — «папистов», а затем против иммигрантов из Южной и Восточной Европы. Отсюда, кстати, проистекала расовая спесь Флоры Лондон. В Калифорнии с 1860 годов велись непрекращающиеся политические дискуссии вокруг проблемы китайской иммиграции. Их основа носила чисто экономический характер. Едва ли не ежедневно вспыхивали конфликты на расовой почве: китайцев-иммигрантов обвиняли во всех смертных грехах и нежелании ассимилироваться, однако в основе этих конфликтов лежала экономика.

Но Джека убеждала в правоте его суждений не только приверженность общим предрассудкам. Учение Кидда подтверждало сложившееся у него мнение о самом себе. Он был ребенком, который никогда не знал детства и не знал детской дружбы; он всего достигал сам. Вольный стрелок, он только добывал опыт, но никогда не делился им. В коллективе он держался обособленно, сначала как чужак, ищущий признания, а потом быстро оказывался вожаком. Во время странствий он требовал первенства как принадлежащего ему по праву и добивался его. Он работал больше и управлял судном искуснее, чем другие; он побивал студентов в их учеб-

---

¹ Нативизм — теория превосходства граждан, родившихся в стране, над иммигрантами. — *Прим. перев.*

ных «играх»; не уступал носильщикам-индейцам, когда нес тяжелую кладь по заснеженным северным горам.

Марксизм научил бы его пониманию взаимодействия между людьми и социальной средой, объяснил бы, что он, Джек Лондон, продукт своего времени. Но формулировка никак не удовлетворила бы его. Наоборот, она должна была бы подтверждать его принадлежность к правящему меньшинству, для которого создан мир. Парадоксально, но если отцом Джека действительно был Уильям Чейни, тогда он вряд ли англосакс. Но возможно, он и это обстоятельство сумел бы обратить себе на пользу — если он не принадлежит к высшей из привилегированных рас по крови, его приобщит к ней успех. Сосуществование подобных взглядов с социалистическими убеждениями всегда считалось невозможным. Однако их синтез и делал «социализм Джека Лондона» столь притягательным, а именно мощным призывом к действию и постоянным напоминанием о том, что он не признает тех, кто не восстает и не борется. По его мнению, на это способны лишь самые сильные. Они только и выживут в последней схватке с хозяевами общества. Таков был, по его мнению, закон жизни.

7. УСПЕХ И ЧАРМИАН

Пока Джек был в Европе, вышли три его книги: «Дочь снегов», «Дети Мороза» и «Путешествие на «Ослепительном». Их одновременная публикация стала своеобразным рекордом, она была свидетельством его трудолюбия. «Дочь снегов» приняли без особых восторгов, но репутация автора заставила критику быть сдержанной, хотя это был довольно слабый первый роман. «Путешествие на «Ослепительном» явилось откровенной литературной поделкой — легкое, развлекательное приключенческое чтение для мальчишек. Но «Дети Мороза» приобрели широкую известность. Эти рассказы оценили еще выше, чем сборник «Сын Волка». Джека уже не сравнивали с другими писателями. Теперь он сам мог поучить, «как писать рассказы», — «это право он завоевал», по словам одного из рецензентов.

Джордж Бретт обратил его внимание на разный уровень этих трех книг. Джек работал до изнеможения, стремясь поставить как можно больше продукции на

литературный рынок. Опубликованные книги вовсе не были новыми, он извлекал их из ящиков письменного стола, которые заполнял предшествующие три года. Джек уже почти исчерпал свой резерв и собирался опять засесть за работу. Бретт писал ему: «Надеюсь, в ваших будущих произведениях раскроются новые стороны вашего дарования, замеченного мною еще в самых ранних ваших вещах и не столь отчетливо проявившегося в вашей последней книге, на которой лежит отпечаток торопливости». Джек вроде бы соглашался с ним, но в длинном ответном письме заметил, что относится к писателям, работающим медленно: «Причина моей кажущейся плодовитости кроется в том, что я работал дни и ночи напролет, без передышки».

Макмиллан предложил ему финансовый договор, который положил бы конец этой вечной спешке и позволил бы работать во имя того «лучшего, на что способен человек», как выразился Бретт. Через две недели после возвращения в Калифорнию Джек послал ему доработанную рукопись «Писем Кемптона и Уэйса» и полный отчет о своем финансовом положении и ближайших планах. Он хотел покончить с Клондайком — главной темой его литературного ученичества. Он обдумывал план романа «Бегство герцогини» и сюжеты для морских рассказов, связанных с воспоминаниями о Рыбачьем патруле. За год Бретт должен был получить шесть книг, включая «Людей бездны». Лондон сделал Макмиллану встречное предложение: тот будет выплачивать ему ежемесячно 150 долларов, которых хватит на содержание семьи, а он посвятит себя «большой и значительной книге».

Издательство согласилось и удлинило срок работы над книгами до двух лет. Освобождение от литературной поденщины имело для Джека огромное значение. Его «ученичество» было чересчур бурным, долго работать в таком темпе он не смог бы, хотя соблазн был велик. Реально смотревший на вещи Бретт понимал, что Джека легко могут «перекупить» «Макклюрс», «Космополитэн» или другие журналы, выходившие огромными тиражами из-за сенсационных репортажей и разоблачений всякого рода, печатавшихся на их страницах. Теперь Джек получил возможность работать над «большой книгой». Он, конечно, надеялся и на гонорары от издания его произведений за границей. Лондонская фирма «Избистер и К⁰» приняла его книги к пуб-

ликация, но прогорела в самом начале 1904 года, и Джек получил от нее всего 10 фунтов.

«Письма Кемптона и Уэйса» увидели свет в мае 1903 года. Бретту книга не нравилась, видимо, он считал ее издание своего рода уступкой, на которую необходимо пойти ради будущих произведений. Лондон же утверждал, что у «Писем» есть хороший шанс на успех: «Сейчас мы больше времени, чем когда-либо, уделяем анализу наших эмоций. При нынешней склонности американской читающей публики к науке теоретизирование на любовную тему обязательно вызовет интерес». Опубликованная анонимно, книга была принята лучше, чем предполагал Бретт. Предсказание Джека сбылось: рецензенты нашли ее «необычной» и отвечающей пытливому духу времени. Журналист из Сан-Франциско, вероятно посещавший лекции о социализме, узнал характерную лексику Джека, его увлечение теорией эволюции, и ко времени второго издания имена авторов были уже известны.

Эта книга — роман в письмах. Она лишь в незначительной степени отражает реальную полемику между Анной Струнковой и Джеком. Объясняя появление «Писем» Джонсу, Джек писал: «Молодая русская еврейка из Фриско и я часто ссорились по поводу нашего понимания любви. Девушка эта гениальна. Она исповедует материализм в философии, а по натуре — идеалистка и вынуждена постоянно переиначивать все, что происходит во вселенной, чтобы хоть как-то преодолеть это противоречие. Итак, мы в конце концов решили, что единственный возможный способ ведения спора — переписка. А потом возникла мысль, не представляют ли эти письма интереса для печати».

В письме к Джонсу ничего больше не говорится об Анне, хотя Джек был знаком с ней уже год. Их конфликт возник не из противоположности мировоззрений, а из противоречивости взглядов самой Анны. Не будучи опытной полемисткой, Анна поставила себя в ложное положение. Она должна была утверждать, что материалистическая философия вовсе не исключает или не снижает значения эмоциональной жизни. Она же стала защищать романтическую любовь против «клинического» подхода к эмоции, который Джек считал неотъемлемым от материализма.

Ни один из них не был до конца убежден в своей правоте. В письмах Анны содержится красноречивое

оправдание сердца, живущего по собственным законам; письма Джека декларируют принцип победы сильнейшего и евгенику. Очевидно, таким образом он оправдывал свою женитьбу на Бесс. Однако когда он работал над «Письмами», его брак уже трещал по швам, и вскоре после завершения книги он писал Джонсу: «Мужчина иногда может жениться, руководствуясь философскими соображениями, но — женщине в этом случае приходится адски трудно». Однако не он, а Анна оказалась в центре внимания. Он был почти влюблен в нее, и длительные дискуссии о чувствах были своего рода рекогносцировкой. Кроме того, она «была гениальна». А это служило дополнительным источником для самоудовлетворения: признавая интеллектуальное и общественное превосходство других, он был уверен, что лучше их понимает истинные законы жизни.

Пока печатались «Письма» и «Люди бездны», он написал повесть о собаке, так как обещал Макмиллану еще одну книгу на тему о Клондайке, которая служила бы дополнением к рассказу «Ублюдок». В письмах к Анне и Бретту он замечал, что работа увлекла его и вместо предполагаемых 4000 слов получилось 42 000. Назвав повесть «Зов предков», он послал ее в журнал «Сатердей ивнинг пост» для публикации отдельными выпусками и Макмиллану для издания отдельной книгой. Ни ему, ни издателям заглавие не нравилось; все старались придумать что-нибудь повыразительнее. «Пост» предложил вернуться к названию «Волк». Даже Бретт, считавший повесть шедевром, не был уверен, что публика ее оценит. Рассказы о животных всегда пользовались популярностью, но от них требовалась сентиментальность — на книжном рынке господствовали рассказы Сетон-Томпсона и книги вроде «Черной красавицы». Бретт предложил ему 2000 долларов, Джек согласился. «Сатердей ивнинг пост» заплатил семьсот долларов. За месяц работы это казалось вполне достаточным вознаграждением, но общий тираж «Зова предков» превысил шесть миллионов экземпляров.

Это был действительно головокружительный успех. Первое издание тиражом в 10 000 разошлось в один день; рецензенты хвалили и умение выстроить увлекательный сюжет, и стиль произведения. Но «Зов предков» — нечто большее, чем захватывающее дух повествование; Джон Л. Харви писал о «глубоко скрытом

смысле и его художественном воплощении, открывающемся читателю, способному воспринимать не только развитие сюжета». Успехом «Зова предков» Джек отчасти был обязан перерыву, которым явилось его путешествие в Европу и который позволил ему взглянуть на Клондайк как бы со стороны. «Глубоко скрытый смысл» становится ясен, если воспринимать повесть как аллегорию человеческой жизни. Борьба за существование, свидетелем которой он в недавнем прошлом был в Окленде, была перенесена в полярный первобытный мир; в книге отражено движение Джека наверх: от нищенского прозябания до превосходства над другими, которого он достиг исключительно благодаря собственным усилиям.

Трудно сказать, стремился ли Джек к созданию аллегорического произведения в «Зове предков». Впоследствии он говорил, что это произошло помимо его воли: «Я вовсе этого не хотел». Вряд ли это действительно так, поскольку с той поры он как раз и начал разрабатывать данную тему применительно к человеку, что сказалось даже в названии романа — «Морской волк». Он считал «Зов предков» очень большой удачей. Та же судьба могла выпасть на долю любого другого его произведения. Джек отнесся спокойно к тому, что эта книга буквально стала золотой жилой для издателей. Он понимал, что Бретт рисковал и почти ничего не заработал на «Письмах Кемптона и Уэйса». Сам Лондон получил 2700 долларов, не считая регулярных поступлений от Макмиллана. Все деньги ушли на оплату срочных счетов и другие текущие расходы. Но Джек еще купил шлюп «Спрей» и отправился на нем в плаванье по заливу и рекам, не переставая работать.

В то лето, когда к Джеку пришел успех, брак его распался. Последний дом, где он поселился с Бесс в феврале 1902 года, находился в Пидмонте. Комнаты в доме были большие, он стоял на лесистом участке в пять акров, была еще «знаменитая веранда, длинная, широкая и прохладная», с видом на весь Сан-Францисский залив; имелся и отдельный коттедж для Флоры и Джонни Миллера. После публикации «Зова предков» Джек вновь стал гостеприимным хозяином: он принимал около ста человек в неделю; по средам — приемным дням — огромная гостиная была переполнена. Джек нанял двух служанок, приехала «мама Дженни», чтобы присматривать за девочками, но все равно такой

образ жизни не правился Бесс — она никак не могла к нему привыкнуть. У нее не хватало сил непрерывно угощать все новых и новых гостей, она не желала одеваться так, как нравилось Джеку, не принимала участия в болтовне и развлечениях. Она не могла понять, почему ему хочется быть окруженным толпой друзей, наперебой расхваливающих его. Она ревновала его к появлявшимся в доме женщинам, от чьего внимания он явно испытывал удовольствие.

Хотя позже Джек писал: «Она опасалась любой женщины... Ревновала к кому угодно... подозревала в с е х», — совершенно ясно, что у нее для этого имелись достаточные основания. После заключения своего нелепого, неразумного брака Джек, по собственному признанию, «вступил в связь с Анной Струнковой». Покидая Окленд, он жил по принципу «Я так хочу». В 1902 году во время путешествия через всю Америку для встречи с Бреттом, после которой Джек должен был ехать в Лондон, он познакомился в поезде с женщиной. «Позволь мне поведать о любовной истории, свидетельствующей о том, как легко я даю волю инстинктам, — писал он впоследствии Чармиан. — Помнишь, я отправился в Южную Африку. В том же вагоне ехала женщина с ребенком и горничной. Нас сразу потянуло друг к другу, и мы были вместе до самого Чикаго. В этой страсти было лишь физическое влечение, ничего больше... Через три дня и три ночи все прошло».

Упиваясь успехом, лестью, наслаждаясь возможностью сорить деньгами, Джек находил оправдание своему образу жизни в холодности Бесс и ее неспособности родить ему сына. Его «среды» становились все более шумными и разнузданными; шутки, развлечения и розыгрыши — все более грубыми; во время обедов на открытом воздухе девушки с визгом гонялись за Джеком по саду и швыряли в него фруктами и обливали водой. В письме, описывающем летние развлечения, Джек рассказывает об одном из обычных дневных приемов: «Воскресенье я помню очень хорошо. Большую часть времени, практически все время, пока присутствовал Джоакин, который пил без передыху, я дурачился с девчонками. Я вымазал мордашку Кейт вишнями и грязью, может, помнишь — это было нелегким делом, потому что она вздумала сопротивляться; Чармиан я облил водой с головы до ног, а потом Чарлт и Чармиан принялись дурачиться с пудреницей. Чарлт

зашвырнула ее в кусты, и мне пришлось попотеть, разыскивая ее там».

К вышеописанным развлечениям прибавлялись карты, запуск воздушных змеев, чтение стихов, игра на пианино и пение. Все это можно объяснить как стремление Джека вернуть детство, которого у него никогда не было, а также постоянной физической близостью с девушками, которых он почти презирал. Он признавался, что тем летом решил «намеренно и обдуманно погубить себя». Правда, работал он без устали; у него не было никакого творческого кризиса — кризис разразился в его семейной жизни, и он сам этому только способствовал.

В июне Бесс уехала с дочерьми на отдых в Глен-Эллен, в округ Сонома. Они поселились в одном из домиков, принадлежавших миссис Эймс из «Оверленд мансли». Джек собирался приехать к ним, но сначала хотел совершить небольшую прогулку на «Спрее» под предлогом работы над «Морским волком», а на самом деле — «чтобы весело провести время с любой юбкой, какая подвернется». В качестве возможной партнерши он приглядел Чармиан Китредж: «Она была достаточно темпераментной и вполне подходила для моих нелегальных развлечений». Не успев еще ничего предпринять, Джек отправился в город с приятелями; по дороге экипаж потерял колесо, а Джек при падении ушиб колено. Чармиан приходила ухаживать за ним, они болтали и целовались. Происшествие воспрепятствовало плаванию, и он отправился в Глен-Эллен, но перед отъездом он написал Чармиан и встретился с нею: «Я все больше мечтаю о ней и все сильнее хочу, чтобы она стала моей возлюбленной», — признавался он тогда же в одном из писем.

Но он все еще колебался. Мечтая о Чармиан, он пригласил одну замужнюю даму попутешествовать на пароходе. Бесс не знала всех подробностей происходящего, но главное от нее не ускользнуло. Когда пришла телеграмма по поводу морского путешествия, она заставила Джека показать ее; она собрала кусочки одного порванного письма, отпечатанного на машинке, и поняла все, кроме того, что оно написано Чармиан. «Письма Кемптона и Уэйса» тоже очень ее расстроили; слишком большое место занимали в них пространные и красноречивые рассуждения о любви. Она спросила Джека, не полюбил ли он другую; нимало не задумы-

ваясь о том, какую боль он ей причиняет, Джек ответил утвердительно.

Развязка наступила в Глен-Эллен в конце июля. Они сидели у ручья, и Джек спросил Бесс, согласна ли она поселиться на ранчо в пустынном округе Южной Калифорнии, где он смог бы работать не отвлекаясь. Она согласилась. Через несколько часов он вошел в домик и объявил Бесс, что оставляет ее. Он не вдавался ни в какие подробности, а утром исчез. Бесс знала, что у Джека есть другие женщины, но все же была ошеломлена. Разговор о Южной Калифорнии, подобно его письмам из Европы, пробудил в ней надежды на новую жизнь. Она и не подозревала — на то была особая причина, — что Джек и Чармиан пишут друг другу еще более пылкие и нежные письма, не позволяющие сомневаться в характере их отношений.

Джек вернулся в Пидмонт, забрал свои вещи и перевез Флору и Джонни на квартиру в Окленд, а сам остался на «Спрее». Чармиан заботилась о Бесс, навещала и утешала ее. В сентябре она писала Джеку: «Вчера вечером заходила к Бесси. Она была мила со мной, так мила, что мне сделалось нехорошо. Приглашала приходить в любое время и оставаться сколько вздумается. Она вела себя так любезно и гостеприимно, что мне показалось, будто все неприятности и разрыв — только сон. Временами, когда я думаю об этом, меня охватывает ощущение собственной подлости, и тогда на выручку мне является рассудок, но все же... о, боже мой!» Более верным союзником Бесс неожиданно оказалась Флора. Она обижалась на нее, когда после свадьбы мать отодвинули на второй план и обращались с ней без достаточного уважения, хотя денег не жалели. Теперь Флора обвинила Джека в том, что он погубил семью, и осталась другом Бесс на всю жизнь.

Что можно сказать об этом? Подобно легкомысленным и жадным детям, Джек и Чармиан решили, что им должны давать все, чего они ни пожелают. Джека нельзя обвинить в бесчувственности — несомненно, он глубоко переживал происходящее. Его предложение уехать в Южную Калифорнию было последней попыткой удержаться от шага, на который его толкали инстинкты. Но ограниченность Бесс все больше раздражала его. После разрыва он не страдал от сильных угрызений совести и месяц спустя писал Джонсу: «Мне смешно при мысли о том, каким лицемером я был,

когда в Бунгало требовал от тебя запоздалых свадебных поздравлений, но поверь, я лицемерил и кривлялся, словно сидя на раскаленных углях».

Не успев разъехаться, супруги загорелись взаимной враждой. Джек писал Бесс длинные обвинительные письма и упрекал ее до самой смерти. Однако главной причиной катастрофы была необузданность желаний Джека, которую он в очередной раз и продемонстрировал. Никак не желавший ждать, он вынудил Бесс выйти за него замуж при таких обстоятельствах, которые фактически предрешали печальный финал. Джек был влюблен в Анну и не имел намерения от нее отказываться, то есть, как он сам писал, вовсе не собирался испытывать силу своей воли, «когда она сталкивается с желанием».

Он очень заботился о детях и тяжело переносил разлуку с ними. Несмотря на то что он был разочарован рождением девочек, отцовство все же много для него значило. Вскоре после разрыва он узнал, что Джоан заболела брюшным тифом. Он бросился домой и не отходил от постели ребенка, готовый на все, лишь бы она выздоровела; прошел даже слух о примирении супругов. Но едва Джоан поправилась, он ушел. Чтобы понять или судить Джека Лондона, надо помнить о его детстве — времени, когда он не знал ни ласки, ни привязанностей, ни тепла и надежности родительского дома. Он не только создавал фантастические миры для взрослых, порывая с любыми условностями, он легко добивался осуществления собственных фантазий. «Долг» означал для него исключительно материальную поддержку и необходимость работать. Он и теперь от них не отказывался. Он регулярно посылал Бесс деньги и оплачивал все ее счета. Его обязанности, как и в детские годы, состояли в том, чтобы, работая много и напряженно, кормить семью и обеспечивать ее будущее; никаких других форм ответственности он себе не представлял.

Чармиан Китредж выросла в совершенно иных условиях. В 1903 году ей исполнилось тридцать два года, она была старше Джека на пять лет. После смерти родителей она воспитывалась в Сан-Франциско у тетки, Нинетты Эймс, работая машинисткой и стенографисткой в бюро по найму моряков на торговый флот, и иногда печатала материалы для «Оверленд мансли». Она была дочерью нового поколения: способной, не

считавшейся с условностями, живой и мужественной. Судя по фотографиям, красотой она не отличалась, но была прекрасно сложена и одевалась так, чтобы продемонстрировать все достоинства фигуры самым явным образом. Она много читала, была отличной собеседницей, играла на рояле и ездила верхом; во время верхних прогулок по роще, окружавшей дом Лондонов, она регулярно заезжала к ним в гости. Почему Чармиан раньше не вышла замуж, непонятно. Некоторые биографы полагают, что ее речь была чуть более свободной, а смех чуть более громким, чем следовало, — отчего слишком многим бросалось в глаза ее желание подцепить себе мужа; мнение Джека о ней как о женщине, подходящей «для нелегальных развлечений», вполне подтверждает это предположение.

Они познакомились в 1900 году, когда он работал над рассказами для «Оверленд мансли». Он несколько раз видел Чармиан в доме Эймсов и назначил ей свидание в ту самую неделю, когда женился на Бесс Мэддерн. Ее имя упоминается в письме к Джонсу: «Познакомился с Чармиан Киттредж, очаровательной девушкой, пописывающей рецензии. У нее небольшая, но отличная библиотека, где я обнаружил все последние новинки, которых не найдешь в публичных библиотеках». После его свадьбы Чармиан отправилась в пятнадцатимесячное путешествие — сначала по восточным штатам, а потом по Европе; возвратившись, она стала частой гостьей в доме Лондонов и участницей их «сред». Чармиан была убеждена, что Джек ошибся в выборе жены. На эту мысль ее натолкнула миссис Эймс. Скрытная и предприимчивая женщина, она втайне планировала союз своей племянницы с Джеком. Когда он написал ей о своем внезапном решении жениться, она сочла этот брак роковой ошибкой. По-видимому, она не переставала наблюдать за развитием событий, готовая в нужный момент вмешаться, и относилась к Джеку как к своему протеже. Под ее влиянием Чармиан, испытывавшая сильное влечение к Джеку, всегда была готова уступить его домогательствам.

Когда выяснилось, что Чармиан — любовница Джека, большинство его друзей ее осудили. Ее порицали и принижали всю жизнь: осуждение Чармиан красной нитью проходит через книгу «Моряк в седле». Неприязнь не уменьшилась и после того, как она опубликовала их любовную переписку. Этот смелый шаг оказал-

ся ошибочным. Письма, в которых каждый старался перещеголять другого в витиеватости и пылкости, свойственных языку влюбленных, только убеждали читателя, что Джека Лондона, трезвого реалиста, совра­тили с пути истинного. Несомненно, Чармиан и Джек по­ступили нечестно и вероломно, но возможно, не будь Чармиан, появилась бы другая женщина, которая вряд ли бы так преуспела в супружеской жизни с Джеком, как это удалось Чармиан.

С самого начала Чармиан строила их отношения на своей полнейшей покорности и уступчивости. В био­графии описан характерный случай, происшедший в то время, когда они ждали от Бесс согласия на развод. Джек, живший с Чармиан и ее теткой, находился в состоянии депрессии, которую назвал «затяжной бо­лезнью». Они уговаривали его покинуть «Спрей» и провести лето в Глен-Эллен, но он отказывался — покой сведет его с ума.

«Ну хорошо, — отступилась, лучезарно улыбаясь, — делай так, как считаешь нужным. И не будем больше говорить об этом».

Он вздрогнул, покраснел, обернулся и посмотрел на меня. Взяв меня за руку, он сказал тихо, изменившим­ся голосом, самый звук которого был красноречивее лю­бых слов: «Ты... ты... ты одна на миллион».

Чармиан выучилась играть в карты и управлять ко­раблем; она боксировала с Джеком, перепечатывала его произведения и читала корректуры. Она научилась, кроме того, применяться к его настроениям, терпеливо выслушивать его и не играть на пианино, пока ее не попросят. Он не дал ей материальной независимости, отказал в отдельном банковском счете и даже карман­ных деньгах, утверждая, что только он имеет право их тратить. Ей приходилось утаивать от него свои лич­ные заботы. После того как в 1910 году она родила вскоре умершего ребенка, ей довольно долго (два или три года) пришлось скрывать свое нездоровье, ибо он откровенно дал ей понять, что не испытывает сочув­ствия к женским недугам. Еще до свадьбы он ей писал: «Хочу сказать тебе нечто существенное для нашего об­щего и твоего благополучия. Я не думаю, что ты склон­на к истерии, но не вздумай когда-нибудь устраивать мне истерики».

Однако ей удалось добиться от него супружеской верности. Самое первое его письмо, написанное до раз-

рыва с Бесс, проливает свет на страстность и щедрость Чармиан, о которых до сих пор Джек только мечтал: «Будь ты робкой и трепетной, оскверни ты ложью тот образ, в котором явилась мне, прояви хоть малейшую наигранную стыдливость или напускную привередливость, я совершенно уверен, что почувствовал бы к тебе просто отвращение». В любовных письмах, которые он продолжал писать ей не один год, Джек подчеркивал ее физические достоинства — умение ездить верхом, плавать и ничего не бояться. В 1914 году он писал ей из Нью-Йорка о своем упоении «твоим любимым, прекрасным телом»; они называли друг друга «мой мужчина» и «моя женщина».

Он не просто требовал физического удовлетворения. Он в принципе отрицал иные взаимоотношения с женщиной, полагая, что его опыт «платонической» любви к Мейбл и обусловленной брачным договором привязанности к Бесс доказал фальшь подобных отношений. В 1910 году он писал одной читательнице, возражавшей против его трактовки отношений героя и героини в «Мартине Идене»: «Я не более вероломен по отношению к Мартину Идену, чем сама жизнь по отношению к множеству мужчин и женщин... На основании того, что я знаю о любви, я считаю, что настоящая, первая любовь пришла к Мартину, когда он влюбился в Руфь, и что далеко не он один, но бесчисленные миллионы мужчин и женщин были тем или иным образом обмануты в аналогичных обстоятельствах».

Он мог понять любовь как физическое влечение и в такой любви хранил верность. Когда же любовь принимала более сложные формы, требовала эмоционального подчинения чужой воле, он переставал ее понимать и объявлял сплошным обманом чувств.

С уходом от Бесс вновь стал ощущаться недостаток в деньгах. «Люди бездны» вышли в ноябре и получили всеобщую высокую оценку. Приехал Джонс и поселился вместе с Джеком на «Спрее», а Джек отправил Макмиллану первую половину «Морского волка». Бретт пришел от нее в восторг и связался с журналом «Сенчури», рекомендовав им напечатать всю вещь в нескольких номерах. «Сенчури» предложил ему четыре тысячи долларов — намного больше, чем он получил за «Зов предков», — а ведь финансовые условия отдельного издания еще не обсуждались. Однако именно сейчас его доходы были более чем скромными, практически все

посылалось Бесс. Джек занялся литературной поденщиной для «Юс компэньон» и других изданий, чтобы хоть немного подработать. За неделю до рождества на его счете лежало всего двадцать долларов.

Начавшаяся в 1904 году русско-японская война предоставила ему возможность сменить обстановку и заняться неплохо оплачиваемой журналистикой. Он проявил заинтересованность, и немедленно посыпались предложения: «Я мог стать корреспондентом «Харперс», «Колльерс» и «Нью-Йорк гералд», — писал он Джонсу, — но самое заманчивое предложение поступило от Херста». 7 января вместе с другими корреспондентами он отплыл из Сан-Франциско в Йокогаму. Его провожала «вся компания». «Морской волк» был завершен накануне последним усилием и отправлен в «Сенчури»; Чармиан и Джорджу Стерлингу он поручил читать корректуру. Через пять дней «компания» собралась вновь, на этот раз у Стерлинга, чтобы выпить за здоровье Джека по случаю его двадцативосьмилетия.

7 января произошло еще одно событие, о котором он ничего не знал. Бесс, убежденная в том, что у Джека есть другая, мучительно старалась понять или узнать, кто же ее соперница. Она делилась своими мыслями с Чармиан и Флорой и обратилась к Элизе Шепард за помощью. Элиза знала, что Джек доверяет ей. Она сказала, что пойдет на пароход с ним попрощаться, и обещала Бесс, что узнает, «кто эта женщина». Она узнала, а Джек, проплывавший через Золотые ворота навстречу новым приключениям, и не подозревал, что Бесс стало известно все.

8. ЛИЧНОЕ «Я»

На поприще военного корреспондента ему не сопутствовала удача. Морское путешествие обещало быть легким и приятным, но сначала Джек подхватил грипп, а потом так сильно подвернул ногу и растянул связки, что, когда приплыли в Йокогаму, он с трудом передвигался. Добравшись поездом до Токио, где корреспонденты проводили время в обществе чиновников, он быстро выяснил, что японское правительство не намерено пускать иностранных журналистов на передовую. Стремясь попасть в расположение войск, Джек совершил ряд бесплодных поездок по суше и морю. Он регулярно писал Чармиан и посылал теле-

граммы и фотографии Херсту. Он предполагал проникнуть на маньчжурский фронт через Корею, но поезда все время отменялись, и он по несколько раз переезжал из одного города в другой. В Моджи его приняли за шпиона, арестовали и конфисковали фотоаппарат. В конце концов он нанял джонку. Корейское побережье, его суровый ландшафт, который открывался взгляду, когда стихали снежные бури, описаны в «Звездном скитальце». В некоторых деревнях на побережье, куда причаливала джонка, впервые видели белого, особое любопытство вызывали его вставные зубы, которые ему приходилось вынимать и показывать по нескольку раз. Путешествие осложнялось сильными холодами, последствиями недолеченного гриппа и растяжения связок; английский журналист, встретивший Джека, говорил, что выглядел он ужасно.

В конце февраля Джек прибыл в Сеул. Война продолжалась уже две недели. Другие корреспонденты получили разрешение на проезд через Сеул, но относительно Джека власти не имели никаких указаний. Он нанял двух лошадей, трех пони, японского переводчика, трех корейцев, которые должны были готовить еду и присматривать за лошадьми, и отправился к месту боевых действий. Через две недели он прибыл в Су-Ван — так далеко на север не забирался еще ни один журналист, — но его тут же отправили обратно. Он доехал только до Пхеньяна, когда японское командование потребовало, чтобы он вернулся в Сеул. По иронии судьбы, основной нажим исходил от группы журналистов, застрявших в Токио. Протестуя против задержки, они указывали, что некоторым корреспондентам разрешили выехать ближе к фронту; в ответ японцы приказали вернуть всех журналистов обратно.

Целый месяц Джек томился в отелях, а мимо его окон двигались колонны отправлявшихся на фронт солдат и запряженные быками скрипучие повозки с провиантом. В одежде завелись вши; неприязнь к чуждой расе росла. Вновь он пытался прорваться на север, но натолкнулся на японские штыки. Вместе с другими журналистами он был прикомандирован к Первой Колонне японской армии, но не имел разрешения следовать за ней. Он посылал гневные сообщения: «Сущая нелепица! Я выхожу из игры. Военный корреспондент так работать не может — японцы не дают нам увидеть войну». Облачившись в вечерний костюм, он читал от-

рывки из «Зова предков» в Христианской ассоциации молодежи в Сеуле. Апрель сменился маем, и Джек написал Херсту, что вернется в Америку, если тот не добьется для него возможности посетить расположение русских войск.

Но прежде чем его просьбу успели рассмотреть, произошел инцидент, после которого возвращение в Соединенные Штаты стало неизбежным. У каждого корреспондента были слуги, в том числе и грум. Мальчишки постоянно пререкались из-за фуража. В один из споров вмешался Джек; грум утверждал, что другой украл у него сено для лошади, Джек вспылил и набросился на похитителя с кулаками. Дело приняло серьезный оборот. Другие журналисты на всякий случай вооружились, но тут Джека арестовали и доставили к генералу Фудзи, начальнику штаба. Поговаривали о трибунале и смертной казни. Один из застрывших в Токио корреспондентов, писатель-очеркист Ричард Хардинг Дэвис, телеграфировал президенту Теодору Рузвельту. Джека освободили, но ему пришлось вернуться в Токио и немедленно покинуть Японию. Дэвис проводил его до Иокогамы и посадил на пароход...

Писательская слава Джека продолжала расти, а его личная жизнь все больше запутывалась. Он еще был на шлюпе, когда 30 июня 1904 года ему вручили бумаги, связанные с бракоразводным процессом, и уведомление об аресте его имущества и доходов. Он хотел, чтобы процесс начался как можно скорее; но, к его ужасу, соответчицей по делу о разводе была названа Анна Струнская. Хотя Бесс уже сообщили об отношениях Джека с Чармиан, она считала, что именно Анна разбила семью. Она не утверждала, что была нарушена супружеская верность, но полагала, что близость Джека с Анной — особенно их совместная работа над «Письмами Кемптона и Уэйса» — стала причиной его охлаждения к жене. Вся американская пресса широко освещала процесс. Анна уехала из Сан-Франциско еще до выхода «Писем» и жила теперь в Нью-Йорке; на вопросы репортеров она отвечала, что подобные утверждения «попросту вульгарны».

Джек писал Анне 4 июля, умоляя о прощении, и в то же время был озабочен тем, чтобы на процессе не упоминалось имя Чармиан. Она оставалась на востоке, опасаясь скандала. Джек отправился к Бесс для переговоров о денежной стороне дела, убеждал, что, если

они будут ссориться из-за денег тоже, выиграют лишь адвокаты. Он обещал построить для нее и детей дом в Пидмонте, а она в свою очередь согласилась назвать причиной развода прекращение супружеских отношений по инициативе мужа. Джек жил в коттедже Нинетты Эймс в Глен-Эллен, писал длинные письма Чармиан, уговаривал ее приехать к нему и плавал на «Спрее».

Появился еще один сборник рассказов о Клондайке, «Вера в человека», и вскоре был переиздан. «Морской волк» имел шумный успех в журнальном варианте, и, когда Макмиллан готовил отдельное издание, у него уже было 20 000 заказов. Несмотря на слабость и переутомление — его замучила экзема на нервной почве, и он снова подхватил грипп, — Джек продолжал работать, ощущая все большую потребность в деньгах. Он написал «Игру», повесть о профессиональном боксере, и работал над пьесой по мотивам рассказа «Женское презрение». Деньги, полученные от «Сенчури» и от Херста, ушли на покупку земли и строительство дома для Бесс. По его просьбе Бретт увеличил ежемесячные выплаты до 250 долларов; часть их шла Бесс и детям, непрерывно поступали счета от адвокатов, а его желание жить широко и принимать друзей не уменьшилось. Он написал Бретту, предлагая переиздать свои ранние произведения, и вкратце рассказал о литературных замыслах.

«Морской волк» произвел сенсацию. В нем в полной мере проявилось реалистическое мастерство Джека, его умение сочетать брутальный приключенческий сюжет с глубиной темы. Волк Ларсен стал одним из самых необычных героев художественной литературы — ницшеанский сверхчеловек, пробивающий себе путь в жизни с помощью грубой физической силы, но склонный к философствованию и любящий поэзию. Ему противопоставлены двое влюбленных, воплощающих разумное начало, отвергаемое им. Драматический эффект был еще сильнее и ярче, нежели в «Докторе Джекиле и мистере Хайде» Стивенсона или в диккенсовском «Эдвине Друде», — столкновение двух начал в душе человека. Привлекало и то, что в книге популярно излагались и растолковывались философские идеи и терминология. Миллионы людей с восторгом внимали самооправданиям Ларсена: «Лучше царить в преисподней, чем быть рабом на небесах» и «Право — в силе».

Впоследствии Джек настаивал, что смысл «Морского волка» глубже, что в нем он пытался скорее развенчать индивидуализм, чем наоборот. В 1915 году он писал Мэри Остин: «Очень давно, в начале моей писательской карьеры, я оспорил Ницше и его идею сверхчеловека. Этому посвящен «Морской волк». Множество людей прочитало его, но никто не понял заключенных в повести нападок на философию превосходства сверхчеловека. Затем, не говоря уже о других, более коротких моих сочинениях, я написал еще роман, опровергающий эту идею, а именно «Мартина Идена». И опять никто не понял, на что я напал».

По этому высказыванию можно более верно судить о Джеке. Дело в том, что, приступая к работе над «Морским волком», он еще не знал Ницше. По свидетельству Чармиан, он впервые прочитал «Так говорил Заратустра» и «Генеалогия морали», когда она перепечатывала пьесу «Женское презрение»; он принялся восторженно расхваливать Ницше, и они прочли и обсудили его другие работы. Знакомство с ними могло произойти в середине или в конце 1904 года, через некоторое время после завершения «Морского волка». До этого ему приходилось слышать, как цитировали Ницше Строн-Гамильтон и другие, и он использовал такие выражения, как «белокурая бестия», «сверхчеловек», «жить в опасности», когда работал.

Думается, Джек не отрицал индивидуализма; напротив, в период написания и выхода в свет «Морского волка» он отстаивал свободу воли и убеждение в превосходстве англосаксонской расы активнее, чем когда-либо раньше. Но ницшеанство здесь служит как бы фоном, на котором он подает Волка Ларсена: оно вызывает интересные споры, но не является главной темой. Ларсен мог стать таким, каков он есть, и без всякого книжного влияния; и в самом деле, в повести есть второстепенная фигура его брата, Смерть Ларсена, в котором «не меньше зверского, чем во мне, но он едва умеет читать и писать» и «никогда не философствует о жизни».

Но споры — спорами, а личное начало в герое представляет собой чистую фантазию. Волк Ларсен вовсе не аморален и не столь отталкивающий, каким мог быть реальный человек. Он неизменно вызывает читательскую симпатию и погибает скорее как трагический герой, чем как негодяй, заслуживающий наказания.

В этом смысле никаких «нападков» на индивидуализм нет и в помине. Есть гипотетический образ индивидуалиста, помещенный Джеком в исключительные, драматические обстоятельства, но это не дает никаких оснований говорить о его собственных противоречивых убеждениях. Та же проблема возникает при чтении «Мятежа на „Эльсиноре"», написанного в начале 1913 года. Эта, в сущности, чисто приключенческая вещь содержит гораздо больше сознательного нищезанятия, чем «Морской волк». Джек наткнулся на рукопись под названием «Хамелеон»: книга о моих обличьях» Бенджамина Де Кассереса и какое-то время находился под его влиянием. Он послал рукопись Джорджу Бретту с припиской: «Вот воистину американский Ницше. Я, как вам известно, нахожусь в лагере, где придерживаются противоположных убеждений. Однако никто из моих соперников не задел меня так, как Ницше и Де Кассерес».

Ярким характером Ларсена искушается один недостаток, присущий «Морскому волку». Большинство критиков считает, что побочная любовная линия Хэмфри Ван-Вейдена и Мод Брустер слаба и неубедительна до абсурда. Недаром Эмброс Бирс писал: «Признаюсь, я испытываю непреодолимое отвращение к этим бесполом существам». Но эти слова надо было адресовать скорее «Сенчури», чем Джеку. Издание считалось благопристойным журналом для семейного чтения; редактор Р. У. Джиллер, пришедший в восторг от первой части «Морского волка», заметил, что по авторскому плану предполагалось забросить влюбленную пару на необитаемый остров. Гонорар в четыре тысячи долларов давал журналу право на изменения и переделки. Джек писал по этому поводу: «Я позволил ему вымарать все, что он сочтет нужным... Я совершенно уверен, что американские ханжи не будут шокированы второй частью книги». Хотя влюбленные с самого начала были весьма благовоспитанны, автору дали понять, что они и впредь должны быть образцом добродетели.

Повесть «Игра» была следствием одного из его увлечений того времени, он полюбил бокс и неизменно присутствовал на встречах в спортивном клубе Западного Окленда. Однако эта тема не слишком окупалась; любопытно, что в Англии на долю повести выпал больший успех. Тогда же он написал и несколько рассказов о боксе. Однажды ему не удалось достать билет на ме-

сто у самого ринга, и Фред Гудселл из «Окленд гералд» дал ему пропуск в ложу прессы. Несколько месяцев он писал для «Гералд» краткие отчеты о встречах за право сидеть в первом ряду на каждом матче. Позже ему поручили комментировать чемпионат мира по боксу для херстовских газет.

Джек всегда бурно реагировал на все, чему был непосредственным свидетелем. Его взгляды и декларации легко приносились в жертву минутному импульсу. В январе 1905 года он вновь со свойственной ему пылкостью начал выступать с лекциями о социализме. Одной из причин стал большой и неожиданный успех кандидатов Социалистической партии на посты президента и вице-президента — Дебса и Хэнфорда — на выборах 1904 года — за них было подано почти полмиллиона голосов. В одной только Калифорнии за социалистов проголосовало 35 000 человек, в то время как на выборах 1900 года — всего 7575. Другой причиной были волнения, начавшиеся в России. Все, что Джек говорил по возвращении из Японии, было забыто. В интервью для «Сан-Франциско икзэминер» он сказал, что и японские, и русские социалисты равно его товарищи: «Для нас, социалистов, не существует национальных, расовых и государственных границ».

В январе 1905 года, за два дня до «кровавого воскресенья», он выступил с лекцией «Революция» в университете Беркли. Через несколько дней он поставил свою подпись рядом с именами других радикалов на воззвании, призывающем к сбору средств для русских революционеров. На одной из лекций, выступая перед группой бизнесменов, он с энтузиазмом заявил, что люди, убивающие царских чиновников, — его братья. В другом выступлении он процитировал слова Уильяма Ллойда Гаррисона «К черту Конституцию» из его речи 1856 года, клеймющей рабство. Немало людей цитировало их, но Джек привлекал такое внимание, что газетные заголовки приписали слова ему, из-за чего Оклендский колледж отказался от его лекции. В марте он баллотировался в мэры Окленда, но получил только 981 голос. В апреле наконец увидела свет «Борьба классов», в течение последующих семи месяцев ее трижды переиздавали.

«Борьба классов» была послана Макмиллану еще в 1903 году. Это был сборник лекций и статей, по поводу которых у Бретта имелись сомнения; в апреле 1904 года

Джек написал ему из Кореи, прося пересмотреть решение «о нецелесообразности выпускать их отдельной книгой в ближайшее время». Первоначальное название сборника было «Соль земли». Рукопись была переработана и вышла под другим названием, причем незамедлительно, из-за явного интереса читателей к социализму и широкой известности Джека. Несомненно, время для публикации было выбрано очень удачно. После лекции Джека в Беркли Эптон Синклер и другие предложили образовать Межуниверситетское Социалистическое общество. Социалистическая партия США пользовалась все более широкой поддержкой, тогда же была основана и создававшаяся как пролетарская организация «Индустриальные Рабочие Мира», целью которой стало объединение огромных масс неквалифицированных рабочих под боевыми знаменами социализма. Особенность положения Джека заключалась в том, что он был не только революционером, произносящим зажигательные речи, но и писателем, которого рабочие читали. Его произведения распространялись брошюрами по пяти центов за экземпляр. На повседневном языке американцев того времени выражение «Джек Лондон, социалист» означало человека, ведущего беспощадную классовую борьбу.

Чармиан наконец вернулась из Айовы и поселилась у тетки в Глен-Эллен. Они с Джеком решили скрывать свои отношения до окончания бракоразводного процесса. Миссис Эймс говорила, что он приезжает в Глен-Эллен вместе с Маньюнги отдохнуть от забот и дел. Они продолжали переписываться. Чармиан посещала его лекции и собрания, на которых он выступал. Она приготовилась к долгому ожиданию и порой не знала, чем занят Джек, когда они не вместе. Газетчики присматривались к нему с интересом, его предполагаемые отношения с самыми разными женщинами широко обсуждались. В феврале 1905 года он иронически писал Бретту: «Не получил Вашего поздравления по случаю помолвки с Бланш Бейтс. Откуда подобная холодность и невнимательность?»

Письмо Чармиан объясняет, чего она опасалась: «Потрясение, испытанное мной в тот вечер, когда я слушала твою лекцию «Скэб», навело меня на размышления. Я заметила, как ты искал ее взглядом, когда закончил выступление; заметила, как ты помахал ей, как она смутилась и отступила, неуверенная в себе. Огонек

твоей сигареты осветил вашу встречу, и я поняла, что вчерашний вечер вы провели вместе». В письме чувствуется напускная беззаботность, но на сердце у нее было тяжело: «Ты всего лишь мальчишка, мой милый Мужчина, и я вижу тебя насквозь». Она и Нинетта Эймс пытались уговорить его пожить и поработать в Глен-Эллен, но Джек отказывался, беспокойство сменялось у него равнодушием, он и сам не знал, чем заняться. Поворот произошел в начале марта. Джек путешествовал на «Спрее» по рекам, какое-то время его сопровождал Клодсли Джонс. Джек обнаружил у себя опухоль. Она оказалась незлокачественной, но беспокоила его уже довольно давно, и ее следовало удалить как можно скорее. Записана его фраза, сказанная после операции: «Интересно, как сильно повлияла проклятая опухоль, истощавшая мой организм, на мое умственное состояние».

Хотя приступы хандры, случавшиеся у Джека на протяжении всей жизни, объяснялись психологическими причинами и злоупотреблением алкоголем, именно опухоль была причиной временного упадка сил. Избавившись от нее, веселый и жизнерадостный, он приехал в Глен-Эллен и наслаждался красотой сельской природы. Он получил 350 долларов из «Черной кошки» за рассказ и попросил Чармиан купить ему лошадь. После долгих поисков она выбрала ему великолепного золотисто-гнедого жеребца по кличке Уошо Бан и сама проскакала на нем двадцать две мили от Сан-Франциско. Они много ездили верхом по лесам в окрестностях горы Сонома. Его заворожило название Лунная Долина, он знакомился с туристами, отдохавшими в этих местах, купался вместе с ними и принимал участие в их играх.

Отсюда открывался прекрасный вид: холмистая местность, поросшая соснами, секвойями и калифорнийскими мамонтовыми деревьями, среди лесов располагались расчищенные фермерами участки. Узнав, что часть земли продается, Джек загорелся желанием ее купить. Чармиан отвезла его туда, показала окрестности и всячески старалась укрепить его в этом намерении: покупка участка была для нее жизненно важной.

Они начали строить планы. Они найдут человека, сведущего в сельском хозяйстве, и построят сказочный дом. За участок в сто тридцать акров просили 7000 долларов, и Джек согласился купить лошадей, коров и фермер-

ский инвентарь у прежнего владельца еще за 700 долларов. Он написал Бретту, прося выслать ему 10 000 долларов в счет будущих поступлений за «Морского волка» — сумму, которую он должен был получить лишь несколько месяцев спустя.

Бретт согласился, но с неудовольствием. Он предупреждал о риске, с которым связано владение землей, «не важно, сколь прекрасной и плодородной» (это относилось к лирическому тону письма Джека о каньонах и мамонтовых деревьях Сономы). Бретт понимал, что Джек — писатель, который может заработать большие деньги, но всегда будет жить не по средствам. Прошло лишь несколько месяцев, как он выдал ему аванс в 3000 долларов для погашения долгов. Он настоял на том, чтобы с этого последнего и самого крупного аванса Джек выплачивал проценты, предложил составить в конце года новый договор, повысив ежемесячные выплаты до 300 долларов, и установить новые проценты авторских отчислений. Он, наверное, совсем пал духом, когда в постскриптуме следующего письма от Джека прочел: «Между прочим, у меня возник еще один грандиозный замысел».

Уплатив за ранчо, Джек остался буквально без гроша. От Макмиллана в течение длительного времени не ожидалось никаких поступлений. Постоянно возникали все новые обязательства. В письме, датированном началом октября, упоминаются страховые взносы в 700 и 800 долларов, ежемесячное содержание Бесс и матери, счета от докторов, пользовавшихся его родственников, «...и так далее, и так далее, и так далее». Свою собственную склонность к роскоши и новизне он считал само собой разумеющейся и никогда ни в чем себе не отказывал; незадолго до покупки ранчо он просил у Бретта еще аванс — на покупку автомобиля, однако больше об этом не заговаривал. Репортеру «Икзэминер» Джек как-то сказал: «Я постоянно в долгах», Маньютинг говорил, что у Джека деньги текут как вода.

Джек откровенно рассказывал о своих заботах в письмах к друзьям. Он как будто и не волновался нисколько в отличие от других, попавших в подобное же положение: в известной степени долги служили мерилom того, сколь многого он достиг. Возражение у него вызывали только деловые отношения с Бесс, а впоследствии с Джоан; возражения эти направлены против них лично — он говорил, что они причиняют ему всевозможные

неприятности, включая финансовые. Во всем остальном он руководствовался поговоркой «Как нажито, так и прожито». За свою короткую писательскую жизнь он заработал более миллиона долларов, и практически каждый из них, прежде чем попасть к нему, становился предметом обсуждения. По-видимому, Чармиан приняла этот стиль жизни, поддерживая самые его сумасбродные затеи; после смерти Джека она защищала деловые качества мужа и обвиняла осуждавших его, говоря, что «они робки и лишены его размаха».

В поисках быстрых денег и помня об успехе «Зова предков», он задумал еще один рассказ о собаке. «Вместо одичания или вырождения я собираюсь показать процесс развития и влияние на собаку цивилизации — одомашнивание животного, воспитание в нем преданности, любви, твердых принципов поведения и прочих достоинств и добродетелей». Речь идет о «Белом клыке». Уверенный в успехе, Джек написал его за два месяца; право печатать книгу с продолжением, до выхода у Макмиллана отдельного издания, было продано журналу «Аутинг» за 7400 долларов. В ожидании денег Джек договорился на осень о лекционном турне по Среднему Западу и Востоку под эгидой «Слейтон Лисеум бюро». Сообщение о разводе еще не пришло. Чармиан отправилась погостить к тетке в Ньютон, штат Айова, и готовила приданое, чтобы все было под рукой, когда Джек ее позовет.

Лекционное турне началось бурно. Джек оправдывал свою известность и репутацию. Перед слушателями был молодой, красивый и мужественный искатель приключений, охваченный жадой общественных реформ и наделенный несравненным даром слова; он ошеломлял. Джек рассказывал о том, как был «хобо», путешествовал по Клондайку, плывал матросом, был военным корреспондентом, рассказывал и о своем захватывающем восхождении к литературной славе. В отличие от прошлых публичных выступлений Джек говорил без заготовленного текста, а мягкий голос и застенчивая манера держаться только усиливали впечатление необычайно романтической личности. Один из журналистов писал: «Его принимают, словно он кумир модных утренних спектаклей. Однако он лишен тщеславия кумиров». Он также выступал с лекциями о социализме — эта право он заранее себе оговорил.

18 сентября, на четвертой неделе лекционного турне,

он получил телеграмму из Калифорнии. Развод состоялся — он был свободен. Джек немедленно телеграфировал Чармиан. Он находился в Элирии, штат Огайо, и собирался отправиться в Висконсин. Путь его лежал через Чикаго — Чармиан должна была встретить его там следующим вечером. Теперь можно было пожениться. Она приехала, но выяснилось, что у Джека нет брачной лицензии; было воскресенье, и бюро регистрации не работало. Они металась в наемном экипаже по Чикаго в поисках чиновника, который мог бы зарегистрировать брак. Недоумевали, почему он не может подождать до утра, но Джек стоял на своем. В конце концов они все же убедили клерка отправиться в муниципалитет, открыть офис и составить брачную лицензию, после чего молодоженов отправили к нотариусу Дж. Дж. Гранту, который в девять вечера в собственном доме зарегистрировал их брак.

Газеты сразу же набросились на Джека. В нем порождало отсутствие всякой предусмотрительности. Он сообщил корреспондентам херстовских газет, что они вскоре узнают некоторые подробности его личной жизни, и пообещал им исключительное право публикации, но согласился дать интервью только корреспонденту «Чикаго Эмерикэн» и выставил всех остальных репортеров — те ответили язвительными осуждающими замечаниями о его предосудительном, аморальном поведении. Во вторник утром газетные заголовки утверждали, что его брак с Чармиан, согласно недавно принятым законам штата Иллинойс, недействителен. Судья выступил с опровержением, однако неодобрительное отношение к поспешной женитьбе на следующий день после развода сохранилось и даже усилилось из-за резкой реакции Джека. Теперь он продолжал турне вместе с Чармиан, но отношение к нему явно переменялось. Провинциальная газета в Айове отозвалась о Чармиан как о «некрасивой девице из Калифорнии» и выразила пожелание, чтобы они отправились в морское путешествие и утонули.

Более серьезным осложнением было то, что женские клубы отменили намеченные лекции, а в нескольких городах его книги изъяли из публичных библиотек; радикальная пресса, его товарищи осудили Джека. Голословные обвинения в безнравственности рикошетом ударили и по ним, враги подняли крик, что социализм означает половую распущенность и угрозу семье. Это было не-

кстати, так как именно сейчас радикалы старались склонить общественное мнение на свою сторону; они заявили, что не несут ответственности за поведение Лондона и не одобряют его поступков. Тут они и припомнили страсть Джека к роскоши — например, его поездки в пульмановских вагонах в сопровождении слуги. Его обвинили в том, что он задержал развитие социализма в США по меньшей мере на пять лет. Престиж Джека в глазах читателей и сторонников определенно упал. Три года спустя он писал «о резком падении спроса на его книги в Штатах», приписывая это частично тяжелым временам, а отчасти — своим социалистическим взглядам; на самом деле причиной была реакция на его второй брак.

Продолжалось турне более скромно, чем начиналось. Из Бостона они отправились во Флориду с заездом на острова Вест-Индии, затем вернулись обратно, и Джек выступил перед переполненными аудиториями в Нью-Йорке, в Йельском и Чикагском университетах. Он читал лекцию «Революция», которая везде пользовалась неизменным успехом, но тон газет оставался недружелюбен; его называли «неврастеником» и «социалистом — любителем сенсаций». А вот что о Лондоне вспоминал Эптон Синклер, встретившийся с ним тогда в Нью-Йорке. Как главный организатор Межуниверситетского Социалистического общества Синклер присутствовал на митинге и на следующий день обедал с Джеком, Чармиан и редактором журнала «Уилтшир» в ресторане Муэн. Потом он писал в «Чаше безумия», что Джек стал много пить: «Веки у него воспалились, в лице и речи его были все признаки алкоголизма, которые я научился распознавать. Он непрерывно пил во время обеда и последовавшей за ним беседы.

Мой отказ составить ему компанию он счел вызовом, хотя и не рассердился. Однако, оглядываясь назад с моими теперешними познаниями в психологии, я понимаю, какая борьба шла в его подсознании. Он решил раздражить меня, живописуя свои удивительные пьяные дебоши».

Рассказы биографов об алкоголизме Джека целиком основаны на книге «Джон Ячменное Зерно». Чармиан в своей книге пишет, что никогда не видела его навеселе. Она неоднократно упоминает о том, что он пил, но, по ее словам, алкоголь «превращал его и так необыкновенно живой ум в сверхъестественно активный». Синк-

лер считал, что Джек всю жизнь страдал алкоголизмом. Действительно, трудно поверить, что веселые вечеринки в пидмонтском доме обходились без изрядного количества спиртного. Более того, некоторые из «компаний» Джека, в частности Джордж Стерлинг, были горькие пьяницы. Несомненно, суждение Синклера близко к истине, а Чармиан скрывает правду: безрассудные поступки Джека, депрессия, вспышки гнева, равно как и его плохое здоровье, во многом объясняются именно алкоголизмом.

Он успел прочесть еще две-три лекции, после чего турне отменил. Чувствуя себя «жалким и больным», он вернулся в Окленд вместе с Чармиан, купил дом Флоре, Джонни и «маме Дженни», после чего супруги отправились в Глен-Эллен. Там они поселились во флигеле Уэйк-Робин Лодж, дома миссис Эймс. Присматривая за строительными работами на своем ранчо, Джек умудрился написать ряд статей и рассказов для журналов и подготовил сборник для Макмиллана.

Несмотря на беспокойное начало, 1906 год стал для Лондона годом величайшего творческого подъема. Он писал, потому что ему нужны были деньги — быстрые деньги от журналов, — не говоря уже о необходимости создать задел, под который у Бретта можно попросить аванс. Он охотился за сюжетами и темами, обещавшими дать ходовой товар. Рассказы «Любовь к жизни» и «Неожиданное», а также «До Адама» навлекли на него обвинения в плагиате. Побывав вместе с Чармиан в Сан-Франциско после землетрясения 1906 года, он сказал, что никакая сила не заставит его об этом писать, но, когда «Кольерс» предложил ему по двадцать пенсов за слово, он изменил своему решению.

Все, что Джек сделал за эти три месяца, отличалось высоким качеством. Перемены в жизни — женитьба, новый дом, покупка ранчо, — по-видимому, вдохнули в него дополнительную энергию. Каково бы ни было происхождение «Любви к жизни», это захватывающее и великолепно написанное произведение. «Отступник» — еще один шедевр. Кроме рассказов, он написал и живую, прошедшую цензуру Херста рецензию на роман Эптона Синклера «Джунгли» — «Хижина дяди Тома» капиталистического рабства». И незадолго до конца года завершил книгу, которая одна могла прославить его навсегда, — «Железную пяду».

9. ПЕРЕЛОМ: «ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА»

Переезд в Глен-Эллен ознаменовал перемены во многих отношениях. Надежды Джека на социалистическое будущее улетучились столь же быстро, как и возникли. За успехами Американской Социалистической партии на выборах 1904 года ничего не последовало — они лишь отразили недовольство пугающим ростом большого бизнеса. Свою знаменитую лекцию Джек завершал словами: «Революция здесь! Попробуйте остановить ее!» Теперь он понимал тщету своих надежд, другие же его убеждения, напротив, окрепли. Именно тогда между Джеком и его товарищами по партии стали все чаще возникать взаимные обиды. Они его критиковали, а он не любил, когда с ним спорят; Джек стал говорить о растраченных впустую усилиях и о том, что мог бы создать за это время. Он писал Стерлингу: «Полагаю, что делал и продолжаю делать достаточно много для Революции. Думаю, одни мои лекции перед социалистическими организациями принесли делу не одну сотню долларов, а мои чувства, оскорбленные нападками буржуазной прессы на мою личную жизнь, стоят не дешевле... Усилия, затраченные мною в течение года на поддержку дела социализма, принесли бы мне кучу денег, если бы я употребил это время на создание произведений для рынка». Конечно, и речи не было о разрыве с Социалистической партией, он продолжал оказывать ей материальную поддержку. Однако по всем признакам круг его друзей менялся и становился обычным для преуспевающего писателя — социалисты занимали в нем уже незначительное место; к этому они с Чармиан стремились вполне сознательно.

Произошли перемены и в отношениях с прежде близкими людьми. Многие друзья не одобряли его романа с Чармиан, в особенности то, что они скрывали свои отношения. Осенью 1905 года Джек написал два пространных и сердитых письма Керри Стерлинг, которая упрекала его от имени общих знакомых. Уже несколько недель, писал он, до меня доходят слухи, что «компания» исключила Чармиан, поскольку та разбила мою семью. «Компанию» фактически больше не существовало, однако осуждающе-пренебрежительное отношение к Чармиан осталось у бывших друзей на всю жизнь. К тому же всегдашняя уверенность Джека в своей правоте стала почти маниакальной. По этой причине те друзья,

которых Джек всегда уважал, отошли от него. Джордж Спид, с которым он познакомился еще в армии Келли и который больше всех приближался к его идеалу пролетария, наделенного классовым сознанием и не идущего на компромиссы, жил в Сан-Франциско; Джек ценил его, но никогда не был с ним дружен. Точно так же он предпочитал держаться в стороне от Остина Льюиса и Джейн Роулстон. Эта незаурядная женщина выведена в «Железной пяте» под именем Анны Ройлстон, «Красной девы». Она и Льюис близко знали Джека в юности и многое в нем не одобряли, ни тот, ни другая не могли принять и его нынешних взглядов. Дружба с Эрнестом Антерманном сохранялась на условиях, по поводу которых Эрнест в конце концов выразил недовольство. Вот что об этом писал Джек: «...Ты жалеешь, что был беден, когда мы с тобой познакомились, и что твоя бедность с самого начала поставила тебя в невыгодное положение для истинной дружбы. Теперь тебе кажется, будто Чармиан боится, как бы ты не стал злоупотреблять моей щедростью, ведь это случалось прежде».

Чармиан вспоминает некоторых гостей, посещавших Глен-Эллен в 1906 году. Это в основном художники, литераторы, люди свободных профессий; некоторые из них, например Джордж Уортон Джеймс и профессор Блэнд, опубликовали дружеские заметки о Лондонах. Джек нередко посещал клуб «Богема» в Сан-Франциско, членом которого был, как Джордж Стерлинг и Джимми Хоппер. Несомненно, Стерлинг был самым близким его другом. Отношения их были очень эмоциональными и несколько странными. Стерлинг, один из многочисленных второстепенных поэтов Залива, был несколькими годами старше Джека. Они познакомились в 1900 году, их дружба продолжалась, когда Джек жил в Пидмонте, но особенно укрепилась по возвращении Лондона из Японии в 1904 году. Стерлинг именовал его «Волк», быть может, Джек сам его просил об этом — письма того периода Клодсли Джонсу тоже подписаны «Волк», Джек называл Стерлинга «Грек», намекая на греческий профиль поэта.

Переписка их содержит явные выражения симпатии. Письма Джека начинаются обращениями «Дражайший Грек» или «Благословенный Грек». Быть может, эти обращения за годы дружбы превратились в привычку, но они, очевидно, имели особый смысл в 1905-м. Одно из

писем Джека заканчивается так: «Нет, боюсь, что мечта была слишком ослепительной, чтобы исполниться, — наше существование рядом друг с другом. Если ты сейчас этого не понимаешь, рано или поздно поймешь. Тут нет ни твоей, ни моей вины. Так устроены мир и его обитатели». Можно усмотреть в этом своего рода интеллектуальную позу, подражание английским эстетам. Стерлинг вел богемный образ жизни. Когда-то ему прочили духовное звание; он уклонился от него и теперь легко преступал общественные и моральные условности. Оба понимали чего хотят: «Джек тогда страстно желал обрести «Друга-Мужчину».

Не менее важное влияние на жизнь Джека в те дни оказывала тетка Чармиан миссис Эймс. «Оверленд мансли» прекратил существование: она и Эдвард Пейн занимались строительством Уэйк-Робин Лодж и коттеджей, которые сдавались внаем. Нинетта всегда поощряла сближение Джека и Чармиан и всячески покровительствовала им. Ей пришлось на ум поселить молодых супругов по соседству и заполучить знаменитого молодого человека себе в зятя *de facto*. Она во все вмешивалась и всеми командовала. За две недели до свадьбы Джек писал Чармиан из Нью-Йорка: «Что имеет в виду тетушка Нетта, сообщая, что «каждое ее мгновение» принадлежит Джеку? Непонятно. Пересылать мне почту — да. Беречь мою одежду от мышей — да. Но что еще?» Однако вскоре он согласился с ее ролью домоправительницы и смирился с тем, что она сама себя назначила на должность его секретаря. Ему пришлось терпеть общество и друга миссис Эймс, Пейна. В прошлом тот был проповедником, отдал дань и спиритизму; не сомневаясь, что он шарлатан, Джек именовал его «метафизиком». Нинетта тоже проявляла интерес к спиритизму и часто втягивала Джека в дискуссии. Пейн, по-видимому, надеялся превратить Джека в своего адепта, но тот взбунтовался.

В 1906 году у Джека возник еще один замысел, свидетельствующий о намерении переменить привычные занятия и окружение. В тот трудный год Джек с головой ушел в работу по строительству «Снарка», яхты, на которой он и Чармиан предполагали совершить кругосветное путешествие. Идея родилась в Глен-Эллен в прошлом году, когда они еще были взбудоражены покупкой ранчо. По их словам, эта мысль возникла благодаря книге Джошуа Слокума, описывавшей его трехлетнее

путешествие, и встретила горячую поддержку Роско Эймса, шестидесятилетнего мужа Нинетты, любителя-яхтсмена и искателя приключений. Они решили заняться этим, когда будет построен дом и жизнь на ранчо войдет в колею — быть может, через четыре или пять лет. Однако не в его характере было ждать, и через несколько дней они с Чармиан решили немедленно приступить к осуществлению своего плана. Он писал: «Главное — я так хочу. Именно это лежит в основе философии и пронизывает всю сущность жизни. Когда философия скучно вешает индивидууму, как ему должно поступать, он немедленно отвечает: «А я так хочу» и поступает противоположным образом, и тогда философия меркнет. «Я так хочу» заставляет пьяницу пить, а мученика носить власяницу... Часто философия не что иное, как способ объяснения человеком его личного „я так хочу"».

Нетрудно было купить обычную морскую яхту, но он хотел чего-то необыкновенного. Джек прочел все, что имелось по судостроению и моторам, и сделал Роско ответственным за осуществление плана, повелев ему: «Денег не жалеть. На «Снарке» все должно быть превосходно». Первоначальная смета составляла 7000 долларов, в результате к моменту отплытия в апреле 1907 года «Снарк» стоил уже 30 000. Задержки в строительстве были связаны во многом с землетрясением и пожарами в Сан-Франциско. Фабрики, мастерские и склады были разрушены, а рабочей силы не хватало. Заказы приходилось отправлять в Нью-Йорк; часто целыми неделями ничего не делалось, а стоимость затеи неуклонно росла. Будущие матросы и плохо обученные рабочие получали жалованье. Приобретались ненужные материалы, а необходимых не было. Бесчисленные расходы породили слухи, что затея финансируется каким-то богатым журналом, и, едва речь заходила о «Снарке», цены взвинчивались.

Джек старался упорядочить дело. Он предполагал оплатить строительство за счет авансов от журналов, для которых собирался писать во время путешествия. Как только в феврале 1906 года они с Чармиан приняли решение, он написал в «Космополитэн», «Макклюрс», «Кольерс» и «Аутинг», предпослав письмам эффектный зачин: «Киль уже поставлен» (это произошло спустя четыре месяца). Далее шло описание будущей яхты и сообщался подробный маршрут кругосветного путешест-

вия. Напомнив о своей репутации рассказчика и журналиста, Джек излагал свое предложение и просил у каждого из редакторов аванс в три тысячи долларов. Журналы охотно пошли ему навстречу с условием, что материалы не будут дублировать друг друга. Бейли Миллард, редактор «Космополитэн», встретил идею с восторгом, но предложил, чтобы яхта называлась так же, как и журнал, а другие известные писатели во время путешествия вели бы с Джеком переписку. Постепенно Миллард стал сомневаться, что «Снарк» когда-либо выйдет в море; Джек слал ему желчные письма. За время подготовки к путешествию он перессорился и с другими редакторами: его основной довод «Я так хочу» терял свою убедительность.

К предполагаемой дате отплытия в октябре «Снарк» был еще далеко не готов. За восемь месяцев на него израсходовали 12 000 долларов. Седобородый Роско Эймс вносил беспорядок на каждом шагу и просто-напросто мешал. Он был уверен, что они отправятся в глубь земли, которая, по его словам, была поллой сферой. Джек отослал его домой, пожелав проштудировать учебники по навигации и переменить мнение. Заложив ранчо и дом Флоры, Джек нанял четырнадцать рабочих и платил им лишний доллар в день за скорость. Назначались новые даты отплытия — ноябрь, декабрь, январь. Теперь газеты высмеивали затею, а газетные вырезки, присланные из Англии, свидетельствовали, что и там ее не принимают всерьез. Газеты публиковали красноречивые заявления Джека о том, что «ни один выдающийся писатель» не совершал еще кругосветного путешествия; похоже, замечали газеты, что и он не станет исключением. Специалисты утверждали, что конструкция яхты неудачна и она затонет, не успев выйти из гавани. Друзья Джека заключали пари, как скоро это случится.

В гневе Джек решил отплыть в Гонолулу и там достроить яхту. Он взял еще 5000 долларов в банке, но они тут же были съедены непредвиденными расходами. Сначала обнаружилась течь, потом во время спуска «Снарк» зажалось между двумя баржами. Он был сильно помят, корма увязла в прибрежном иле, пришлось ждать прилива, тогда буксиры могли прийти на помощь. Попытались использовать лебедку, подключив ее к машине «Снарка», что сразу и выявило все дефекты — коробка передач смялась, а лебедку и машину разбило вдребезги. Снова началась работа. Наконец в

апреле, несмотря на течь и другие недоделки, решили отплыть. На Оклендском причале собралась толпа, многолюдно было и на палубе, но в последний момент появился судебный пристав с решением об аресте имущества. Оно запрещало «Снарку» выходить в море до тех пор, пока хозяин яхты не уплатит 232 доллара одному из кредиторов, вчинившему иск. Отплытие состоялось только через два дня.

Невзирая на все перипетии и новые «немыслимые и чудовищные» происшествия, которые затягивали сооружение «Снарка», Джек продолжал писать и строить планы, связанные с Глен-Эллен. Через месяц после отъезда из города он обратился к Бретту за очередным авансом — он уже получил 6000 и хотел еще пять. Он писал: «Понимаете, одновременно со строительством «Снарка» я строил и ранчо в Глен-Эллен. Я полностью уже оплатил отличный сарай и потратил тысячи долларов на фруктовый сад, виноградник, посадку деревьев, ограды и т. д.» Писал он без усталости, преимущественно по ночам: у них с Чармиан были разные спальни, поскольку он ночи напролет «читал, работал, курил и кашлял». Летом, когда на «Снарке» поставили киль, он приступил к работе над «Железной пятой». Это одна из его самых больших книг, и вряд ли она писалась легко; однако 13 декабря законченная рукопись была послана Макмиллану.

«Железную пяту» обычно воспринимают как пророческое произведение; по общему мнению, в ней изложены социалистические взгляды Джека Лондона. Сам Лондон отрицал ее пророческий характер. Чармиан, которая очень мало говорит о «Железной пяте», запомнила его слова: «Я никогда не был предсказателем судеб», но на экземпляре, подаренном ей, он пишет: «Быть может, мы и не увидим, как произойдет нечто подобное, но совершенно очевидно, что мы станем свидетелями каких-то значительных событий». В сопроводительном письме к Бретту говорилось: «Лично я полагаю, что с псевдонаучной точки зрения ситуация, изображенная в «Железной пяте», весьма правдоподобна».

Пророческим это произведение назвал Анатолий Франс в предисловии к первому французскому изданию 1924 года, после того как Муссолини захватил власть в Италии. Ясно, что и Франс, и некоторые другие, включая Оруэлла, усмотрели в «Железной пяте» предвидение грядущей фашизации Европы в 20—30-е годы...

Суждение, что «Железная пята» — классика социалистической литературы, основано на ее первой части, в которой антикапиталистические настроения выражены страстно и впечатляюще. Странников капиталистической системы разоблачает и развенчивает главный герой Эрнест Эвергард. Кульминацией этой части можно считать его речь перед представителями господствующих классов. Он подвергает их резкой критике, приводит в ярость и возглашает: «Власть — идол, которому вы поклоняетесь! Пусть будет так. Если в день, когда мы добьемся победы на выборах, вы откажетесь передать нам власть, завоеванную мирным конституционным путем, мы, повторяю, сумеем вам ответить. В грохоте снарядов, в визге картечи, в щелканье пулеметов вы услышите наш ответ»¹.

Эвергард изображен как герой, в котором идеально сочетаются физическая сила, образованность, предусмотрительность и храбрость. Это, по словам Джоан Лондон, «революционер, которым Джек мечтал бы стать, если бы у него, к несчастью, одновременно не было еще нескольких идеалов». В первых главах в немалой степени отразились собственные устремления Лондона. Противники Эвергарда в спорах — метафизики, бизнесмены, адвокаты — дают материал для уничтожающих ответов и разоблачений, которые у него всегда наготове. Автор завладевает вниманием читателей. Как писал Джордж Оруэлл, «это тип книги, состоящей из разговоров, в которых герой, выражающий авторскую точку зрения, одерживает верх, эти споры — явное средство взять реванш за те поражения, которые автору пришлось потерпеть в реальных беседах».

Споры ясно показывают путаницу в понятиях Джека о социализме. Его представление о социалистической экономике, о теории прибавочной стоимости даются в главе «Математическая непреложность мечты». Эвергард обещает своим слушателям: «Сперва я докажу вам, что капиталистическая система обречена на гибель, докажу с математической непреложностью». По мере развития спора обнаруживается и путаница во взглядах Лондона, проявляющаяся уже в «Вопросе о Максимуме». Сущность капиталистического производства и прибавочной стоимости объясняется просто и кратко; но что же происходит дальше? «Соединенные Штаты —

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 80.

капиталистическая страна с высокоразвитой промышленностью. При ее капиталистическом методе производства у нее постоянно остается избыток промышленных товаров, от которого ей необходимо избавиться путем вывоза их за границу. Но то, что верно относительно Соединенных Штатов, применимо и ко всякой другой стране с высокоразвитой промышленностью. Каждая такая страна имеет свой излишек товаров... А теперь, господа, прошу вашего внимания. Наша планета не безгранична. Существует лишь определенное число стран. Что же будет, когда и последняя, самая отсталая станет на ноги и включится в число стран, не знающих, куда девать свой избыточный продукт?»¹

Большинство произведений Маркса в 1906 году еще не было переведено на английский язык. Читателям был доступен только первый том «Капитала». Джек не мог знать сформулированного в третьем томе закона о тенденции к понижению нормы прибыли, на котором впоследствии было основано предсказание гибели капитализма. Аргументация Лондона относилась к периоду незрелости социалистического движения: кризисы возникают только от перепроизводства товаров.

Отталкиваясь от этого положения, Джек двинулся дальше, предлагая следующий выход: захват рабочим классом машин, производящих избыточный продукт, что откроет «новую и потрясающую эру». Альтернатива — разгром рабочих объединенными силами трестов; тогда «возникнет деспотизм, такой же безжалостный и ужасный, как и любой другой, омрачивший страницы истории человечества». Более того, Олигархия обладает собственными средствами для того, чтобы избавиться от продуктов перепроизводства: «Будут сооружены великолепные дороги. Начнется небывалый расцвет наук и искусств... Повторяю, родится монументальное искусство. Будут построены чудо-города, по сравнению с которыми наше современное градостроительство покажется жалким и безвкусным. И в этих городах будут жить олигархи и поклоняться красоте.

Таким образом, прибылям олигархов будет найдено применение, в то время как вся черная работа падет на плечи рабочих. Строительство грандиозных городов и сооружений даст нищенское пропитание миллионам рабочих и строителей. Чудовищные прибыли потребуют

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 113.

чудовищных вкладов и затрат, и сооружения олигархов будут рассчитаны на тысячелетия, а может быть, и на десятки тысяч лет. Их будут строить так, как Древнему Египту и Вавилону и не снилось, а когда олигархи падут, их великолепные сооружения достанутся братству труда, и народ будет пользоваться их дорогами и селиться в их городах»¹.

Олигархия одерживает победу. Эвергард гибнет, а социалисты либо разочаровываются, либо превращаются в террористов.

Все это представляет собою приложение других теорий к неуклюже пересказанному марксизму. Теория прибавочной стоимости характеризуется вовсе не по Марксу — не как основа классовой борьбы в индустриальном обществе XX века, но используется с целью продемонстрировать трудности, стоящие перед капитализмом. «Мотив» утверждения олигархии противоречит учению Маркса. Лондон обращается к другим теориям, которые обещают правящему классу политическую и экономическую стабильность. Первая, в том виде как она предстает в «Железной пяте», была сформулирована У. Д. Гентом в книге «Наш щедрый феодализм» (1902): «Всегда утверждалось, что именно Гент внедрил идеи Олигархии в умы крупных капиталистов». Вторая теория — план «строительства дорог», принадлежавший «генералу» Кокси.

Книга Гента произвела большое впечатление на Джека. Ее основная мысль заключалась в том, что в связи с заметным ростом крупных монополий в Америке и слиянием их в единый конгломерат, концентрирующий весь капитал, возникнет гигантское объединение капиталистов, управляемое «советом десяти». Это был современный вариант феодализма, несравненно более сложный, нежели экономическая система средних веков, но «основывающийся на той же иерархии — власть и подчиненные ей». Гент, по-видимому, пользовался определением «щедрый» иронически, но воображение Джека разыграло: гентовский «совет десяти» он воспринял как коллективный образ сверхчеловека, возвышающегося над цивилизованным миром. Теоретически рабочий класс превосходил олигархов численностью, но последние были дисциплинированнее и умнее, чем большинст-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 168.

во рабочих. В «Железной пяте» поражение рабочих объясняется неспособностью прочих руководителей устоять истины, которые излагает Эвергард.

Характеристика экономической системы Олигархии показывает, что идея общественных работ как панацеи от всех социальных бед не покидала Джека с 1894 года. Совершенно очевидно, что идея эта заимствована у Кокси, начиная с «великолепных дорог» и «пирамид» нового века, на строительстве которых массам обеспечена занятость, а экономические проблемы решаются при этом не менее успешно, чем при социализме. Остается удивляться, почему Джек не выступал раньше за подобное решение проблемы, но дело в том, что он отождествлял его с социализмом — это, например, явствует из его эссе «Что теряет общество при господстве свободной конкуренции». В нем провозглашается необходимость полной централизации общества, на которую капитализм не способен — так он считал, пока не прочел книгу Гента. Показательно, что в этом эссе 1899 года подобная будущая централизация влечет за собой обязательную утрату свободы: «Международную конкуренцию следует свести к минимуму, а промышленность будет все больше и больше двигаться в направлении сотрудничества. Ради пользы нынешнего и будущих поколений человек должен ограничить некоторые свои права или вообще от них отказаться. Во всяком случае, в этом для человека нет ничего нового: все его прошлое — история подобных ограничений».

Несомненно, в «Железной пяте» содержится немало резких, язвительных обвинений капиталистическому обществу, его столпам, его «свинской этике». Джек был убежден, что подобный порядок вещей нужно изменить. Но в своей книге он говорит также, почему, по его мнению, в обозримом будущем социализм недостижим. Социализм нуждается в мужественных, наделенных даром предвидения вождях и в достойных их последователях; и те и другие встречаются крайне редко. Финал романа ясно показывает, что Джек не верит в способность рабочих масс помочь самим себе. В заключительном эпизоде Чикагской коммуны вновь возникают «люди бездны». Они изображены униженными и безответными, «довольными нищетой»; получив свободу, они становятся толпой, способной лишь к разрушению.

Борьба в «Железной пяте» изображена в соответствии с принципом естественного отбора Дарвина — вы-

живает сильнейший. Это не противоречит взглядам социалистов: классы возникают, свергают старые классы и создают новый общественный строй, ибо они сильнее, здоровее в социальном отношении. Однако Джек строит конфликт на личном стремлении к власти. Эвергард — «сверхчеловек, белокурая бестия, о которой писал Ницше», способен править миром. Но олигархи все же сильнее, а он покинут и своими товарищами, и массами, и его поражение неизбежно. Правда, в конце концов социализм побеждает — книга словно написана из далекого будущего, но написана так, что не вызывает особой симпатии к радикальному движению. Олигархия еще не свергнута, но несколько веков власти ослабили и ее благодаря родственным бракам среди привилегированной касты; происходят дворцовые перевороты, так что «в результате простые смертные... оказываются предоставленными сами себе». Подобный крах напоминает трагедию Волка Ларсена. Ни одна из противоборствующих сил не способна победить. Им помогает некий внешний, дополнительный фактор.

Книга эта — признание Джека в том, что он утратил веру. Правильнее было бы сказать (как это делали другие), что он утратил иллюзии. Он расстался с надеждами на немедленные преобразования, на которые были неспособны радикальное движение и рабочий класс; к тому же вожди американских левых быстро следовали за своими европейскими коллегами по пути компромисса и реформизма. Но социализм Джека с самого начала был иллюзорным. Удовольствие от интеллектуального общения, от репутации знаменитости, человека, которого всегда готовы слушать, заставляло его закрывать глаза на недостатки движения и реально существующие разногласия. Когда же его ожидания были обмануты, а личный девиз «Я так хочу» встретил противодействие, он пришел к мысли: сильные всегда будут править слабыми.

Он надеялся, что рост интереса к социализму обеспечит коммерческий успех «Железной пяты», хотя она не публиковалась в журнале; как он и думал, Бретт купил ее для Макмиллана. Книга вышла в свет, когда Джек шел на «Снарке» по Тихому океану. Возможно, он решил держаться в стороне, пока не узнает, как ее встретили. Прием оказался прохладным. Газеты и журналы отделялись краткими отзывами либо вообще хранили молчание. Левая пресса нападала на книгу за песси-

мизм и чрезмерное увлечение автора изображением насилия. Джон Спарго в «Интернэшнл социэлист ревью» назвал ее «неудачной»: «Картина, изображенная автором, мне кажется, неплохо продумана, если она имеет целью оттолкнуть многих, чье присоединение к нашим силам крайне желательно, она дает новый импульс старой и в основном отвергнутой теории катаклизмов; поощряет химерическое и реакционное представление о физической силе, способное привлечь людей определенного склада...»

Левый журнал «Арена», издаваемый Б. О. Флауэром, отмечал, что «Железная пята» неверно толкует историю и «скорее приносит вред, чем помогает делу социальной справедливости». Только немногие «практики» нашли в ней достоинства. Для них были важны критические главы; остальное они считали не представлявшей интерес болтовней.

Слава «Железной пяты» и рост читательского интереса к ней во всем мире начались после первой мировой войны, когда Джека уже не было. Реакция империализма на коммунизм вновь вернула актуальность его произведению. Джордж Оруэлл в предисловии, написанном в 1945 году, утверждал, что только приход Гитлера к власти вызвал книгу из небытия. Вряд ли можно согласиться с ним, но это утверждение в какой-то мере объясняет притягательную силу «Железной пяты» для каждого нового поколения... «Железная пята» содержит много такого, что даже при поверхностном взгляде кажется справедливым во все времена.

10. ПУТЕШЕСТВИЕ НА «СНАРКЕ»

Путешествие на «Снарке» продолжалось более двух лет. Рассказ о нем стал сагой о несчастьях и неудачах, возвращение было омрачено долгами, но все же Джек был счастлив. Несмотря на то что он со всеми ссорился, писал яростные письма, нанимал и выгонял матросов, — он трудился как одержимый, определив ежедневную норму — тысяча слов, — и редко когда ее не выполнял. За два года он написал пять книг и столько очерков и рассказов, что их хватило бы примерно на две-три книги. Чармиан тоже писала. Она вела подробный дневник путешествия, в нем много красочных эпизодов; в результате получились две книги,

выпущенные Макмилланом (в Англии они были изданы в четырех томах — «Путешествие в пустынных морях», «Женщина среди охотников ла головами», «Джек Лондон на Гавайях» и «Джек Лондон в Южных морях»). Месяцы, проведенные Джеком на островах Южных морей, обеспечили его новым материалом. Его потрясла красота этих мест и примитивный образ жизни их обитателей. Он писал Стерлингу с Соломоновых островов: «Это дичайший уголок земли. Очень распространены охота за головами, каннибализм, убийства. В самых опасных местах архипелага мы никогда не расстаемся с оружием и выставляем на ночь еще и дозорных». Он сделал из Южных морей второй Юкон, рассказы о разного рода приключениях и драмах хлынули потоком, здесь же были написаны и два рассказа о собаках. Сидя на палубе в жаркое послеобеденное время, Джек иногда читал Чармиан и экипажу что-нибудь из написанного утром, а иногда Конрада, Мелвилла и Стивенсона.

Через шесть недель после отплытия в Пирл-Харбор он окончательно расстался с Роско Эймсом, и тому были причины: палуба не убиралась по двенадцать дней, мачты и паруса находились в небрежении, но Роско бездельничал. Имелись подспудные причины для присутствия этого нелепого и ненужного человека на борту. Когда Джек окончательно потерял терпение, миссис Эймс послала ему зашифрованную телеграмму с просьбой «не позорить Роско, пока она и Эдвард Пейн не подадут сигнала». Джек ответил ей пространным письмом, перечисляя допущенные Роско промахи, и заметил: «Теперь я понял, что вам пришлось вытерпеть, и не могу не назвать вас сентиментальной дурочкой за ваше долготерпение». Вскоре Нинетта разошлась с Эймсом и вышла замуж за Пейна.

Вслед за Роско на берег был списан Герберт Столц. Его место занял Юджин Фенелон, силач-великан, рекомендованный Джорджем Стерлингом. Через несколько недель и его отправили обратно в Калифорнию, а Джек сообщил Стерлингу: «Джин не создан для приключений, как не создан он и для настоящей мужской работы... В его гориллообразном теле — мужество вши и душа цыпленка!» Когда «Снарк» вышел из Хило, его команду составляли: капитан Уоррен, обвинявшийся в убийстве и освобожденный досрочно; Мартин Джонсон, Франк Герман, повар Вада и слуга Лондона Наката.

(Маньюнги ушел от Джека незадолго до отплытия.) Уоррена наняли потому, что судну был необходим настоящий опытный морской капитан, и Джек наконец это понял. Среди остальных самыми умелыми были Мартин Джонсон и Чармиан. Джонсон позднее прославился как исследователь и знаменитый охотник, а тогда он был красивый молодой человек, мечтавший о приключениях, и он всюду был тут как тут, горя желанием помочь. Чармиан не уступала мужчинам. Она вела дневник, печатала рукописи и письма Джека, несла дневные и ночные вахты у штурвала и выполняла множество других судовых обязанностей.

Простившись с Гавайями, они направились к Маркизским островам. В память о своих похождениях с Сэ-аной-младшим и эпопее с порогами Уайт-Хорс Джек всегда выбирал самые трудные пути. «Инструкция по судоходству в Южных морях» сообщала, что капитаны китобойных судов сомневаются в возможности легкого путешествия от Гавайских островов до Таити, но это намного проще, чем добраться до Маркизских островов», — писал он. Путешествие заняло шестьдесят дней, как бы в награду они увидели места, где жил Стивенсон, и то, что осталось от прекрасной долины, описанном Мелвиллом в «Тайпи», а также приняли участие в местных танцах и празднествах. Теперь надо было плыть в Австралию, чтобы успеть к матчу на первенство мира между боксерами тяжелого веса, Томми Бернсом и Джеком Джонсоном. Репортаж о матче он должен был послать «Нью-Йорк гералд». Потом взяли курс на Таити, где в Папеезе в январе 1908 году получили почту за три месяца. Они узнали, что «Снарк» считают без вести пропавшим и что газеты пребывают в нерешительности: публиковать ли некрологи или же считать исчезновение обычной рекламной уловкой.

Но были новости и похуже. Его финансовое положение стало плачевным. Оклендский банк отказывался принимать чеки Лондона, закладная на дом Флоры была просрочена, лавина счетов нарастала. В почте, полученной в Папеезе, оказались чеки от Бретта, но больше никаких поступлений не было. При беглом подсчете выяснилось, что у Джека всего 66 долларов наличными и огромные долги, «Снарк» обходился в 3000 долларов ежемесячно. Необходимо было что-то предпринять. Джек и Чармиан, оставив «Снарк» на капитана Уоррена, отплыли в Сан-Франциско на пароходе «Марипоза»,

решив с ним же возвратиться на Папезте через восемь дней.

Дела Джека вела Нинетта Эймс, но она была не виновата в создавшемся положении, поскольку Джек не вылезал из долгов уже несколько лет. За четыре с половиной года он потратил около 100000 долларов на ранчо, «Снарк», дома для Бесс и Флоры, на родственников и благоприобретенных иждивенцев. Он жил в счет будущих доходов, работал почти механически и с нечеловеческим напряжением. Но иного выхода, кроме как просить очередной аванс, не было. Добравшись до Сан-Франциско, Джек сразу же телеграфировал Макмиллану о займе под почти законченный новый роман «Мартин Иден». Он связался с журналом «Харперс» и договорился продать очерки о путешествии на «Снарке» с немедленной выплатой всего гонорара. В результате набралось достаточно денег, чтобы погасить самые неотложные долги. Заплатив, он назначил Нинетту своим литературным агентом, доверив ей получать займы от его имени. В письмах он называл ее «моя матушка». Она попросила у него за труды тридцать долларов в месяц и проценты от продажи «Мартина Идена». Он ответил: «С тех пор как я заработал свой первый доллар, любой человек, оказавший мне услугу, всегда щедро вознаграждался, и я горжусь этим».

Выпутавшись из финансового кризиса и на этот раз, Джек и Чармиан вернулись на «Снарк». Путешествие продолжилось, и жизнерадостное настроение не покидало их. В Сан-Франциско Джек говорил репортерам, что никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым, кто-то из журналистов писал об «улыбке, не сходившей с его лица». На «Марипозе» по пути в Папезте он закончил «Мартина Идена» и отправил рукопись Нинетте; права на публикацию романа из номера в номер были проданы журналу «Пасифик мансли» за 7000 долларов. Джек снова стал платежеспособен. Он в огромных количествах закупал антиквариат и сувениры и ящик за ящиком отправлял их в Глен-Эллен, запретив вскрывать до своего приезда. Даже тропические болезни, поразившие всю команду «Снарка», воспринимались с беззаботной легкостью: «Когда нас кусает комар, переносящий тропическую лихорадку, мы находимся с природой в полном контакте».

Приподнятое настроение Джека объяснялось главным образом уверенностью, что он предпринял путе-

шествование, которому суждено войти в историю, а также ощущением духовной свободы. Все это подарил «Снарк». Отвернувшись от социализма, он, казалось, убежденнее отрицал тот мир, в котором шел от безвестности к славе, он пересмотрел отношения, основанные на общих духовных поисках, заблуждениях, борьбе за личное и литературное признание. Он не собирался отказываться от опыта своих юношеских лет, полных безрассудных и сомнительных приключений и тяжелого труда, именно они и сформировали его личность, которой он всегда гордился. Правда, ему хотелось вычеркнуть из своей памяти того неуклюжего молодого человека, политически наивного и считающего себя умственно отсталым, который необдуманно сболтнул о своих надеждах и огорчениях Мейбл Эпплгарт. Уйдя в море, он окончательно освободился от бремени прежних обид и отношений. В «Мартине Идене» он переписал свою жизнь заново.

Этому роману предшествовала «Дорога», где он подробно рассказал о том, как был «хобб». Несколько лет назад он не стал бы писать книги, повествующей о жизни дна и тюрем. Теперь он с удовольствием рассказывал о пережитом. Отвечая критически настроенному рецензенту, он заметил: «Всем, чего я достиг, я обязан своему прошлому. Если бы я стыдился его, я стыдился бы и того, что я есть теперь». Стерлинга, отозвавшегося о «Дороге» неодобрительно, он упрекнул в «буржуазных пережитках». Несомненно, «Дорога», опубликованная в 1907 году, многих шокировала, но в том настроении, в котором Джек пребывал на «Снарке», его это несколько не огорчало. То самое «Я», которое создало «Дорогу», было его «Я», и «Мартин Иден» был проекцией именно этой авторской личности.

Главному герою романа он дал имя Мартина (Джонсона), о чем и сообщил ему. Первоначально книга называлась «Успех». Это слегка видоизмененная автобиография Лондона. Мартин Иден, сильный жизнеспособный молодой матрос, обуреваемый страстным желанием учиться и писать, знакомится с семьей Морз, принадлежащей к среднему классу. Он влюбляется в прекрасную и нежную Руфь Морз, ее влечет к нему, и она становится его наставницей. Целый год он трудится, чтобы добиться признания на литературном поприще, забывает о сне и еде и создает рассказы в огромном количестве. Реализм его творчества отталкивает Руфь; он шокирует ее семью, заявляя себя материалистом, никто не

верит в его способность добиться признания. Незадолго до того, как к нему приходит успех, Руфь разрывает их помолвку. Позже она раскаивается и возвращается к нему, но он с презрением ее отвергает.

Трудно поверить, что персонажи книги — люди, существовавшие в действительности, а главная героиня списана с девушки, которую Джек любил менее десяти лет тому назад. Руфь Морз внешне напоминает Мейбл Эпплгарт. Некоторые беседы Джека и Мейбл прямо перенесены в книгу. В качестве фона взят дом Эпплгартов, а миссис Морз явно списана с миссис Эпплгарт. Однако все они, включая и брата Мейбл, Тэда — близкого друга и доверенное лицо Джека, — изображены невежественными, мелочными и недостойными людишками. В книге Ирвинга Стоуна рассказывается о том, как 1910 году в женском клубе Сан-Хосе состоялось выступление литературной обозревательницы Майры Макклей. Она осудила героиню «Мартина Идена», не зная, что «бледная, бесплотная, старообразная особа в первом ряду, неотрывно глядевшая на нее взглядом, полным смертельной тоски», была Мейбл. В «Мартине Идене» много злого, недоброжелательного, язвительного, и прежде всего потому, что в ней чернятся люди, которым автор в действительности был стольким обязан.

Но все-таки не разочарование в любви основная тема книги. Главное в другом: Мартина Идена, как и Джека, никто не поддерживал, не поощрял, его талант мог погибнуть, не найдя признания. Став известным писателем, Мартин посылает в редакции отвергнутые ранние произведения и видит, с какой охотой их принимают. «Почему же вы меня тогда не кормили обедами? Ведь все эти вещи написаны давным-давно. «Колокольный звон» и «Пери и жемчуг» не изменились ни на йоту. Они и тогда были так же хороши и так же мастерски написаны, как и теперь. Но вы угощаете меня не за эти и не за другие мои произведения. Вы меня угощаете потому, что это теперь в моде, потому что все стадо помешалось на одном: угощать Мартина Идена»¹.

Как рассуждение о том, сколь мало стоит литературная мода, это достаточно справедливо, однако утверждение, что «все вещи написаны давным-давно», может ввести в заблуждение, особенно если оно сделано писателем, находящимся на вершине славы. Но в книге ут-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 603.

верждается, по сути дела, будто Мейбл, ее семья и друзья не только ни способствовали его развитию, но даже мешали его продвижению к славе.

Все это было продумано летом перед отплытием «Снарка», в переломный период жизни, когда он вглядывался в будущее, когда, руководствуясь все тем же принципом «Я так хочу», отказался от всего, что сковывало его в прошлом. В «Мартине Идене» остро звучит мотив мести; чувствуется, что Мейбл продолжала жить в его сердце. Завершив «Мартина Идена», он писал с Гаити Клодсли Джонсу: «Только что закончил роман в 145 000 слов, настоящая атака на буржуазию и то, чем она дорожит». Джек преувеличивал. Он осуждал главным образом благополучие и притязания среднего класса на культуру. Ему хотелось освободиться от неприятного чувства, что такой образ жизни его привлекал. Он был присущ не только кругу Эпплгартов, к нему тяготели и некоторые социалисты Окленда, и в доме Струнских, этому образу жизни отвечала и его женитьба на Бесс; но все это принадлежало тому прошлому, которое он хотел позабыть.

Есть в романе и политическая подоплека. Как и Джек, Мартин посещает митинги, собрания социалистов. Он спорит о социализме с Рэссом Бриссенденом, который многими чертами характера и философской складкой напоминает Строн-Гамильтона. Несмотря на доводы Бриссендена, Мартин не может принять идеи социализма; он — индивидуалист, увлеченный Спенсером и Ницше. В этом и заключается конечный смысл произведения. Разочаровавшись в достигнутом успехе, не дорожа ничем в жизни, Мартин кончает с собой. Бриссенден его предупреждает: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы стали социалистом, прежде чем я умру. Только это может спасти вас в час разочарования в жизни, которое, несомненно, наступит»¹. Идея, которую Джек настойчиво пытается внушить читателю, состоит в том, что индивидуалистическое мировоззрение бесперспективно.

Однако Джек затрудняет Мартину выбор. Социалисты в романе представлены тщедушными интеллигентами, олицетворяющими «вековую борьбу слабых, несчастных рабов против надменной горстки людей, которые правили ими и будут править». Бриссенден сам доста-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 552.

точно циничен и не верит в массы. Он социалист только потому, что это — «неизбежно», а почему «неизбежно», кстати, в романе никак не объясняется; так же, как и Мартин, он умирает. Умом Джек понимал, что социализм может служить разумной альтернативой существующей системе, но полагал, что бороться за социализм не имеет смысла. Он знал, что сам по натуре индивидуалист, и в то же время прекрасно понимал, что индивидуализм несостоятелен. Ни одно учение отныне не интересовало его, теперь он будет принадлежать только самому себе.

Следует отметить и еще один аспект романа. «Мартин Иден» стал последним произведением, в котором Джек заботился о «настоящем» содержании. С самого начала своей писательской деятельности он никогда не скрывал, что пишет в основном ради денег. В то же время в рассказах Джека выражалось его мировоззрение, и он знал, что способен говорить о серьезных вещах в книгах, рассчитанных на коммерческий успех. Все три его произведения этих последних лет, резко отличающиеся друг от друга, каждое исполненное драматизма, отразили его переоценку собственной жизни и убеждений. Все три — «Железная пята», «Дорога» и «Мартин Иден» — были встречены прохладно. Рецензенты посоветовали вновь обратиться к сочинению более незамысловатых историй. Их советы окончательно утвердили его во мнении, которое он выстрадал. Оно изложено в «Мартине Идене». «Книги его читала буржуазия, и это она набивала его мешок золотом, а зная буржуазию, Мартин не понимал, что может ее привлекать в его произведениях. Для тех сотен тысяч, которые прославляли его и нарасхват покупали его книги, их красота и смысл не имели решительно никакой ценности. Он был просто баловнем судьбы, выскочкой, который вторгся на Парнас, воспользовавшись тем, что боги зазевались»¹.

Это неправда, но приведенный отрывок показывает, как Джек решил распорядиться своим талантом на будущее. Он покончит с серьезной работой и будет производить, как дешевый фарфор, самые прибыльные приключенческие истории. Действие его следующего романа «День пламенеет» («Время-не-ждет») вновь происходит

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 196.

на Клондайке. Известно, что в 1911 году он сказал репортеру: «Если роман получится, я подпишу его и отправлю в печать. Если не получится, я подпишу его и тоже отправлю в печать».

Возобновив путешествие на «Снарке», они оказались в Полинезии, откуда сквозь штормы добрались к островам Фиджи. На Суве капитан Уоррен, который, как выяснилось, был подвержен сильным приступам депрессии, то ли был уволен, то ли оставил судно по собственному желанию, и Джек принял на себя управление. Они направились к Соломоновым островам; там едва спаслись от людоедов; принимали участие в походе за «черными дроздами»: устраивали облавы на бушменов, которых потом отправляли на плантации. Написанный на основе этих впечатлений роман «Приключение» подвергся критике за сгущение красок в изображении дикости нравов в XX веке, но Джек и его спутники собрали материал для него на островах Тихого океана. Нескольким раз он лишь фиксировал реально происходившие события, не делая, как прежде, подробных заметок.

Казалось, наступило счастливое, радостное время, но оно было недолгим. Весь экипаж стал жертвой тропических болезней. Ссадины превращались в огромные язвы — фрамбезии; во время приступов малярии хинин глотали пригоршнями. Джек называл себя доктором-самоучкой. В этом была своя «спортивная» привлекательность, аромат трудностей и опасностей. Однако в сентябре забавы кончились. Джека поразила неизвестная болезнь. Распухли руки и ноги, кожа начала отслаиваться, а временами он терял координацию движений. У него обнаружился двойной свищ, а загадочную кожную болезнь приписали нервному истощению. В конце октября он решил отправиться в Сидней удалить свищ и заняться остальными болезнями.

Болезнь кожи поставила австралийских врачей в тупик. Позже Джек выяснил, что у него была «солнечная болезнь», вызванная чувствительностью кожи к ультрафиолетовым лучам; такое же разрушение тканей наблюдалось у первых экспериментаторов с рентгеновскими лучами. Пять недель провел он в больнице и в конце концов признал, что дальнейшее плаванье на «Снарке» в тропиках невозможно. Он поручил Мартину Джонсону привести «Снарк» в Сидней, там яхту продали за 3000 долларов и отправили обратно на Соломоновы острова, где она должна была служить для перевозки ра-

бочих. После визита на Тасманию Джек и Чармиан в сопровождении Накаты отплыли из Австралии на грузовом пароходе. Обратный путь был долгим, заходили в большинство южноамериканских портов и месяц стояли в Эквадоре. Вернулись они в Сан-Франциско 23 июля 1909 года.

Здоровье Джека и Чармиан было подорвано — по возвращении она еще долго мучилась малярией. За эти два года путешествия на «Снарке» Джек много пил. В начале плавания решили не иметь на борту спиртного, и он наверстывал упущенное на берегу. После Маркизских островов на судне появился солидный погребок, и скорость поглощения напитков неуклонно возрастала. Джек приписывал это тропической жаре, непрерывным развлечениям и утверждал, что алкоголь оказывает на него стимулирующее действие, когда работа идет плохо. Выйдя из больницы в Австралии, он снова начал пить, уже без всяких объяснений. Теперь его ничто не сдерживало: в Глен-Эллен выпивка стала ежедневным ритуалом, так что, как он писал в «Джоне Ячменное Зерно», его организм весь пропитался алкоголем.

Дела Джека, как обычно, были запущены. Нинетта рассылала его рассказы по газетам и журналам, торгуясь из-за гонораров, и как понаторевший литературный агент предлагала разным редакциям одни и те же материалы. Она уговорила его приобрести соседнее ранчо размером в сто тридцать акров, а потом пятнадцатиакровое Фиш-Рэнч. Был построен большой амбар, в котором разместилась огромная коллекция диковинок Южных морей. Все это вызвало новые расходы и потребовало новых средств. Он взял еще одну закладную, чтобы приобрести второе и третье ранчо. Его обуревали мечты о «Ранчо Красоты», которое он хотел создать во что бы то ни стало. Когда в Калифорнии распространилась повальная мода на эвкалиптовые деревья, он немедленно посадил 15 000 эвкалиптов и без конца рассуждал, как на них разбогатеет.

Решить все проблемы он мог только одним — писать все больше и больше. По возвращении в Глен-Эллен у него было девять книг, готовых к изданию, но гонорары были уже получены и истрачены. Он установил себе девятнадцатичасовой рабочий день, как много лет назад. Рассказы буквально вылетали из-под его пера; появились деньги: 8000 долларов за журнальную публика-

цию «День пламенеет», он получал по 750 долларов за каждый рассказ в «Сатердей ивнинг пост». Теперь он постоянно твердил, что ему опротивело писать, но каждый день к одиннадцати утра он выдавал свою тысячу слов. Работоспособность Джека Лондона поистине невероятна. Он ежегодно получал по несколько тысяч писем и на каждое из них отвечал, нередко диктуя весьма пространные послания. Часть дня была отведена для посетителей. До полудня он никого не принимал, но после ленча был готов развлекаться так же самозабвенно, как и работал.

Стремясь всеми возможными способами увеличить «выход» рассказов, он в 1910 г. начал покупать сюжеты у двадцатипятилетнего рекламного агента Синклера Льюиса. Их соглашение действовало год с небольшим; Джек купил у Льюиса двадцать семь сюжетов, из которых использовал пять. Он платил за них от пяти до семи долларов и потом ворчал: «Говоря откровенно, не знаю, делаю ли я деньги или, наоборот, теряю их, зарабатывая в рассказах ваши идеи. Возьмите, к примеру, «Первобытного зверя». Я получил за него 1200 долларов... Если бы отданное ему время я потратил на «Смока Белью» или на «Солнечные рассказы», я получил бы целых 3000 за такой же объем работы». Однако он не упускал возможности приобрести сюжет; кое-что предлагал и Джордж Стерлинг.

Большая часть его теперешней продукции отличалась бедностью содержания и небрежной отделкой. И, что еще хуже, герои его произведений были полны национальных и расовых предрассудков самого дешевого пошиба. Правда, он поставлял читателям и журналам как раз то, чего они хотели, и это отчасти извиняет Лондона. Они, конечно, не отказались бы и от кое-чего лучше, но, к сожалению, и сам Джек становился жертвой предрассудков и англосаксонских бредней. В рассказах Южных морей, которые после путешествия на «Снарке» были главным направлением, в котором работала его фантазия, постоянно встречаются властный белый и услужливый, инфантильный абориген. Герой романа «День пламенеет» — «белокурая бестия», человек, живущий по своим собственным законам, — ничем не напоминает угрюмого и обреченного на гибель Волка Ларсена, наоборот, он очень мил и пользуется успехом. Герой Элам Харниш одержим мечтой, которую Джек много лет назад поверял Анне Струнковой: «победить

капиталистов по правилам их собственной игры». Добившись победы, герой отказывается от богатства и положения ради скромной жизни с любимой женщиной — финал, который, вне всякого сомнения, доставил радость многим читателям, но который прежний Джек посмел бы как успокоительный литературный трюк.

На рождество 1909 года Чармиан сообщила ему, что ждет ребенка. Ей было почти сорок. Перспектива отцовства привела Джека в восторг, он почти забросил работу, несмотря на ее срочность. Чармиан была счастлива. Она вела дневник, нелепо-сентиментальный, цветистый и выпендренный по стилю; не стоит, однако, иронизировать по этому поводу; говоря о Джеке, она была права: он не помнил себя от радости, он излучал любовь и заботу и в нетерпеливом предвосхищении событий уже твердил: «Нас трое». Они целыми неделями путешествовали в коляске, взяв с собой только его письменные принадлежности. Он был уверен, что на этот раз родится сын.

Они давно собирались построить на территории ранчо дом, и теперь для этого, полагал Джек, пришло время. Его планы, всегда отличавшиеся масштабностью, стали особенно грандиозными. В самом красивом каньоне ранчо они выбрали место, окруженное великолепными деревьями. Будущее жилище предполагалось назвать «Домом Волка», строительным материалом — огромные красные вулканические камни и бревна красного дерева — обеспечивала Лунная долина. В доме будет библиотека, музыкальный салон, дюжина комнат для гостей; башня со спальней Джека; отдельный этаж для Чармиан; комнаты слуг; гостиная исключительно для мужчин, где они смогут пить, вести беседы и играть на бильярде. «Джек всегда все делает с большим размахом», — писала Чармиан. Смысл этого начинания заключался в том, что теперь, после рождения долгожданного сына, семья Лондонов превратится в династию, и надлежало построить дом, достойный этой династии. Из Сан-Франциско выписали архитекторов, и Джек вместе с Чармиан часами корпел над проектом.

Он пригласил сестру Элизу вести хозяйство на ранчо. У нее был маленький сын, но она разошлась с пожилым и хворым Шепардом. Нинетта по-прежнему обитала в Уэйк-Робин со своим вторым мужем, но по возвращении из путешествия на «Снарке» Джек щедро поблагодарил ее и отказался от услуг. Элиза водворилась

на Фиш-Рэнч. Она была очень способной женщиной и, что еще важнее, могла трезво и целеустремленно вести дела Джека. Перед ней стояла трудная задача. Он только что купил за 30 000 долларов ранчо Ламотт и виноградники, прибавив еще восемьсот акров земли к «Ранчо Красоты». Естественно, денег у него не было — опять пришлось срочно просить аванс, брать еще одну закладную. Чармиан вспоминает о разговоре, случившемся в 1910 году, когда у него было 500 долларов в банке, а надо было срочно уплатить 800 по страховому полису. «Не очень сходится, верно? Но ничего, не бойся — «Смок Белью» покроет все счета, и еще кое-что останется». «Дом Волка», который начали строить, должен был обойтись в 30 000 долларов, по Джек уже присматривал себе речную яхту.

Время путешествия на «Снарке» было самым счастливым в жизни Джека. Плавание, несмотря на болезни и иные проблемы, навсегда осталось в его памяти. Он отбросил прежние моральные и социальные обязательства и составил план дальнейшей жизни. По возвращении в Глен-Эллен все казалось возможным и доступным. Разочарования и сомнения словно испарились. У него было ранчо, скоро будет «Дом Волка»; плантация эвкалиптовых деревьев и научное ведение хозяйства принесут ему состояние, он сможет прервать работу и завершить кругосветное путешествие. Через несколько месяцев «его Женщина» родит ему сына. Он чувствовал себя королем: пил, объезжал верхом свои владения — одиннадцать сотен акров — и мечтал о будущем.

Но мечты его не сбылись. Счастье от него отвернулось.

11. ЗАКАТ СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДЫ

Младенец оказался девочкой и не прожил двух дней. Джек не отходил от постели Чармиан, а все заботы и хлопоты взяла на себя Элиза — это было счастье, что она оказалась рядом.

Он сообщил Чармиан горестную весть. Выйдя из больницы, Джек бесцельно бродил по оклендским улицам и забрел в портовый бар. То, что с ним произошло, он объяснял тем, что его приняли за расклейщика афиш и стали выгонять. Джек пытался что-то объяснить, но хозяин и четверо завсегдатаев избили его. Газеты вы-

сказали предположение, что он сам нарывался на неприятности. В ответ он заявил, что репортеры были подкуплены и поэтому «облили Джека Лондона грязью по мере возможности»; нетрудно представить, что в тогдашнем своем настроении он сознательно выбрал такое место, где можно было ввязаться в драку. В тот день он задыхался от ярости.

Происшествие имело последствия. Джек добился ареста владельца бара, Малдони, «предъявив» в полиции свой синяк. Дело дошло до суда, но судья «усомнился» и отпустил обвиняемого. Какой-то анонимный доброжелатель прислал письмо, в котором посоветовал Джеку ознакомиться с неким муниципальным документом; Джек отправил в муниципалитет Элизу, выяснившую, что судья является фактическим хозяином участка и дома Малдони. В гневе Джек послал в газеты и журналы свое знаменитое «Открытое письмо судье Сэмюелсу»: «Когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь я притяну вас к судебной ответственности, как принято среди якобы цивилизованных людей».

Письмо было перепечатано всеми американскими газетами. Никакой юридической компенсации за этим не последовало, но месть Джека вылилась в рассказ «Польза сомнения», где подробно описывалось все происшествие, а «Сатердей ивнинг пост» опубликовала его.

На следующий день после драки в баре Джек уехал на десять дней в Рено, чтобы комментировать для «Нью-Йорк геральд» матч между боксерами Джеффрисом и Джонсоном. Со времени матча в Сиднее, где Джонсон жестоко расправился с Томми Бернсом, Джек утверждал, что могучий старый чемпион Джеффрис — единственный, кто может заставить «ниггера» Джонсона перестать улыбаться. Джек создал миф о Джимми Джеффрисе как о сверхчеловеке по силе и боксерскому таланту. Джеффрис и вправду когда-то был чемпионом, он и сегодня казался могуч, но ему было уже тридцать пять, и он шесть лет не выходил на ринг. Он потерпел сокрушительное поражение, и в зале многие плакали. Как ни странно, Джонсон вызвал у Джека своего рода восхищение — в 1908 году он из Тасмании послал домой его фотографию. Отчасти «расизм» Джека можно объяснить тем, что он писал для Херста и его читателей; и нет никакого противоречия между чувством саксонского превосходства в рассказах Южных морей и воз-

мущением по поводу того, что чемпионом мира стал какой-то «выскачка-негр».

Чармиан оставалась в больнице «Фабиола» несколько недель. Джек ежедневно писал ей из Рено и продолжал это делать вплоть до ее возвращения домой. Письма полны ласки и нежности. Он прекрасно понимал, что ее чувство горечи и разочарования не уступают его собственным, и всячески старался ее утешить. Во всех мечтах и планах она была с ним заодно. Она была рядом во время долгого морского путешествия, она была душой «Ранчо Красоты» и «Дома Волка» и всего, что ожидало его в будущем. Но находиться рядом с таким человеком, как Джек, было очень трудно: ее место зависело от исполнения его фантазий.

Он нашел себе подходящую яхту — тридцатифутовый ял под названием «Ромер». В середине октября они отправились в путешествие вдоль побережья и по рекам. Джек вновь хотел пройти по тем местам, где занимался пиратским промыслом, стремясь вернуться в дни юности, вновь поразмыслить над тем опытом, который приобрел в последующие годы. Из Окленда они поплыли через залив Сан-Франциско, по протокам и рекам, прошли Беницию, Сэсунский залив, заехали в Сакраменто и Сан-Джоакин. В хижине охотников на уток Джек встретил Француза Фрэнка, семидесятилетнюю развалину, потом поплыл мимо Бельмонта, где некогда до изнеможения работал в прачечной. Конечно, все с тех пор изменилось. Джек стал знаменитостью, а старые приятели усердно приукрашивали его прошлое. Как ни странно, он не зашел в салун «Шанс первый и последний». Чармиан писала в 1920 году, что так и не познакомилась с Джонни Хейнголдом. После выхода в свет «Джона Ячменное Зерно», где Джек описывал тогдашнюю жизнь, он получил письмо от своего бывшего матроса с «Ослепительного» Паука Хили. В письме говорилось: «В последних строках хочу сообщить, как сегодня живут те пираты, чьи имена ты прославил в книге «Джон Ячменное Зерно». Джонни Хейнголд и Джо Вирго — единственные, кому удалось сколотить капиталец, и, заметь, запрятали они его так, что ни одна собака не вынюхает. А жадюг таких свет не видывал — у них не то что четвертака, прошлогоднего снега не выпросишь».

Возможно, что вскоре после получения этого письма Джек заглянул-таки в салун «Шанс первый и послед-

ний», выпил рюмочку и положил на стойку золотую пятидолларовую монету: «Скажите ребятам, что заходил Джек Лондон и поставил им выпивку».

Они с Чармиан много плавали вместе на «Ромере», а летом 1911 года совершили путешествие по северной Калифорнии в фургоне, запряженном четверкой лошадей. Перед началом этой поездки они решили переехать в новое жилище. Джек и Чармиан все еще жили в пристройке к Уэйк-Робин, наблюдая за возведением их будущего замка. Джек предложил перебраться в дом ни виноградниках их ранчо Колер. Дом был в запущенном состоянии, вокруг все заросло, а надворные постройки развалились, но дом находился в самом сердце их владений, и здесь было больше места для приема бесчисленных гостей. Джек распорядился, чтобы дом привели в порядок, пока они с Чармиан будут путешествовать; в сентябре, по возвращении, они туда перебрались и остались там навсегда.

Их новое жилище представляло собой одноэтажное деревянное здание с шестью комнатами, разделенными коридором; в одном крыле был кабинет Джека и терраса, где он спал, в другом обитала Чармиан. Однако главным и наиболее оживленным помещением стала каменная винодельня, почти примыкавшая к дому и соединенная с ним крытой галереей. Получился зал длиной в тридцать восемь футов. Рядом располагалась кухня, а под ним был погреб. В одном конце зала стоял длинный обеденный стол, а во главе его — стул Джека, похожий на трон. Стены были увешаны сувенирами с Южных морей, фотографиями, оригиналами иллюстраций к книгам Джека, самоанскими циновками из древесной коры; тут же находился огромный рояль; на полу лежали подушки, ковры и шкуры зверей.

Все остальные помещения были превращены в комнаты для гостей и всех тех, кто оказывался поблизости. Когда они жили в Уэйк-Робин, гостей размещали в коттеджах Нинетты и в палатках, стоявших вокруг. Здесь же переделали для размещения постоянно прибывающего потока гостей прилегающие к винодельне постройки. В бесчисленных письмах Джека к почитателям его таланта, издателям, социалистам, случайным знакомым, людям, утверждавшим, что они когда-то знали его или пили вместе с ним, неизменно содержалось приглашение «приехать и погостить у нас», он даже напечатал специальный путеводитель, в котором объяснялось, как

добраться до дома. Многие из приезжавших жили на ранчо целыми месяцами, выполняя чисто символическую работу, но получая за нее вполне реальную плату. Сотнями приходили письма с просьбами о работе и жилье; среди авторов были каторжники, начинающие писатели и неизлечимо больные. В 1913 году он платил ежемесячно 3000 долларов обитателям ранчо и строителям «Дома Волка», при этом большая часть денег уходила на бездельников, почти или совсем не работавших.

Каждый день за стол садилось не меньше дюжины человек, не считая самого Джека. Чармиан писала: «Он до безумия любил накрытый стол и два ряда обращенных к нему приветливых дружеских лиц; он всегда был готов поставить перед любым полную тарелку!» Он гулял с гостями по окрестностям ранчо, показывал им «Дом Волка» и расписывал его будущее великолепие. Конечно, не обходилось без выпивки; грубые развлечения на вечеринках в Пидмонте десять лет тому назад здесь приобрели характер жестоких розыгрышей — Джек был неистощим в их изобретении. Анархистам подкладывали взрывающиеся книги и коробки. В одной из комнат к ножкам кровати были привязаны веревки, спущенные в нижнее помещение: когда там дергали за веревки, кровать накренялась и бедняга гость думал, что началось землетрясение.

Некоторые, как Стерлинг и Хоппер, считались давними и близкими друзьями. Многие из гостей приезжали из чистого любопытства, были и такие, как Бретт, который находился с хозяином в деловых отношениях и, вероятно, предпочел бы менее пышное гостеприимство. Но большей частью это были всевозможные прихлебатели, кормившиеся за счет невероятной щедрости Джека. Они аплодировали его выдумкам, громко смеялись его шуткам, всем восхищались и со всем молчаливо соглашались, а за его спиной принимались рассуждать о пьянстве и тщеславии Лондона. Он отлично понимал, чего стоит их «привязанность». В письме к одному знакомому он сердито бранил своих гостей: «Бездомные бродяги, проклятое отребье, кишат на ранчо как сельди в бочке... Каждый гоняется за своими излюбленными фантазиями. Каждый думает только о своей шкуре».

Дохода ранчо не приносило. Затея с эвкалиптами провалилась. Всего Джек посадил почти 150 000 деревьев, что обошлось ему в 50 000 долларов. Но тут в газетах появилось официальное сообщение о том, что по-

вальное увлечение эвкалиптами научно не обосновано, а их древесина не имеет никакой ценности. Земля на фермах Джека была совершенно истощена. Он понял наконец, что его ранчо были проданы потому, что не оправдали надежд прежних владельцев: «В настоящее время мне принадлежат шесть не приносящих дохода ранчо. Шесть не дающих дохода ранчо предполагают по меньшей мере восемнадцать банкротств и разорений. Могу ли я преуспеть там, где восемнадцать человек потерпели крах? Я вложил в них самого себя, все свое мужество, состояние, книги и вообще все, что у меня было».

Он углубился в изучение сельского хозяйства с тем же рвением, с каким когда-то готовился к экзаменам, набивая голову фактами и теориями, а Элизу заставил срочно пройти курс обучения по выращиванию зерновых. Он верил, что с помощью научных методов достигнет успеха. Но даже при этих научных методах требовалась квалифицированная рабочая сила; у Джека же работали люди — число их временами доходило до пятидесяти трех, — не имеющие специальных знаний и даже желания заниматься сельским хозяйством. Но когда на это обращали внимание Джека, он возмущался: главное — он дает людям работу. Он велел Элизе и десятнику на строительстве «Дома Волка» принимать на работу любого, кто попросится. Всех бродяг, выпущенных из тюрьмы досрочно, всех их следовало накормить и заплатить им хотя бы за несколько дней. Когда вернувшаяся из больницы Чармиан выразила недовольство тем, что он зря тратит деньги и сводит на нет все усилия Элизы навести хоть какой-то порядок, он ответил: «Пожалуйста, не забывай, что ранчо — моя забота. Нетта и Эдвард мне никогда не помогали, Уайджет никогда мне не помогал; Элиза никогда мне не помогала. Именно я, чего-то достигнув, заметил способности в Элизе, которая не перестает тянуть из меня. А то, что вытянули наличными другие, в тысячу раз больше, чем расходы на обед и кров для моих бродяг. И даю я им этот пустяк от самого чистого сердца. У меня уже совсем немного осталось сердечного тепла для человечества».

Хотя это послание и заканчивается выражением любви к Чармиан, прежнего счастья не было. Щедрость и сердечность не могли скрыть постоянного раздражения, которое вызывали окружающие. Бродяги и забулды-

ги не только напоминали ему о прошлом, которым он любил похвастаться, они нужны были, чтобы подчеркнуть презрение к остальным, «бездельники развлекали и успокаивали его, и жалких крох заслуживали больше, чем иные почтенные люди — уважения». Жизнь на ранчо, которое он и Чармиан хотели превратить в семейную обитель, дарующую постоянную радость, озлобляла его. Он писал Хартвеллу Шиппи, что пытается подавить это чувство, «как я старался победить море, мужчин, женщин, книги и все в жизни, на что я мог поставить свою печать «я так хочу».

Он регулярно стал ездить в Глен-Эллен, в салуны, — в коляске с бубенцами, своим звоном извещавшими о его прибытии. Раз в неделю он отправлялся в Санта-Розу, за шестнадцать миль от дома. Заходя в питейное заведение, он никому не разрешал платить, поэтому толпа завсегдатаев ждала его и встречала криками «Привет, Джек!», а он, помахивая в ответ широкополой шляпой, переходил из салуна в салун. Джек вступал в дискуссии о социализме и сельском хозяйстве, его влекла в Санта-Розе возможность поспорить со знающими людьми, которых можно было встретить в злачных заведениях. Прежде чем отправиться назад, он обходил магазины, скупая редкости и предметы старины, и всех приглашал к себе, а потом во всю лошадиную прыть мчался домой по пыльным грунтовым дорогам.

Существует довольно много описаний его внешности того времени, но вряд ли все они достоверны. Ему исполнилось тридцать пять, на фотографиях он всегда широко улыбается, держится прямо и уверенно, несколько выпятив намечающееся брюшко. Все, кто встречался с ним и принимал участие в застольях Глен-Эллен, говорят о силе и обаянии его личности. Где бы Джек ни появлялся, он тут же оказывался душой разговора; его знания, опыт и живой ум делали его непобедимым в любом споре. После его смерти на адрес Чармиан посыпались письма, авторы которых утверждали, что «ему не было равных среди людей». Тут надо сделать оговорку. Дело не в том, что корреспонденты писали под влиянием сантиментов или желая польстить. Просто время «говорить правду» о властителях дум еще не пришло. Вспоминавшие следовали старому правилу — говорить об умерших только хорошо; другие, следуя тому же правилу, хранили молчание.

Эдмундо Пелузо, в молодости состоявший в окленд-

ской ячейке, писал в начале 20-х годов совсем иное. Он вспоминал о своих посещениях Глен-Эллен и о раблезианском стиле жизни, который там царил: неизменные бродяги и прочие странные субъекты за столом; иногда кормилось по тридцать-сорок человек одновременно. Джек продолжал дискутировать в письмах, но отсутствие глубины мыслей, подкрепленной солидными знаниями, приводило к широковещательным декларациям и неоправданным обобщениям.

Из произведений, созданных им в тот период, ценность представляет немногое. Он по-прежнему выдавал свою тысячу слов в день и требовал аванса, едва заключив договор. У него появилась привычка заранее во всеуслышание расхваливать еще не написанное: «Это будет настоящий шедевр», «абсолютный рекорд», «нечто чистое, свежее, прекрасное и новое». Эта манера называется в записях, которые он делал для себя, — он быстро настроит «грандиозный рассказ», «потрясающую повесть» — и так далее в том же духе. Отчасти это было откровенной бравадой, желанием подтвердить репутацию писателя, который возглавляет список самых популярных и читаемых авторов. Но вещи, так им расхваливаемые, по большей части были наспех состряпанные поделки, что он и сам прекрасно понимал. В 1912 году он поссорился с Макмилланом из-за неправильного расположения фотографий в «Путешествии на «Снарке» и обратился к «Сенчури компани». Они издали четыре его книги, но не сумели наладить с ним отношения так, как это удавалось Бретту. Он решил не возобновлять договор с «Сенчури компани», так как требовать большие авансы стало его привычкой. «Сенчури компани» не расположена была их давать. Он послал телеграмму Бретту с предложением «возобновить отношения на прежней основе», и с тех пор все его книги выходили только у Макмиллана.

Какой бы принцип ни доминировал в жизни Джека, он уже, в сущности, отошел от радикальной деятельности: «По секрету скажу вам прямо: единственная причина того, что мне до сих пор разрешают состоять в социалистической партии, заключается в том, что я никогда не принимал участия в ее политической деятельности». Даже переводя взносы, он твердил, что не поддерживает с социалистами никаких отношений. Однако в то же время настаивал, чтобы его считали социалистом. Когда в 1912 году к нему обратились с просьбой познакомить

со своими убеждениями, он объявил себя сторонником немедленных действий, верящим в насильственный захват власти; он полагал, что уже выполнил свою активную роль. В дела радикалов он вмешивался редко и мало. В феврале 1911 года, взволнованный восстанием в Мексике, он направил в социалистические газеты открытое письмо «Моим дорогим храбрецам — Мексиканским Революционерам». Оно было прекрасно написано и волновало не меньше, чем его лекция «Революция»: «Мы, социалисты, анархисты, хобо, цыплячи воры, изгои и нежелательные элементы Соединенных Штатов, душой и сердцем с вами, стремящимися низвергнуть рабство и тиранию в Мексике. Знайте, с нами в царстве собственности не считаются. Прозвищами, которыми сегодня награждают вас, нас уже наградили давно. Когда богатеи и мошенники принимаются давать прозвища честным людям, храбрым людям, патриотам и мученикам, мы тут же оказываемся цыплячьими ворами или подонками.

Да будет так. Но я со своей стороны хотел бы, чтобы стало больше цыплячьих воров и подонков — таких, как в том доблестном отряде, что захватил Мехикали, таких, как те, кто героически держался в застенках Диаса и кто сражается и погибает, жертвуя собой в сегодняшней Мексике.

Подписываюсь — цыплячий вор и революционер
Джек Лондон».

Письмо получило широкое распространение. Джек давал интервью, декларируя свою симпатию к революционерам, и обессмертил их в блистательном рассказе «Мексиканец». Он был немедленно напечатан в «Сатердей ивнинг пост» и до сих пор остается одним из его самых выдающихся произведений. Но на этом пыл Джека угас...

Джек всегда отвечал сотням честолюбивых писателей, обращавшихся к нему за помощью. Нередко помощь, оказанная им, носила материальный характер: иногда это было денежное вспомоществование, а иногда постоянное пособие. В прежние времена Джек направлял заранее заготовленный ответ тем, кто посылал ему свои сочинения в надежде на критический разбор; в ответе говорилось, что он не может превратиться в «бюро литературной благотворительности». Но, обосновавшись на ранчо, он решил читать каждую прислан-

ную рукопись и поощрять писателей, желающих услышать его суждение. В письмах он давал советы — одно из них, адресованное Максу Феклеру, было опубликовано под заголовком «Письмо молодому писателю». Он регулярно приглашал Феклера в Глен-Эллен, вел с ним длительные беседы и старался «пристроить» его сочинения, как и опусы других незадачливых авторов. Когда же это не удавалось, он отправлял адресату экземпляр книги Ричарда Ле Гальена «Письмо литератору, не добившемуся успеха».

В 1912 году Чармиан вновь ожидала ребенка, но беременность окончилась выкидышем. То был самый последний шанс иметь детей — другого предоставиться уже не могло. Джек больше ни на что не надеялся и никогда не говорил на эту тему. Он начал нежнее относиться к своим юным дочерям. Бесс с детьми жила в доме, который он для них построил; Джек ежемесячно посылал деньги на их содержание и платил по счетам. Изредка он навещал их или брал девочек на прогулку. Но чаще они встречались тогда, когда возникала потребность в деньгах, и тогда неизменно вспыхивали ссоры. Перед концом путешествия на «Снарке» Джек получил два письма от Бесс, просившей его установить новое финансовое соглашение, поскольку она собирается выйти замуж (чего она не сделала). Он ответил ей бешеным письмом в 3500 слов, в котором поклялся, что будет «бороться, бороться, бороться и скорее оставит всех без гроша», чем хоть в чем-нибудь ей уступит.

Он нападал на Бесс за то, что она не позволяет ему часто видеть дочерей. Он хотел, чтобы они приезжали на ранчо; Бесс отвечала, что они этого не желают. Как писала Джоан много лет спустя, они были «пешками в игре, которой никто не понимал». Но когда Бесс согласилась привести девочек и их подруг на пикник, встреча продолжалась недолго, и Джеку не удалось побыть с ними: Чармиан в красной блузке и кепке промчалась на лошади, покрыв пылью гостей и еду. Джек обещал построить коттедж на ранчо и не пускать туда Чармиан, но Бесс, имевшая теперь полное на это основание, была непреклонна. Он прекратил просьбы и излил свой гнев в бурных угрозах: «Чем меньше я встречаюсь со своими детьми, тем меньше я буду их знать, тем меньше я буду ими интересоваться. Из-за того, что ты мешаешь моему общению с девочками, мешаешь мне узнать собственных детей, мой интерес к ним и все, что я мог бы

сделать для них, будет неизмеримо меньше, чем могло быть... Предупреждаю, что ты ведешь себя как собака на сене, позволяя своему прошлому и настоящему отношению ко мне диктовать условия, на которых я могу их видеть, — и все потому, что Чармиан доказала, что может быть лучшей женой и другом, чем ты... Женщина ли ты? Или ты попросту самка, способная приносить в жертву и детей, и их отца своей патологической ревности и ненависти? Индейцы, охотники за головами и каннибалы иногда, на самых низших ступенях развития, воли себя подобным же образом. Неужели ты хочешь им уподобиться?»

Его разочарованность в отцовстве и чувство безысходности росли, но и в других отношениях жизнь была не лучше. Ранчо по-прежнему не приносило дохода, поглощая огромные средства, но отказываясь плодоносить, несмотря на научные методы хозяйства. Внезапно Джек объявил, что уезжает вместе с Чармиан на несколько месяцев в Нью-Йорк, а потом морем вокруг мыса Горн. В Нью-Йорке он поклялся, что случившийся там запой — последний в жизни; он хандрил и чувствовал себя несчастным.

Путешествие сослужило ему службу. Джек выбрал четырехмачтовый барк. Формально пришлось стать членами команды, поскольку барк но имел права перевозить пассажиров; Чармиан значилась стюардессой, а Наката — юнгой. Написав обязательную тысячу слов, Джек вместе со своими спутниками читал или отдыхал на палубе. Через три месяца, проведенных на море, Джек заговорил о том, о чем, по-видимому, постоянно думал и что могло быть главной причиной путешествия. С тех пор как они вышли из Нью-Йорка, он не пил: он должен был доказать себе самому, что не стал пьяницей.

Они вернулись в Глен-Эллен; там их поджидали неполаченные счета и долгие беседы с Элизой. Проблема была одна: добыть денег. Они мечтали о том времени, когда будет достроен «Дом Волка». Каждый день они наблюдали за тяжело груженными повозками, тащившими каменные глыбы в гору. Джек требовал у Брета денег, чтобы поскорее завершить работы: «Крыша каменного дома, который я строю, будет выложена испанской черепицей и обойдется в общей сложности в 3500 долларов». Взяли еще одну закладную. В начале августа 1913 года, когда дом был почти готов, Джек пригласил Гаррисона Фишера его посмотреть: Фишер

сказал, что это самый прекрасный дом на Западе. В пятницу 22 августа почти все рабочие покинули стройку, а уборка и чистка подходила к концу. На следующий день должны были перевозить вещи.

В полночь разбудили Форни, старшего каменщика. «Дом Волка» горел. Когда Форни добежал до каньона, пламя полыхало вовсю; спасти дом было уже невозможно. Примчались Джек, Чармиан и Элиза. Джек следил за тем, чтобы огонь не перекинулся на ближний лес, но больше ничего нельзя было сделать. Все жители округа собрались и оставались до рассвета: у всех на виду рухнула крыша из красной черепицы и стены превратились в дымящиеся развалины. Форни и рабочие-итальянцы рыдали. Только Джек был спокоен — он словно заранее знал, что его мечте не осуществиться. За всю эту ночь он только и сказал: «Предпочитаю быть хозяином сгоревшего дома, чем поджигателем».

Отчего возник пожар, так и осталось неизвестно. Джек, убежденный в огнеупорности материалов, не стал страховать дом, огромные балки красного дерева воспламенялись с трудом, не говоря уже о камне и бетоне. Пожар мог возникнуть из-за неполадок в новой электропроводке. Форни предположил, что пропитанная скипидаром ветошь, которой протирали и чистили дерево, могла самовоспламениться. Однако все говорит за то, что дом подожгли. Вокруг было немало затаивших обиду, недовольных бродяг, людей, с которыми Джек днем рассорился. Несколько недель после пожара он получал анонимные письма, обвинявшие многих — называли и Форни. Все были уверены, что пожар не случайность, а жестокая месть.

Но не все выразили сочувствие. Во-первых, социалистическая пресса. Она осуждала затею с «Домом Волка». Для социалистов он был вульгарным замком богача, который подошел бы Херсту, но не годился для того, кто называл себя «цыплячьим вором и революционером». Раздражение вызывали не только размеры дома и его великолепие, но и суммы, затраченные на его постройку, — более 70 000 долларов, и это тогда, когда социалистическое движение отчаянно нуждалось в средствах. Джек отвечал, что ни «Дом Волка», ни «Ранчо Красоты» не являются капиталистической собственностью, приобретенной за счет прибылей, нажитых на труде рабочих; он заработал эти деньги собственным трудом. Но на радикалов это не произвело впечатления.

Дом был основным узлом обид, конфликтов и противоречий между Джеком и социалистами; многие из них намекали, что пожар был актом справедливости.

Упавший духом и несчастный, он очень надеялся получить хоть несколько сочувственных слов от дочерей. Бесс могла бы объяснить им, что они должны выразить отцу соболезнование, и очевидно, несчастье сблизило бы их. Ни строчки. Спустя два дня, еще не встав с постели, он писал Джоан: «Мой дом, в котором так никто и не жил, сгорел дотла, а от тебя я не получил ни слова. Когда ты болела, я навещал тебя. Я принес тебе канарейку и цветы.

Теперь я болен, а ты молчишь. Мой дом — моя мечта — уничтожен. А тебе и сказать нечего...

Джоан, дочь моя, пожалуйста, запомни, что мир принадлежит честным, правдивым и справедливым, тем, кто громко говорит правду, тем же, кто молчит, лжет и обманывает своим молчанием, превращая любовь в посмешище, а отца — в право на бесплатный обед, тем мир никогда не будет принадлежать.

Не думаешь ли ты, что мне пора наконец получить от тебя весточку? Или ты хочешь, чтобы я навсегда потерял к тебе интерес?»

Джоан к тому времени исполнилось двенадцать лет. Она сразу же ответила ему, прося понять ее трудное положение. Ответ рассердил Джека, но связь между ними все же наладилась. Он снова написал, и она опять ответила; они продолжали переписываться до самой смерти Джека. Это было единственным утешением в постигшем его горе — утрате «Дома Волка».

12. ОТРЕЧЕНИЕ

1913 год оказался «самым плохим годом». Помимо пожара, его страшной кульминации, Джека постигли другие бедствия — бесконечные болезни и ссоры, неудачи на ранчо и в остальных делах. У него случился аппендицит. Призовую племенную жеребую кобылу нашли на пастбище пристреленной. Урожай был на корню погублен засухой, которая к тому же способствовала размножению вредителей, поразивших виноградники.

Положение Джека было серьезным. После пожара он вполне мог объявить себя банкротом, но решил спол-

на уплатить подрядчикам. Он задолжал более 100 000 долларов, но траты не уменьшались. У него был доход богатого человека. Кроме гонораров, которые приносили книги и журнальные публикации в Америке, Джек получал деньги за издание своих произведений почти во всем мире. Он писал Бернарду Шоу, Г. Уэллсу, Уинстону Черчиллю и другим известным писателям, конфиденциально спрашивая, как платят им английские и американские издатели. В 1913 году он заработал примерно 75 000 долларов, но истратил вдвое больше.

Ему приходилось содержать четыре дома. Флору, жившую в Окленде с «мамой Дженни», которая присматривала за ней. Затем Бесс: по мере того как девочки подрастали, расходы увеличивались. Элиза со своим сыном жила в коттедже на территории ранчо. Все вместе взятое составляло довольно тяжелое бремя, но все же меньшее, чем остальные расходы. Главным источником расходов оставалась щедрость Джека. Он поддерживал целое племя бродяг, раздавал деньги и подарки любому встречному, кормил и поил гостей. Дорого обходилась и его мечта о великолепии «Ранчо Красоты». За несколько месяцев до пожара он снова написал Бретту, прося денег. Что-то должно уйти на «Дом Волка», но главное — надо уплатить за только что приобретенные 500 акров земли (теперь его владения простираются до вершины горы Сонома) и за «самого лучшего в мире жеребца-производителя, какого я видел. Это английский тяжеловоз. Я купил его за 2500 долларов».

Ему постоянно предлагали всевозможные «деловые» проекты. Джек как-то заметил одному из журналистов: «Я получаю ежегодно примерно сто предложений, сулящих золотые горы, а кроме того, не меньше ста проектов вечных двигателей и других изобретений, включая лекарства от всех болезней». Однако он и сам увлекался подобными идеями: мексиканская земельная реформа и кампания надежных займов вместе обошлись ему в 1913 году в 10 000 долларов. За год до этого он вложил деньги в «Миллерграф» — новый фотомеханический способ печати, с которым его познакомил Джозеф Ноэл, «очень близкий, очень старый и очень верный друг»; дело лопнуло, и дружба закончилась.

В начале 1913 года Джек с актером Гобартом Босвортом основал компанию по экранизации своих книг. Прося у Бретта очередные 2500 долларов, он писал:

«Если затея с кинематографом оправдает хотя бы на одну пятую наши теперешние надежды, я не буду беспокоить вас из-за авансов в течение нескольких лет». Они предполагали начать с «Морского волка» с Босвортом в роли Ларсена. Неприятности начались немедленно. Выяснилось, что «Бальбоа Эмьюзмент продьюсинг компани» делает одноименный фильм без ссылки на автора и при этом не нарушает закона, по которому автор утрачивал право на свое произведение после журнальной публикации.

Джек находился под огромным впечатлением от игры Босворта, но считал, что о фильме не может быть речи, пока есть закон, разрешающий пиратское использование литературных произведений. Он вступил в недавно организованную Лигу американских писателей и разослал своим издателям письма с просьбой пересмотреть их договоры с ним и уступить ему права на все его произведения. Он повел самую ожесточенную борьбу за «Морского волка», съездил в Нью-Йорк, где в первый раз за много лет встретился с Анной Струнковой (она была замужем за «социалистом-миллионером» Уильямом Инглишем Уоллингом). Процесс против «Бальбоа компани» он выиграл. Их фильм показали одновременно с картиной Босворта, хотя его пришлось переименовать в «Дьявольский корабль», что, естественно, повлияло на популярность картины. Вмешательство Джека оказалось весомым вкладом в борьбу, которую вела Лига.

Все это, однако, увеличивало список потерь и расходов «самого плохого года». Джек поговаривал о постройке «Дома Волка» заново, но без особой уверенности. Он был готов, как всегда, залезть в долги, но все деньги, какие ему удавалось достать, уходили на борьбу с угнетавшим его кризисом. Он опять предпринял путешествие вдоль побережья на «Ромере» вместе с Чармиан и Накатой. Джоан приписывает его возрастающую тягу к странствиям, к «уединению» потребности забыть разочарования и необходимости решить, как жить дальше. Возможно, она в чем-то права, но главная причина представляется куда более прозаической: Джека преследовали кредиторы. Во время одного из путешествий он писал: «Делаю бешеные деньги, чтобы сводить концы с концами. Я боюсь возвращаться из-за судебных повесток, ожидающих меня. За каждым углом меня подстерегает судебный исполнитель». А Чармиан говорил: «В финансовых делах я сам себе вырыл яму; но я не

беспокоюсь — ты ведь знаешь, что я в ней никогда не засиживался. Буду работать еще больше».

Это, по-видимому, и определило его решение отправиться военным корреспондентом в Мексику. Сначала он получил предложение от концерна Херста. Когда Америка послала войска и военные корабли, чтобы захватить Вера-Крус, а Вилья и Сапата подняли народное восстание, Джек принял предложение «Кольерс», в условиях которого входили немедленный отъезд, оплаченные расходы и 100 долларов в неделю. Существует мнение, основанное на свидетельстве Чармиан, что таким образом Джек жаждал взять реванш за неудачу в Японии в 1904 году. Гораздо вероятнее, что он просто ухватился за возможность уехать и заработать деньги. В соглашении с «Кольерс» было оговорено, что он одновременно продолжает работать и над художественными произведениями.

17 апреля 1914 года он направился в Галвестон, чтобы получить корреспондентскую карточку и отплыть на транспортном военном корабле в Вера-Крус. Удостоверения Джеку не выдали, хотя других корреспондентов ими уже снабдили, и они были готовы к отплытию. Всякий раз, когда Джек пытался обратиться к генералу Фанстону, адъютант его выпроваживал. Наконец Ричард Хардинг Дэвис, помогший Джеку в Японии, открыл ему глаза. Оказалось, что удостоверение задерживается из-за «Примерного солдата», статьи с нападками на милитаризм, которая распространялась теперь в виде листовки, а первоначально появилась в «Интернэшнл социэлист ревью» в октябре 1913 года и была подписана «Джек Лондон».

Встретившись с Фанстоном, Джек яростно отрицал свое авторство: «Я дал ему честное слово, что не писал эту «утку», и, поверив моему честному слову, он на свою ответственность включил меня в уже укомплектованный корпус корреспондентов». Джек сел на военный корабль, а Чармиан, приехавшая вместе с ним в Галвестон, отплыла на пароходе «Ралф коуст компани», чтобы встретиться с ним в Вера-Крус. Когда они туда прибыли, война уже кончилась. Американское правительство не собиралось захватывать Мехико; для преследуемых целей оказалось достаточно простой демонстрации силы. Джек остался в Вера-Крус и посылал статьи в «Кольерс», но через два месяца заболел и вернулся в Калифорнию.

Он по-прежнему настаивал, что «Примерного солдата» написал другой. По приезде домой он сразу же поместил в «Арми энд нэйви джорнэл» опровержение, где назвал это сочинение одним из «тысячи образцов прямой лжи и газетных уток», которые связывались с его именем в течение многих лет. Когда разразилась «великая война», он столь же настойчиво продолжал отрицать свое авторство и в конце концов многих убедил, что немцы сами состряпали «Примерного солдата» и приписали ему.

Одним из самых серьезных доказательств, что именно он автор статьи, является язык произведения:

«Юноши! Самое плохое, что может случиться с вами в жизни, — это стать солдатом. Примерный солдат никогда не старается отличить хорошее от плохого. Он никогда не думает и не рассуждает, а только подчиняется. Если ему прикажут стрелять в своих сограждан, друзей, соседей, родственников, он выполнит приказ без колебаний.

Если ему прикажут стрелять по уличной толпе, состоящей из голодных, требующих хлеба, он выполнит приказ и увидит седины, обгаренные кровью, узрит жизнь, истекающую вместе с алой кровью из груди женщины, и не почувствует при этом ни сожаления, ни угрызений совести.

Если ему доведется быть во взводе, которому приказано расстрелять героя или человека, творившего благо, он выстрелит без колебаний, хотя и сознавая, что его пуля пронзит благороднейшее сердце, которое когда-либо билось в человеческой груди.

Примерный солдат — слепое, бессердечное, бездушное орудие смерти. Он не человек. Но и не животное, ибо животное убивает, только защищаясь...»

Заметно общее сходство со стилем Джека. Высказывались предположения, что стиль был имитирован, что это испорченный Джек Лондон, но именно так он и писал тогда. Как ни странно, его манеру очень легко воспроизвести. Чармиан в своей книге, вероятно бессознательно, подражает стилю его писем и заметок. Эдвард Пейн выпустил спиритуалистический трактат, озаглавленный «Душа Джека Лондона», в котором утверждал, что получал послания от Джека после его смерти; в них действительно можно заметить сходство со стилем Лондона, хотя стилем не лучших его произведений...

Американская Социалистическая партия осудила интервенцию США и нефтепромышленников. «У рабочих Соединенных Штатов нет никаких оснований для вражды с мексиканскими рабочими», — говорилось в ее заявлении. В журнале «Мэссиз» Джон Рид, находившийся в армии Панчо Вилья, призывал американских радикалов поддержать мексиканских повстанцев — Джек делал то же самое три года назад. Эти высказывания и призывы, по-видимому, следует оценивать с учетом опыта борьбы за независимость в более поздние годы XX века. Если бы повстанцы победили, их правительство стало бы в интересах национальной экономики разрабатывать нефтяные месторождения и пеоны, возможно, были бы разочарованы. Однако в тот исторический момент крайние проявления открытой империалистической политики вызывали негодование, и переход Джека Лондона в лагерь противника не мог не вызвать болезненной реакции.

Эптон Синклер считал, что переход Джека на другие позиции был неким самообманом, что его взгляды в основном не изменились: «Капиталистический делец, считающийся на поддержку Джека Лондона, похож на ребенка, играющего на фабрике взрывчатки». Но это уже не соответствовало действительности. Перемена началась давно, и очень немногие отдавали себе отчет в происшедшем. В какой-то мере Джеку удавалось скрывать перемену во взглядах, поскольку он продолжал именовать себя социалистом и иногда запевал боевую песнь восстания. Но им владели жажда превосходства, желание видеть мир, управляемый сильнейшими и лучшими, и уверенность, что он из их числа. Чармиан сообщает о его восхищении прошлым с его политикой силы: «Из этого материала сделана ты, белая женщина, и я, и все мы, кто побеждает себя и обстоятельства!»

В перемене его позиций сыграло роль и другое. Он устал, был несчастен и озабочен материальными делами; он все больше и больше пил и слабел физически. Его ум обленился, и Джек уже не искал первопричины всего того, что произошло. Он окружил себя людьми, которые восхищались силой его интеллекта, слепо им веря, и отдалился от тех, с кем мог бы оттачивать его.

Он вернулся в Глен-Эллен больной плевритом и дизентерией. Осень провел на «Ромере», кончая роман, о котором говорил, что тот будет несравненно выше всех

его прежних произведений. «Я почти уверен, что именно к этому я шел всю свою писательскую жизнь и теперь накануне свершения. Книгу от начала до конца пронизывает издавна присущая мне энергия, хотя трудно поверить, что именно я ее написал — она необычайно свежа, но очень отличается от того, что я писал раньше». Речь идет о «Маленькой хозяйке Большого дома». Это любовная история, полная дешевой сентиментальности, написанная уверенно и небрежно, действие которой происходит на ранчо. Изданную в 1913 году «Лунную долину» критиковали за те же недостатки, но она не вызвала такого разочарования, как «Маленькая хозяйка». Андре Трюдон из «Нью-Ревью» связывал творческий упадок Джека с признаниями, содержащимися в «Джоне Ячменное Зерно». Более того, в этой статье откровенно говорилось о том, что он исписался: «Я понимаю, что с творчеством Лондона что-то случилось. Его лексика оскудела, воображение как будто покинуло его, он откровенно повторяется, его рассказы стали столь же благополучны, как и у любого другого популярного беллетриста. Прочтите «Джон Ячменное Зерно», и вы сразу же увидите, что гнетет автора. Он сам вам все расскажет, и трагедия заключается в том, что он, кажется, и сам не понимает, как далеко зашел по этому пути».

Когда он был в отъезде, Элиза послала ему по почте ультиматум: бродяги или она. Джек нанимал их в разное время поодиночке, но теперь они все оказались у нее под началом, и она не могла ни платить им, ни заставить работать. Джек уступил без сопротивления. Он понимал, что стал жертвой паразитов, хотя и делал вид, что его это не волнует. После пожара «Дома Волка» он пришел к заключению, что, возможно, виновником был кто-то из тех, кому он покровительствовал. На его счет делалось большинство покупок в деревенских лавках, о чем он до сих пор не знал. Он согласился, чтобы Элиза сама, без его вмешательства, занималась наймом и увольнением рабочих.

Изменилось и отношение Джека к ранчо. Оно все еще интересовало его, здесь он ездил верхом, упиваясь «красотой своих владений», но после 1913 года он понимал, что ранчо не принесет ему дохода. Сначала он полагал, что сумеет возродить земледелие и скотоводство в Калифорнии и на том разбогатеет: «Владелец ранчо, который выводит хорошее поголовье скота и береж-

но относится к земле, может быть уверен в успехе». В припадке энтузиазма он возводил силосные башни и образцовые свинарники и закупал скот, но сам не знал, что это: отдых или мотовство. В конце 1914 года он писал Бретту: «Чертовски тяжело объяснить моим друзьям, что значит для меня ранчо. Дело вовсе не в доходе. Моя самая безрассудная, тщетная, несбыточная надежда состоит в том, что через шесть или семь лет ранчо себя оправдает и не будет приносить убытки. Оно значит для меня примерно то же, что для других актрисы, скаковые лошади или коллекционирование марок».

Когда в 1914 году началась война, он обратился к «Кольерс» — ему хотелось поехать корреспондентом в Европу. Но ему ответили, что ни одна из воюющих сторон не предусматривает наличие журналистов на фронте; время военных корреспондентов прошло. Джек, подобно многим другим, считал, что большой войны быть не может. В посмертно опубликованном эссе «Движение человечества» он утверждает, что современное оружие придает войне такой характер, который человек, «обладающий высшей мудростью и высокой моралью», отвергнет. Когда началась война, он принял сторону Англии и резко выступал против Германии. Поразительно его заявление: «В настоящее время цивилизованный мир проходит очищение, как в троицын день, и это очищение может принести человечеству только благо».

Сам же Джек был болен. Его мучила уремия и приступы ревматизма. Он заметно потолстел. В 1902 году, в двадцать шесть лет, он весил сто семьдесят фунтов, в тридцать девять лет — около двухсот, и это при росте пять футов девять дюймов. Ему пришлось в голову переменить климат. Вместе с Чармиан они провели часть января 1915 года на «Ромере», скрываясь от кредиторов; Джек готовился к отъезду в Панаму, вновь по заданию Херста. Чармиан, не желая оставаться одна на ранчо, решила навестить кузину, жившую на Гавайях; однако поездка в Панаму сорвалась, и Джек присоединился к ней.

Они пробыли там пять месяцев и вновь возвратились туда в следующем году. Джек заговорил о переезде на Гавайи, где он хотел поселиться навсегда. Он работал над двумя рассказами о собаках, позднейшими вариациями «Зова предков» и «Белого клыка», действие которых происходило на островах Южных морей. Их существование на Гавайях носило странный, непри-

метный характер — продолжительный отдых в надежде на поправку здоровья, лежание на пляже в ярких кимоно, его выпивки в яхт-клубе, бридж вместо покера. Он чувствовал себя все так же, и нервное напряжение не покидало его. Он принялся за чтение Фрейда, Юнга и других психоаналитиков. Он непрерывно звал Чармиан, чтобы прочесть вслух тот или иной отрывок; временами он так взвинчивал себя, что ей приходилось оставлять его в одиночестве.

Во время отдыха он написал, по существу, свое последнее политическое произведение. Сделано это было в качестве личного одолжения. Эптон Синклер составил антологию, посвященную общественным проблемам, и назвал ее «Взывая к справедливости»; он послал ее Джеку и попросил его написать предисловие. Мнения о качестве предисловия разошлись. Естественно, высоко оценил его сам Синклер, а Филин Фонер в 1947 году писал о нем как «об одном из самых волнующих и поэтических произведений, вышедших из-под пера Лондона». Другие, напротив, считают, что предисловие полно банальностей и написано слабо, отмечают, что здесь нет ни одного упоминания о социализме, а в качестве средства борьбы против социальной несправедливости предлагаются «служение делу» и «благородство мыслей».

Когда супруги в июле вернулись в Глен-Эллен, было тепло, и Джек решил, что им надо купаться в открытом бассейне на лужайке. Он велел Элизе нанять бригаду рабочих для постройки бревенчатой раздевалки из шести кабинок и провести водопровод для двух душей. Под его руководством все было сделано за три дня. Доктора рекомендовали ему гольф в качестве оздоровительного средства; он послал десятника найти подходящее место для площадки и заявил, что сам ее разметит. Клуб «Богема» собрался устроить очередной «День бурного веселья» — летний пикник на Рашен-ривер к северу от Сан-Франциско. Джек принял в нем участие и вернулся в обществе художника Ксавьера Мартинеса, Джорджа Стерлинга и еще нескольких человек, оставшихся на ранчо, где начался долгий запой.

Его мания войны усилилась после гибели «Лузитании» (это было во время их каникул на Гавайях) и убийства медсестры Кэвелл. Вновь возник призрак «Примерного солдата», и любое упоминание о нем вызывало у Джека поток сердитых писем. В 1916 году, от-

вечая на вопросы армейского офицера, он почти отрицал какую-либо причастность к политике: «Насколько я представляю себе историю этого произведения, его первоначально издали и распространили в Германии, а потом доставили в Соединенные Штаты в переводе на английский и с добавлением моего имени. И уже отсюда оно пошло гулять по свету. Если вы прочтете мои книги и газетные репортажи, то узнаете, что для газет я писал исключительно военные корреспонденции и отчеты о поединках боксеров-профессионалов и что критики превозносят меня как отца прозы «красной крови».

В Социалистической партии по поводу войны возникли разногласия. Доводы и личные примеры социал-демократических лидеров Европы возымели свое действие; не последнюю роль сыграл тут и чисто эмоциональный подход. Ввиду наличия разных точек зрения в руководстве партии Национальный Исполнительный комитет поставил эту проблему на референдум осенью 1915 года. Раскол был вызван вопросом, следует ли исключать члена партии, если он, участвуя в выборных государственных органах, голосовал за ассигнования на военные цели. Многие во время референдума воздержались, но большинство проголосовало «за».

Джек пришел в ярость. Он пригрозил отправиться в Нью-Йорк и задать жару тамошним радикалам. Выход Эдварда Пейна из партии ускорил и его собственный. Пейн вступил в местную ячейку в Глен-Эллен, скорее всего, потому, что находился под влиянием Джека; трудно вообразить, чтобы он разделял идеи социализма. Пейн вышел из рядов партии не в связи с войной, а потому, что не одобрял агрессивного тона полемики. Джек узнал об этом на Гавайях и продиктовал следующее заявление: «Я только что узнал о недавнем выходе товарища Эдварда Б. Пейна из рядов местной ячейки, точная дата не указана».

Настоящим письмом сообщаю о своем выходе из рядов местной организации в Глен-Эллен по совершенно противоположной причине, нежели товарищ Пейн. Я выхожу из партии, ибо она утратила свой боевой пыл и дух и перестала уделять внимание классово-борьбе.

Первоначально я состоял членом старой, революционной, твердо стоящей на ногах, боевой Социалистической Рабочей партии. С тех пор и по настоящее время я был активным членом Социалистической партии. Мои заслуги в борьбе за общее Дело и сегодня, по прошест-

вии немалого времени, еще не окончательно забыты. Воспитанный в традициях классовой борьбы, как она велась Социалистической Рабочей партией (и, по-моему, велась правильно), я верю, что, сражаясь и сплачиваясь, не вступая в соглашение с врагом, рабочий класс мог бы завоевать себе свободу. В связи с тем, что за последние годы социалистическое движение в Соединенных Штатах перешло на позиции примиренчества и компромисса, мой разум более не одобряет пребывания в партийных рядах. Таковы причины моего выхода из партии.

Вместе со мной выходит из партии и моя жена, товарищ Чармиан К. Лондон.

И последнее. Справедливость, свобода и независимость по природе своей столь грандиозны, что не могут быть ни подарены, ни навязаны расам или классам. Если угнетенные расы или классы не восстанут и усилиями своего разума и мускулов не вырвут справедливость, свободу и независимость у мира, они никогда не получат их вовремя; а если эти грандиозные по самой природе своей явления власть имущие щедро преподнесут им на серебряном блюде, они не будут знать, что с ними делать, не сумеют их использовать и останутся тем, чем были в прошлом, — низшими расами и низшими классами.

Ваш для Революции
Джек Лондон».

В письме довольно много интересного. В нем не упоминается война и отношение к ней. Взятое вне исторического контекста, оно кажется явным утверждением социалистических принципов в противоположность оппортунизму и духу компромиссов, разъедающим эти принципы. Более того, Джек и раньше критиковал руководство партии, заботившееся в первую очередь о респектабельности, а не о революции; в письме 1913 года он замечал, что социалистическое движение в Америке, кажется, «обречено превратиться в оплот консерватизма». Неужели прозорливость Джека в тот момент помогла ему подняться над предрассудками и пристрастиями, и его последнее заявление стало первым, в котором он увидел Социалистическую партию такой, какой ей всегда следовало быть?

Джек высказал много больше, чем просто несогласие по одному конкретному поводу, он выразил чувство

недовольства, которое социалистическое движение вызывало у него еще десять лет назад. Верно, что движению всегда не хватало боевого духа классовой борьбы; за исключением немногих ученых-марксистов оно состояло преимущественно из людей радикальных взглядов, но без ясной цели, поэтому критика Джека была справедлива. Однако, изложив свои идеи в общей форме, он умолчал о том, чего хотел от социалистического движения и рабочего класса: он не пояснил, как они должны были бороться и против каких врагов. Каков бы ни был ответ, ясно, что важную его часть составляла поддержка Англии в войне с Германией.

Тон письма сделал разрыв необратимым. Раскол в Социалистической партии по вопросу отношения к войне увеличивался, многие вышли из ее рядов. Но те, кто соглашался с Джеком и хотел, чтобы Америка вступила в войну, как раз были сторонниками тактики компромиссов, чей политический радикализм вовсе не предполагал классовой борьбы. Число революционеров, которые выступали против войны, но чьи убеждения полностью совпадали с высказанными им в последнем абзаце письма, было невелико. Таким образом, не приняв по разным причинам позиции обеих сторон, он разорвал еще сохранившиеся связи.

13. НА ПОРОГЕ СМЕРТИ

Джек приглашал Джоан пожить вместе с ним и Чармиан на ранчо. В своих письмах он настоятельно требовал, чтобы она высказала свое отношение к нему и ответила на поставленные им вопросы: «Ты хнычешь, что тебе всего двенадцать лет. Дорогая дочка Джоан, имей в виду, что Правда никогда не хнычет. Кроме того, дорогая моя дочка Джоан, если ты храбро взываешь к Правде, не бойся ее и не хнычь, когда она явится на твой зов».

Однажды воскресным вечером он отправился в Пидмонт и с ведома Бесс пригласил Джоан пожить у него. Через несколько недель Джоан ответила, что ей хорошо у матери и она не хочет никуда ехать. Джек был вне себя от бессильной ярости. Трудно с чем-нибудь сравнить те пространные, полные мстительных обвинений письма, которые он посылал тогда Джоан. Его письма к Бесс, резкие, как обычно, имеют оттенок буффонады —

как будто он получал удовольствие, изобретая обидные фразы. Письма к Джоан, продиктованные больным рас­судком человека, лишенного того, к чему он больше всего стремился, недобры.

Он писал ей о том, как объезжают жеребенка. Во время объездки животное должно избавиться от дурных привычек, но, если ничего не получается, выход один: «Отпустить жеребенка. Пристрелить, продать, избавиться от него. Что касается меня, то я больше жеребятами не занимаюсь». Вот так же, сообщал он дочери, он от­рекся и от нее: «Увы, подобно жеребенку, ты уже испорчена своим тренером. Тебе лгали, тебя обманывали. Я знаю, это не твоя вина (мне очень жаль). Но когда тебе пришлось решать (вовсе не выбирая между матерью или мной), могу ли я немного помочь и подгото­вить тебя к скачке большого мира, ты уже была на­столько испорчена своим тренером, что от­казалась. Это не твоя вина. Тебя так воспитали. И твоя мать не ви­новата — она глупа от рождения, глупо живет и умрет в глупости.

Не знаю, погибнешь ли ты от неумной безропотности. Я твердо знаю, что до сих пор ты проявляла исключи­тельную покорность своему тренеру. Можно обманывать и дурачить своего тренера и в то же время быть им испорченной. Думаю только, что ты слишком дипломатич­на, чтобы за что-нибудь погибнуть... Если ты будешь умирать и позовешь меня, я обязательно приду; при этом меня не волнует, придешь ли ты к моему смерт­ному одру. Испорченный жеребенок — это всего лишь испорченный жеребенок, а я их не люблю».

Он не желал ничего больше слышать о ее успехах в школе и не предлагал послать ее в университет. «В во­семнадцать-двадцать лет она превратится в «иссохшее от умственности, жеманное создание женского пола».

Все это могло причинить боль и зрелому человеку, а на ребенка должно было оказать страшное действие. Тем не менее переписка продолжалась. Джоан было ве­лено просить у отца денег на платье и учебники. Его ответы свидетельствуют о финансовых затруднениях. Однажды он, жалуясь на них, отказал ей в совсем незна­чительной сумме, в другой раз послал ей четыре с поло­виной доллара, после чего у него в банке осталось всего три доллара сорок шесть центов. Случалось, он бывал настроен щедрее и великодушнее, хотел, чтобы у нее был «возвышенный ум, благородство, прекрасное тело, и в

придачу ко всему остальному прекрасно одетое тело». В конце концов их взаимоотношения достигли той стадии, когда они неплохо ладили друг с другом на почти-тельном расстоянии — Джоан по крайней мере выказывает отцу приязнь, а Джек понимает, что только ожесточит ее, если опять примется за нападки.

Они с Чармиан пробыли на Гавайях с марта по август 1916 года. Они находились еще там, когда его письмо о выходе из Социалистической партии появилось в «Нью-Йорк колл». Там же был напечатан ответ, в котором утверждалось, что суровая критика Джека слишком «туманна и обща» и практически бессмысленна. Его слова о борьбе обернулись против него, ибо ему напомнили, что он сам, с тех пор как стал знаменитостью, совершенно отошел от борьбы. «Мы можем только заверить его в том, что, несмотря на его скучное и мирное членство в организации Глен-Эллен, рабочие в шахтах, в цехах заводов и фабрик, рядовые члены Социалистической партии сражаются, но их борьба не всегда может стать сюжетом для журнального очерка или фильма, зато она постоянна, решительна, бескомпромиссна, хоть и неприметна, это борьба долгая и упорная, плечом к плечу. Долгой тебе жизни, друг Лондон, и сбереги свой боевой дух до того дня, когда миллионами безвестных будет расчищен путь к победе — в тот день ты, наверное, снова окажешься с нами. Мы же будем и дальше делать все от нас зависящее, чтобы ты поскорее увидел этот день».

Он был уязвлен, но промолчал. Единственное его упоминание об этом содержится в записке, сопровождающей предисловие Джека к книге Александра Беркмана «Тюремные воспоминания анархиста». Беркман отверг предисловие, найдя его недостаточно благожелательным, и Джек отправил его в радикальный журнал, приписав: «Они отрицают, что я когда-либо помогал общему Делу, утверждая одновременно, что все годы нашего знакомства я казался им Мечтателем... Я мечтал лишь о том, чтобы мои товарищи были честны в мыслях. Пробудившись от мечты, я заметил, сколь они несправедливы, когда затрагиваются их предубеждения — точь-в-точь как все то стадо, которое составляет сегодня большую часть человечества».

Трудно сказать, насколько тяжело он был болен. «Уремия» — неточный термин, включающий ряд симптомов и изменений, возникающих в организме вследствие неспособности почек нормально выполнять свои функ-

ции. Джек всегда гордился своим «железным желудком», который теперь не принимал пищу. Однажды ранним утром на Гавайях его скрутила острая боль, вызванная камнями в почках. Чармиан писала, что болезнь, «если ее не обуздать, будет иметь летальный исход». В последних главах своей книги она подтверждает свою версию смерти Джека, делая, естественно, упор на болезни и почти не упоминая об алкоголе и психологическом факторе. То, что он был болен, сомнений не вызывает. Сохранилась фотография тех дней, на которой он сидит в кимоно под перголой. Подпись Чармиан гласит, что фотография запечатлела «императорское величие Джека Лондона». В позе действительно есть некоторая величавость. Но безжизненное лицо обрюзгло, резкие тени делают его похожим на маску.

Между ним и Чармиан не все шло гладко. Жить с тем человеком, в которого он превратился, было почти невозможно; можно только догадываться, какие раны он наносил, какую боль причинял. С другой стороны, и Чармиан в домашней обстановке оставляла желать лучшего. Во время поездок верхом и морских путешествий она была идеальным товарищем. Джек преклонялся перед ее выносливостью и твердостью характера. Но на ранчо или на Гавайях, где основным времяпрепровождением были приемы и бранди, она становилась безучастной и в то же время очень обидчивой.

С тех пор как они были женаты, большую часть времени Чармиан отдавала секретарским обязанностям. Вначале она горела желанием ему помогать; когда они путешествовали, польза от участия Чармиан в делах Джека была очевидна. Она настояла на том, чтобы выполнять свои обязанности и в дальнейшем, когда объем секретарской работы значительно возрос, — одной из причин ее настойчивости, несомненно, было нежелание близко допустить другую женщину к Джеку. В последний год жизни мужа она передала эту работу Джону Берну, мужу Айды, покойной единокровной сестры Джека. Еще не так давно Чармиан сопровождала Джека повсюду, теперь она отказывалась уезжать с ним. Бывали такие периоды, когда они почти не виделись.

В Глен-Эллен супруги возвратились в августе, чтобы успеть побывать на летнем сборище клуба «Богема» и на ярмарке в Сакраменто, где должен был демонстрироваться племенной скот Джека. Он сам не смог присутствовать на ярмарке из-за приступа ревматизма. Хотя

выставленные им животные и получили призы, ранчо преследовали несчастья. Все свиньи погибли от пневмонии, подхваченной, как считалось, на каменном полу роскошного, похожего на дворец свинарника. В октябре пал великолепный английский жеребец-битюг. Другая прекрасная лошадь заболела ревматизмом и вышла из строя. Фактически вся затея Джека с битюгами провалилась. Он надеялся, что его план улучшения породы увеличит поголовье и восстановит в правах репутацию ломовых лошадей. Вместо этого лошадей начали заменять тракторами.

Ко всему прочему ему пришлось участвовать в судебном разбирательстве по поводу плотины, которую он соорудил на склоне холма. Иск возбудили Нинетта и Эдвард Пейн. Жалуясь, что плотина задерживает воду, которая им необходима, они получили поддержку соседей и обратились в суд, надеясь добиться решения о ее сносе. Джеку пришлось торчать в суде. После одного заседания он вернулся домой и потерял сознание. Чтобы заглушить боль, он начал принимать наркотические средства, а их воздействие наряду с другими болезненными симптомами порождало приступы жалости к самому себе, чередовавшиеся с дурным, сварливым настроением. Он придирался к любому пустяку, чтобы затеять ссору, взвинчивал себя до бешенства, а потом впадал в беспросветную тоску.

В редкие минуты приподнятого настроения он обдумывал планы новых книг, жизни на ранчо, своего и Чармиан будущего. После войны он собирался завести трехмачтовую шхуну, на которой нашлось бы место для огромного рояля, вместительной моторной лодки, автомобиля, доктора и слуги, на которой они могли бы плавать вокруг света годами. Он купил вместительный неогороженный шкаф для хранения бумаг и встроил его в стену с камином. Поблизости продавался еще участок, и Джек подумывал купить его, построить там школу и универсальный магазин, чтобы на ранчо можно было жить замкнуто, не общаясь с внешним миром. Какие-то дурные слухи дошли до жены Эптона Синклера, Крэг. Она сказала мужу: «По-моему, он в беде. Думаю, тебе нужно его повидать». Синклер написал Джорджу Стерлингу, который посоветовал ему не вмешиваться. Он сам перестал бывать в Глен-Эллен. Джек стал ему чужим, даже Стерлинг не мог выдерживать установившийся на ранчо ритуал бесконечных коктейлей. И все же некото-

рые гости ранчо ощущали былое тепло и очарование, слушая, как Джек читал стихи из антологии Перси «Памятники древнеанглийской поэзии». Он коробками покупал граммофонные пластинки, в основном оперы, и мог часами сидеть на застекленной веранде, а слуга ставил их одну за другой.

Сам Джек, более чем кто-либо другой, отдавал себе отчет в своем возможном психическом расстройстве. Он ничего не предпринимал, чтобы побороть физическое недомогание, и его желудок постоянно отвергал пищу, которую он жадно поглощал. Зато Джек внимательно изучал статьи и книги по психоанализу. Чармиан была и источником его ярости, и утешительницей, с которой он делился своими страхами. С врачами он не советовался, опасаясь подтверждения того, что сходит с ума. Совершенно измучившись, он доверился Элизе, и ей пришлось пообещать, что, если наступит безумие, она не отправит его в сумасшедший дом, а будет сама ухаживать за ним. В предисловии доктора Беатрис Хинкл к «Психологии подсознательного» Юнга он жирно подчеркнул слова «Ум и воля, которые позволяют человеку заглянуть в его обнаженную душу и вынести страдания и боль, этим вызванные». Одинокий мальчик стал одиноким мужчиной. Однажды Элиза сказала ему: «Джек, ты самый одинокий человек на свете, у тебя никогда не было того, чего жаждало твое сердце». Он постоянно говорил о смерти и отстаивал право на самоубийство. Обсудив свои творческие планы с редактором одного журнала, он заметил: «Безносая всегда рядом». Теперь, вероятно, он размышлял о своей жизни с отчаянием и страхом.

21 ноября 1916 года он целый день не выходил из дому, а всю вторую половину дня проспал. Под вечер к нему пришла Элиза поговорить о делах на ранчо. Джек сразу заговорил о своей идее основать коммуны. Очень оживившись, он продолжал рассуждать об этом до самого ужина. После ухода Элизы Джек отказался от еды и взволнованно описывал Чармиан все, что собирается сделать. Затем как бы сама по себе его энергия иссякла, и он начал задираться, вызывая Чармиан на ссору. Затем и это прошло. Джек поставил на стол две проволочные корзинки с бумагами для чтения и надел на глаза зеленый козырек, которым пользовался во время работы. Они просидели так около часа, потом Джек сказал, что устал и собирается спать.

Чармиан вышла на прогулку. Около девяти она вер-

нулась; свет в комнате Джека еще горел. Он обычно полулежал, обложенный подушками, и работал, пока не почувствует сонливость. По предложению своего лондонского агента Хью Мэсси он набрасывал план книги о собственной писательской карьере. В ночном блокноте он записал: «Автобиография социалиста», «Мартин Иден» и «Морской волк» — нападки на философию Ницше, которых даже социалисты не разглядели.

Когда поздней осенью 1916 года билль Адамсона (8-часовой рабочий день для «Железнодорожного Братства») в последнюю минуту после двенадцатичасовых дебатов прошел через Палату представителей и Сенат и был подписан президентом Вильсоном, это вполне подтвердило мое предсказание о привилегированных профсоюзах в «Железной пяте».

Роман

Исторический роман на 80 000 слов — любовь — ненависть — примитивная жизнь. Открытие Америки норманнами — смотри об этом мою книгу, а также книгу «Фрей и его жена» Мориса Хьюлетта. Вывести происхождение их мифов из их собственного подсознания».

Он оставил короткую записку Джоан:

«Дорогая Джоан,

В следующее воскресенье прошу тебя и Бесс позавтракать со мной в «Сэддл-Рок», и, если будет хорошая погода, мы прокатимся на лодке по озеру Меррит.

Если же погода будет плохая, можем пойти на какой-нибудь дневной спектакль.

Ответь мне сразу же.

Я уеду отсюда в следующую пятницу.

Из Калифорнии уеду через неделю, в среду.

Папка».

Он положил письмо в корзинку, чтобы слуга отправил его на следующий день. Немного почитал, книга называлась «Путешествие, огибая мыс Горн из Мэна в Калифорнию в 1852 году на корабле «Джеймс У. Пейдж». Примерно в то время, когда Чармиан вернулась, он положил между страницами обгоревшую спичку как закладку.

Наката ушел от Лондонов в конце 1915 года и поступил в колледж. Перед уходом он привел на свое место и выучил нового японского мальчика по имени Секинэ. Тот на следующее утро в восемь часов отправился будить Джека и тут же бросился к Элизе, крича, что Джеку плохо. Элиза вбежала в спальню. Его тяжелое дыха-

ние было слышно в коридоре; он лежал скорчившись, багровое лицо отекло. Она стала звонить доктору, но телефон не работал, и она разбудила Чармиан. Симптомы отравления были очевидны. Нечто подобное уже случилось с Джеком несколько недель назад. Они влили ему в рот крепкого кофе, но реакция была слабой. Джон Берн приехал в Соному и привез двух врачей. Телефон заработал, и они вызвали еще двух докторов.

Борьба за жизнь Джека продолжалась целый день. Его посадили на край кровати; двое работников поставили его на ноги. Чармиан, держа мужа за плечи, трясла его, кричала, стараясь добиться ответа. Врачи влили противоядие, промыли желудок, попробовали массаж и стимулирующие средства. Перед полуднем пришло сообщение об очередном бедствии на ранчо — прорвало плотину. Один из врачей попытался расшевелить его словами: «Вставайте, плотину прорвало, вставайте, вставайте!» Распростертый на постели Джек услышал. Секунд тридцать он слабо бил кулаком по матрацу. Но ничего более не последовало. Его перенесли к Чармиан на веранду, там положили на кушетку, и вечером он умер.

Как и в случае с пожаром, уничтожившим «Дом Волка», остается только гадать, что явилось причиной смерти. Рядом с кроватью обнаружили два флакона с сульфатом морфия и сульфатом атропина и бумажку с цифрами обычной дозы и дозы, превышающей норму. Один из врачей не сомневался, что Джек покончил с собой. Не исключено, что он по ошибке принял чересчур большую дозу, видимо мучаясь от острой боли, вызванной болезнью почек. Чармиан требовала, чтобы врачи ясно и недвусмысленно назвали причиной смерти болезнь. Они согласились, и газеты сообщили, что Лондон умер от «уремии как следствия почечной колики». Друзья, однако, были твердо убеждены, что это самоубийство.

Джек высказывал пожелание быть кремированным. Тело, сопровождаемое Элизой, перевезли в Окленд; Чармиан осталась в Глен-Эллен. Бесс и дочери присутствовали на похоронах, где Эдвард Пейн, названный в газетах «преподобным», произнес речь и прочитал стихи, написанные Джорджем Стерлингом. На другой день Стерлинг и муж сестры Бесс привезли урну с прахом на ранчо. Однажды Джек сказал, что хотел бы быть похороненным на холме в четверти мили от «Дома Волка» и чтобы на могилу положили огромную глыбу красного

камня с развалин «Дома». Там и закопали урну, а потом через сосновый лес прикатили большой камень.

Письма и выражения соболезнования буквально захлестнули Чармиан. Люди, посылавшие их со всех концов света, не знали или не обращали внимания на противоречия и перемены в характере Джека. Для них он олицетворял дух молодости. Джек вышел из рабочих, боролся и рисковал; он создавал чудесные рассказы и бесстрашно призывал к революции, он был силен и прекрасен и умер еще молодым. Шведская девушка писала: «Он нравился мне больше всех писателей и людей на земле. Во время урока я получила записку от одноклассника: «Джек Лондон умер». Больше я не слышала, о чем говорилось на уроке». В Америке миссис Лютер Бербенк крикнула группе веселящихся молодых людей: «Перестаньте смеяться! Умер Джек Лондон».

Радикальная пресса великодушно закрыла глаза на прошлые обиды и объяснила его выход из Социалистической партии болезнью. Журнал «Мэссиз» писал, что он заставил биться «пульс революции» в литературе для масс, вспоминались и цитировались его ранние произведения и речи. «Интернэшнл социэлист ревью» опубликовал стихотворение, начинавшееся:

«Умер наш Джек!
Тот, кто вышел из нас
И выразил наши обиды;
Кто наши надежды воспел,
Кто завещал нам сплотиться,
Не медлить, не предавать;
Он — тот, кто сумел
Заставить нас протянуть
Наши сильные руки
И шар земной в них принять».

«Самую высокопарную» надгробную проповедь, по словам Чармиан, произнес пастор из Беркли, который сказал, что «...Если бы Джек Лондон верил в бога, каким превосходным проповедником бы он стал!» Далее пастор сравнивал Джека с пророками Ветхого завета и говорил о его влиянии на «общественную и духовную жизнь своего времени». Вспоминая последний период жизни Джека, родственники и друзья обронили несколько намеков, смысл которых сводился к тому, что он находился на пути к отказу от материализма и признанию религии и власти сверхъестественных сил. Так считала его сестра Элиза. На самом же деле в яростных поисках причин своей душевной дисгармонии он, вероятно, хва-

тался за любое объяснение, в какой бы сфере оно ни лежало. Чармиан пишет, как она изумилась, узнав, что Джек обнаружил в предисловии доктора Хинкл к книге Юнга «осторожные намеки на свободу воли» — это было полной противоположностью его детерминизму и «закону жизни».

Нет никаких доказательств, что Джек изменил свои взгляды, выраженные в письме к Ралфу Касперу в 1914 году: «Я безнадежный материалист. Я считаю, что душа — не что иное, как сумма функций организма плюс привычки, воспоминания и жизненный опыт. *Я верю, что, когда я мертв, я мертв. Я верю, что мертвый я так же перестаю существовать, как жалкий комар, которого прихлопнули*». Однако его ближайшее окружение всегда питало надежды на перемену мировоззрения и всегда было готово взять на заметку любое отклонение от материализма. Спиритизм все еще был популярен; помимо Нинетты и Эдварда, склонность к нему проявляла и Элиза, страстно увлекавшаяся телепатией. Чармиан тоже не вполне избежала этих веяний — в ней слишком сильна была романтическая жилка. Написанная ею биография Джека снабжена двумя пространными гороскопами: удивительная ирония судьбы, учитывая ее отрицательное отношение к профессору Чейни.

Последним политическим заявлением Джека было письмо к новой политической партии. В августе 1916 года Социалистическая рабочая партия послала ему свой первый манифест. 21 сентября, за два месяца до смерти, он писал: «Прочтите, пожалуйста, мое заявление о выходе из Социалистической партии, и вы поймете, что я вышел из нее по тем же самым причинам, которые заставили вас создать новую партию.

Я был членом Социалистической Рабочей партии. Я отдал революционному движению четверть века своей жизни, ее лучшие годы, и понял, что движение это так же пассивно под давящей его пятой, как за тысячелетия до рождества Христова.

Спасет ли пролетариат сам себя? Если нет, то его вообще спасти нельзя.

Я поздравляю вас и желаю успехов в вашем деле. Я не испытываю никакой горечи. Мне только грустно, что пролетарии как будто смирились с тем, что они во веки веков останутся лишь пролетариями».

Но понимал ли Джек их программу, как и смысл

своих собственных слов? Социалистическая рабочая партия отвергала реформизм, синдикализм, непосредственные сношения и любую форму компромисса с капиталистической системой; она провозглашала установление социализма путем парламентской революции и выступала против войны. Возможно, Джека привлекла одна фраза в декларации принципов партии — освобождение рабочего класса «должно быть делом рук самого рабочего класса».

Социалистическая рабочая партия была ответвлением Социалистической партии Великобритании, созданной в Лондоне в 1904 году. Когда Джек сидел в Ист-Энде, работая над «Людьми бездны», Хантер и его товарищи готовились выйти из Социал-демократической федерации и основать новую партию; исповедуемые ими социалистические принципы он теперь одобрял. Не исключено, что Джек всегда представлял себе социализм именно таким. Если так, тогда о нем можно говорить как о человеке, подчинявшемся своим эмоциям, переменчивым поветриям времени, соблазнам того стиля жизни, который его всегда привлекал. Но так ли это на самом деле, мы никогда не узнаем. Много позже, в 1944 году, Социалистическая рабочая партия напечатала его письмо в «Вестерн социэлист», сопроводив следующим комментарием: «Не понимая принципов, которые он поддерживал, он был пролетарием в душе». Это — исчерпывающая эпитафия.

Согласно завещанию Джека, душеприказчиками начались Элиза Шепард и Уильям Гроувол, кузен Чармиан. Он обеспечил дочерей, Бесс, мать, но не слишком щедро, добавив: «Все, что они могут получить сверх указанного, является следствием доброты Чармиан К. Лондон, ее любезности, доброй воли и великодушия». За вычетом незначительных сумм все принадлежало ей.

«Причина, по которой я оставляю все свое имущество за вышеозначенными исключениями Чармиан К. Лондон, следующая: Чармиан К. Лондон благодаря своей личной судьбе, и, что более важно, личной помощи в моей литературной деятельности, и, что гораздо важнее, любви, поддержке, радости и счастьем, которыми она меня дарила, является единственным человеком в мире, кто заслуживает и имеет право на мое имущество. Она, безусловно, достойна этого права, что я настоящим и подтверждаю с искренней сердечной благодарностью».

Конечно, долги имелись немалые, чему способство-

вало постоянное неумение Джека держать свои потребности на некотором разумном уровне, — неумение, естественно вытекавшее из его образа жизни. Элиза вспоминала, что в тот период, когда она вела счета, половина всех денег, заработанных Джеком, раздавалась и тратились на приемы гостей; если добавить сюда жалованье «обломкам общества», обитавшим на ранчо, то подобные траты составляли уже две трети доходов Джека. Однако, покончив с расточительством, направленным на удовлетворение любых капризов и прихотей, можно было привести дела в порядок и сравнительно скоро добиться стабильного дохода. Продажа книг Джека в Америке по-прежнему приносила большие деньги; кроме того, после его смерти осталось несколько неопубликованных рукописей.

С помощью Элизы Чармиан быстро и ловко управлялась с имуществом Джека, проявив при этом способности, что весьма удивительно, поскольку при жизни Джека ей, по-видимому, не разрешалось принимать участие в его делах. Само собой разумеется, прекратились безрассудные подаяния и приемы, по отношению к его иждивенцам она не чувствовала никаких обязательств; фактически завещание подтвердило ее свободу от них, среди друзей Джека она провела жесткий отбор. Она договорилась с Бреттом о немедленном издании трех книг, оставленных мужем: нужно было расплатиться с долгами и выкупить закладные; выпустила она и свою книгу «Джек Лондон на Гавайях». После окончания мировой войны в 1918 году спрос на книги Лондона во всем мире вырос, как никогда. Чармиан побывала в Лондоне, где «Миллз энд Бун» издали почти полное собрание его сочинений. Эдмунд Корк, служащий литературного агента Хью Мэссиса, описывает ее как женщину средних лет, живую, необыкновенно энергичную, сразу заполнявшую собой любое помещение, куда она входила. Корк вспоминает, что она была очень решительной и неизменно требовала, чтобы все делалось по закону.

Кроме всего прочего, она позаботилась о том, чтобы легенда о Джеке Лондоне жила, пока жива она сама. 250 000 слов написанной ею биографии Джека были рассчитаны вовсе не на приверженцев истины, а на тех, для кого он был «символом юности и героического мужества». Она снова вступила в Социалистическую партию, чтобы отстаивать взгляды Джека Лондона и под-

держивать его традиции. В 1917 году она вместе со Стерлингом присутствовала на съезде партии и присоединилась к У. Дж. Генту, Эптону Синклеру, Джону Спарго, Уоллингу и некоторым другим, настаивавшим на резолюции в поддержку войны, в которую Америка вступила, — позиция, которую занял бы Джек. «Ранчо Красоты», уменьшенное до легко управляемых размеров, предназначалось для туристов. Позже Чармиан превратила его в ранчо «для пижонов». До конца жизни она была прекрасно обеспечена за счет поступлений от продажи книг Джека по всему миру. После ее смерти в 1955 году право наследования перешло к сыну Элизы, Ирвингу Шепарду, а когда тот умер в 1975 году, литературным наследием Лондона стал распоряжаться сын Ирвинга Майло. Часть ранчо превращена в государственный парк, но более тысячи акров и по сей день находятся в собственности Шепардов.

Джоан Лондон стала личностью сама по себе, независимо от громкой репутации Джека и была выдающейся деятельницей радикального политического движения. Ее исследование об отце написано с более глубоким пониманием явлений общественной жизни, чем было у него. В ее книге описываются противоречия между трудом и капиталом того времени, и ему — по марксистской традиции — отводится тоже место в этом социальном конфликте. Умерла Джоан в 1971 году. Ее последняя книга называется «О, пожните урожай», в ней рассказывается о борьбе сельскохозяйственных рабочих в Калифорнии.

Среди социалистов имя Джека Лондона до сих пор вызывает ощущение надежности, которое странным образом заслоняет понимание того, что он был человеком по меньшей мере неустойчивым. Очень многие как из современного ему, так и последующих поколений отказывались верить рассказам о его шовинизме. Во время лекции Чарлза Лестора о Джеке Лондоне некий молодой человек из публики встал и зачитал высказывания Джека о первой мировой войне. Лестор ответил, что они не могли принадлежать человеку, которого он помнит: «Пусть утверждают, что он это говорил. Я знаю, что Джек ни за что не предал бы рабочий класс!» Джим Грэм, еще один из тех, кто учился марксизму в Северной Америке в первые годы нашего столетия, дал такой же ответ. Когда его спросили, как отзывался Джек о войне и превосходстве белого человека, он сказал:

«Я уверен, что Джек никогда бы... Надеюсь, вы понимаете».

Подобное отношение через пятьдесят лет после смерти — когда недостатки отрицаются, а достоинства превозносятся — большая редкость, особенно если дело касается политических взглядов. Отчасти это объясняется ранней смертью Джека. Несмотря на поразительную трудоспособность и продуктивность, он так и не достиг высшего уровня идейного развития. Существовало несколько различных тенденций этого развития, заставляющих теперь гадать, какая из них главная и куда бы она могла привести. Все известные исследования о жизни и творчестве Лондона односторонни и рассматривают лишь отдельные аспекты его характера. Вместе с тем жизнь его была столь полной, будто он прожил не сорок, а все восемьдесят лет. Ее пестрота и насыщенность и определяют личность, достоинства и недостатки которой преувеличивались, словно в соответствии с бурными событиями его времени. Однако нельзя не испытывать к нему симпатию как к человеку, который мог бы стать другом каждого из нас.

14. ТО, НА ЧЕМ ЗИЖДЕТСЯ СЛАВА

Книги Джека Лондона иногда не воспринимаются всерьез. В лучшем случае к нему относятся как к писателю, способному развлечь, произведения его часто вызывают некоторое пренебрежение. Оскар Карджилл в своей работе «Интеллектуальная Америка» характеризует его, Эптона Синклера и Драйзера как «скучных и тяжеловесных последователей» таких ранних писателей-реалистов, как Фрэнк Норрис. По мнению Карджилла, нет особых оснований считать, что Джек Лондон и представители его школы знали или «хотели знать», каким на самом деле был «настоящий дикарь». Есть критики, признающие популярность Лондона, но объясняющие ее отнюдь не литературными достоинствами.

Однако такая литературная критика нередко забывает, что же такое литература. Наиболее популярная проза, по существу, недолговечна, ибо она лишь удовлетворяет запросы момента. С появлением новых запросов бьет последний час для предыдущих — они исчезают. Сегодня никто не читает Марию Корелли и

А. С. Хатчинсона, и никто из критиков не настаивает на том, что их надо читать. Но если писатель продолжает отвечать вкусу многих читателей в течение долгого времени, он получает право на уважение и достойное место в литературе. Значит, запросы, на которые он отвечает своим творчеством, не случайны. Прошло шестьдесят лет со дня смерти Джека Лондона и семьдесят с тех пор, как были написаны его главные книги. Большинство из них переиздается до сих пор по всему читающему миру. Джека Лондона нельзя предать забвению.

Больше всего поражает количество созданных им произведений. Первая его книга вышла в 1900 году. Включая семь опубликованных посмертно, к концу 1916 года было выпущено 50 книг, то есть в среднем выходило по три книги в год. Вдобавок он оставил заметки и наброски еще для нескольких и написал повину «Бюро убийств» (оно было завершено Робертом Л. Фишем и увидело свет в 1963 году). Многие его книги невелики по объему. В среднем сборник рассказов составляет 50 000 слов; другие произведения — «Зов предков», «Алая чума», «Игра» — не столь велики, чтобы считаться романами. Исходя из обычных стандартов, применяемых к прозаическим произведениям, можно поместить все сочинения Джека примерно в тридцать книг среднего объема вместо пятидесяти. Все же и это немало для шестнадцати лет работы. Если добавить сюда его журналистику, то как раз и получится приблизительно по тысяче слов в день на протяжении всего этого времени.

Оставим примерно треть написанного им. Сомнительно, чтобы кто-нибудь сегодня читал «Рассказы Южных морей» или «Сердца трех». «Путешествие на „Ослепительном“» и «Рассказы Рыбачьего патруля» — небылицы для школьников; «Дочь снегов», «Лютый зверь» и «Маленькая хозяйка Большого дома» представляют интерес только для студентов, изучающих его творчество. Названные и некоторые другие произведения написаны исключительно ради денег, в них нет претензий на долговечность и ничего привлекательного, кроме имени автора. Три пьесы Джека — «Презрение женщины», «Кража» и «Сеятель желудей» — не имели успеха, и многие даже не слышали об их существовании.

Что касается оставшихся двух третей наследия писателя, на которых и основана его популярность, то

оно замечательно тем, насколько он опережал вкусы и умонастроения своего времени. Джек быстро достиг славы как писатель, повествующий о ярких и захватывающих приключениях на далеком холодном Севере или на море. Как только установилась его репутация мастера рассказа, любая вещь, вышедшая из-под его пера, вряд ли могла быть отвергнута. Тем не менее качество книг Джека Лондона, которые наиболее широко читаются и высоко ценятся сегодня, в дни их первой публикации считалось сомнительным. «Зов предков» и «Люди бездны» имели успех вопреки ожиданиям. «Железная пята», «Дорога», «Мартин Иден» и «Звездный скиталец» («Смирительная рубашка») были встречены либо прохладно, либо с откровенным пренебрежением. Чармиан в биографии Джека лишь мимоходом упоминает о последних четырех произведениях, потому что они не пользовались популярностью и тогда, когда она писала свою книгу. Все же без них он бы никогда не прославился, а остался бы, вероятно, писателем с репутацией превосходного рассказчика, не создавшего ничего значительного в области крупных форм.

Выше уже шла речь о причинах сомнений, тревоживших Джека в 1903 году перед выходом «Зова предков», — он отступил от принятой тогда сентиментальности в изображении животных и не знал, как примет это публика. Оставляя в стороне «Железную пята», поскольку она в любом смысле случай особый, можно обнаружить какие-то общие черты и в других книгах, не завоевавших популярности при жизни Джека и даже не рассчитанных на быстрый читательский успех. «Дорога» и «Смирительная рубашка» описывают тюрьмы с беспощадной достоверностью. В этом и состоит самая сильная сторона «Смирительной рубашки». Исторические фантазии в этом произведении либо ничем не примечательны, либо расплывчаты, но изображенный в ней карцер властно завладевает воображением читателя. В первые годы века подобный материал совершенно не годился для литературного произведения. Эмоциональный рассказ Уайльда о тюремном заключении в «Балладе Редингской тюрьмы» расценивался как достаточно смелое противопоставление картинам тюрем у Диккенса, где носители порока получают по заслугам. Показывая жестокость тюремной системы, Джек Лондон вполне откровенно заявлял, что правосудие — мошенничес-

во и обман, и тем самым на целое поколение опередил свое время.

«Мартин Иден» не понравился публике своим пессимизмом, неспособностью героя быть счастливым. Преодолев все препятствия, стоявшие перед ним, он обнаруживает, что утратил веру и остался в одиночестве. Полвека спустя в популярной литературе без счастливых концов тема эта тоже станет обычной и понятной, ее уже считали приемлемой и в 20-е годы нашего века, но в Америке перед 1914 годом она наводила на мысль о нездоровой рефлексии. Нападки на стиль жизни среднего класса и миф об успехе тоже вошли в моду позже. Когда же был опубликован «Мартин Иден», содержащаяся в нем критика вызвала некоторое охлаждение читателей к его автору. Почему это молодой человек, у ног которого лежит мир, презирает общество и успех и в конце концов решает покончить самоубийством?

Темы произведений Джека Лондона были почерпнуты из его непосредственного жизненного опыта, и он разрабатывал их, вовсе не стремясь быть «приятным». Многие его рассказы автобиографичны — в них повествуется о действительных случаях из жизни либо откровенно, от первого лица, либо с незначительными изменениями имен и обстоятельств, как в «Дороге» или «Джоне Ячменное Зерно». Он нередко пользовался именами знакомых ему людей, что было бы совершенно немыслимо для преследуемых за «клевету» английских писателей. Один из подобных примеров — Эрнест Эвергард, хотя Джек заимствовал лишь имя, не касаясь личности кузена, виденного однажды в жизни. В других случаях он описывал человека, сохраняя его собственное имя. Из клондайкской поры на страницы его книг пришли Элам Харниш, герой «Время-не-ждет»; отец Рубо, священник из «Сына Волка», и, возможно, самая поразительная из всех, Фреда Моуф. В рассказе «Женское презрение» она фигурирует как добросердечная проститутка; когда они впервые встретились, она была танцовщицей в Доусоне; много лет спустя, узнав, что она живет в Сан-Франциско, Джек подарил ей свою книгу.

Рассказы Джека кажутся правдивыми. Они, несомненно, правдивы в деталях. Когда их достоверность ставилась под сомнение, он всегда мог отвести любые упреки с уверенностью очевидца. В 1905 году ему пришлось отвечать на статью под названием «Канадские фальси-

фикаторы», напечатанную в журнале «Канада Уэст». Вот характерная часть письма: «Вы возражаете против возгласа погонщика собак «Пошли, вперед». Практически все мои северные рассказы ограничены Клондайком и Аляской, где единственной командой для собак, приказывающей им встать и двигаться дальше, была эта фраза. И спорить тут нечего. Любой, кто побывал на Клондайке и Аляске, подтвердит мою правоту».

Он писал клондайкскому знакомому: «Конечно, Бэк списан с твоего пса в Доусоне, и усадьбы судьи Миллера и судьи Бонда — все как в действительности, вплоть до насосной установки для артезианского колодца и цементного плавательного бассейна».

Все же использование в литературном произведении реально существующих людей и имевших место событий как таковое еще не является реализмом. Самое привлекательное в рассказах Джека Лондона состоит в том, что они вовсе не являются сугубо достоверными; это — романтические фантазии. И не только потому, что приближают к обитателям города далекий мир удивительных и волнующих приключений, но и потому, что в них он изображен таким, каким читатель хочет его видеть, а вовсе не таким, каков этот мир на самом деле. Пьянство и азартные игры в салунах Клондайка показаны без убожества, сопровождавшего их в реальной жизни, — у Джека это часть безрассудного, но мужественного существования, которое ведут сильные мужчины и прекрасные женщины. Герои сочетают великолепные физические данные с интеллектуальной мощью. Мартин Иден и Эрнест Эвергард обладают такой мускулатурой, что на них буквально трещит одежда. Элам Харниш — человек «приметной внешности»... «Он жил жизнью первобытной и напряженной, — и об этом говорили его глаза, в которых словно тлел скрытый огонь...»¹ В салуне Тиволи он побеждает любого в нехитром состязании — прижимая руку противника к стойке бара. По тому же образцу обрисованы и второстепенные персонажи: «Эти люди прошли самую суровую школу кулачных расправ в бесчисленных ожесточенных стычках, знали цену крови и поту, лишениям и опасностям; и все же им не хватало одного свойства, которым природа щедро наделила Харниша: идеально налаженной связи между нервными центрами и мускулатурой... И вдобавок ко всему

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 7, с. 123.

он обладал сверхсилой, которая выпадает на долю одного смертного из миллиона, — той силой, которая измеряется не величиной ее, а качеством и зависит от органического превосходства самого строения мышц»¹.

Последняя часть отрывка бессмысленна. Да были ли товарищи Джека по Клондайку действительно таковы? По меньшей мере маловероятно. Более того, совершенно ясно, что «золотую лихорадку» на севере породило в значительной степени желание разбогатеть, а называть это желание алчностью или нет, дело вкуса.

В то же время фантазии Джека Лондона не похожи на те, что обычно создают самые популярные писатели. Он сочинял их для самого себя. Практически всю жизнь его сопровождали романтические образы, мешая разглядеть, что на самом деле представляют собой те или иные люди и вещи. Именно этим объясняются неудачи в личной жизни и крушение замыслов; идеализация его опыта, описанного в рассказах, — это не просто взгляд с безопасного расстояния, но, напротив, надежды, с которыми он отправился приобретать этот опыт и которые сумел сохранить, приобретя его. Он сохранял эти надежды и потому, что «устричное пиратство», морские плаванья, бродяжничество и Клондайк длились недолго, что позволило ему ощущать себя членом великого и славного братства, избежав при этом отвлекающего влияния времени. Он погружался в приключения и выныривал из них, не утратив мальчишеского видения мира, почерпнутого из книг.

Его кругозор ничем не отличался от кругозора его читателей. Они думали, что север населен людьми типа Мэйлмюта Кида, с которым все время происходят разные приключения, но точно так же думал и он. Он выражал их уверенность, что такая жизнь стоит много больше обычного человеческого существования, что она воспитывает людей высшей породы. Именно об этом размышляет Смок Белью: «В одиночестве, лишенный возможности перекинуться с кем-нибудь словом, он много думал, и мысли его были глубоки и просты. Он с ужасом думал о том, как попусту прошли для него годы его городской жизни, о бездарности всех школьных и книжных философий, об умничающем цинизме редакций и художественных мастерских, о ханжестве дельцов, отдыхающих в своих клубах. Они не знают, что та-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 7, с. 29.

кое волчий аппетит, крепчайший сон, железное здоровье; никогда они не испытывали настоящего голода, настоящей усталости, им незнакомо опьянение работой, от которой вся кровь в жилах бурлит, как вино»¹.

В некоторых рассказах фантазия хватает через край, например в превосходно написанном рассказе «Рожденная в ночи»: о подобной любовной истории вдали от цивилизации время от времени грезит большинство мужчин.

Несомненно, тысячи людей в то время почти верили, что, предостався им случай, они бы сделались участниками подобных приключений — легенда о жителях фронта все еще жила. Слава Джека-реалиста частично основывается на этой вере и на том, что в его рассказах жизнь предстает во всей своей суровости. В них часто встречается смерть, обычно насильственная, постоянно толкуется о болезнях, цинге, обмороженных руках и ногах; в нескольких рассказах Южных морей упоминается проказа. Эта склонность к исключительным ситуациям — еще одна из черт его романтизма: все трудности и суровые испытания призваны лишь подтвердить «закон жизни», установленный Джеком. Закон заменяет объяснения и делает лишними человеческие усилия. «Так оно и есть», — говорит автор.

Эта мысль лежит в основе нескольких рассказов. Лучшим из них, по-видимому, является «Кусок мяса» — рассказ о боксере. Его главный герой, стареющий, запутавшийся в долгах боксер, вынужден участвовать в бое с молодым, подающим надежды соперником. Ему чуть-чуть не хватает сил для победы над более быстрым и мощным противником. По пути домой он думает, до чего все было убого, и о том, что он победил бы, если бы мог съесть до матча кусок мяса. Совершенство рассказа в том, что он на этом и кончается — без выражения каких бы то ни было чувств; придет время, и то же самое произойдет и с молодым боксером. Мы понимаем, что так оно и есть, но нельзя избавиться от чувства — ведь автору нравится, что так оно и есть, — «закон», подобно богу, располагает, безразличный к тому, что предполагает человек.

Наложение романтических представлений на живой, зачастую суровый опыт вызывало некоторую несостоятельность картины. Некоторые рассказы неудачны по-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 3, с. 494—495.

тому, что Джек не мог выйти за пределы романтических иллюзий и представить, что действительно думали бы и чувствовали люди в подобной ситуации. В этом слабость «Северной Одиссеи», несмотря на описанную в ней захватывающую погоню. Даже «Любовь к жизни», один из самых сильных его рассказов, приближается к черте, за которой начинается ложный пафос, когда героя спасают и он приходит в себя после всего, что выпало ему на долю, окруженный людьми.

О самых слабых произведениях Джека, наспех сочиненных небылицах уже говорилось. Среди лучшего, что он создал, — ряд рассказов, упрочивших его репутацию одного из крупнейших мастеров жанра. Сборник этих знаменитых рассказов должен включать «Отступника», «Мексиканца», «Любовь к жизни» — его финал скорее несообразен, нежели слаб, — «Кусок мяса», «Рожденную в ночи» и «Костер». Есть еще несколько рассказов, превосходных во всех отношениях: «Фрэнсис Спейт», «Под палубным тентом», «Мясо», «Польза сомнения». Вдобавок «Путешествие на «Снарке» и «Дорога» состоят из эпизодов, воспринимаемых как вполне законченные: «Хобо, проходящие ночью» и «Подчинив ее» — жемчужины прозы, как увлекательные, так и поучительные.

В общем, литературное значение рассказов отрицалось главным образом из-за содержания. Каким бы ни было качество рассказов Джека, их не принимали всерьез, поскольку заключенный в них материал не отражал жизнь такой, как ее видели массы людей, а фактически предоставлял возможность бежать от действительности. Это относится не только к рассказам о Клондайке и Южных морях, но и к тем, где идет речь о боксерах и бродягах; они тоже повествуют о притягательном фантастическом мире людей сомнительной репутации. Можно сравнить его с американскими писателями начала века, например с Синклером Льюисом, который, владея искусством повествования хуже Джека, заслужил похвалы критиков за нарисованную им картину всем известного современного общества. Поскольку общество претерпело изменения, нет никаких причин считать Лондона писателем менее высокого класса. В литературе его место рядом с Мопассаном. И если его кругозор был чересчур ограничен, чтобы поместить его на вершинах литературы, то в жанре образного, изобретательного рассказа его трудно превзойти.

Говорят, писатели выдерживают или не выдерживают «проверку временем»; действительно, многие книги некогда популярных писателей уже через два поколения скучны. Любой, кто берет в руки книгу Джека Лондона, чувствует, как его захватывает развитие событий и живость стиля. Так бывает и тогда, когда история нелепа; все равно она обладает качеством (возможно, в нем и скрывается искусство рассказчика), заставляющим воспринимать чрезмерно мелодраматичные события как реальные. Обратимся к известному эпизоду из «Железной пяты», в котором Эвергард поднимает вопрос о получившем увечье Джексоне. Он обращается к героине: «...платье, которое вы носите, залито кровью рабочих. Пища, которую вы едите, приправлена их кровью. Кровь малых детей и сильных мужчин стекает вот с этой крыши. Стоит мне закрыть глаза, и я явственно слышу, как она капля за каплей заливает все вокруг.

Он и в самом деле закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Слезы обиды и оскорбленного тщеславия брызнули из моих глаз. Никто еще не обращался со мной так грубо. Поведение Эрнеста смутило даже папу, не говоря уж о добряке епископе»¹.

Образ стекающей капли крови был бы хорош в речи с трибуны либо в памфлете, но невозможно представить его в живой беседе и вдобавок трудно допустить, что он вызвал описанный эффект. Более того, одорукий Джексон тут же проходит мимо окна, как будто бы ему специально дали знать. Но действие разворачивается столь стремительно, показывая в истинном свете неприглядные условия в промышленности, что читатель приемлет не только речь Эвергарда, но и немедленный переход девушки на позиции социализма.

Ранние рассказы Джека несут следы влияния Киплинга. Само повествование выстроено крепко, но нередко встречаются рассуждения, наводящие на мысль, будто Джек все еще учится писать хорошо. Эти декларации исчезают, когда приходит уверенность в себе, и после выхода первых двух-трех книг у него вырабатывается собственная манера письма. По сути своей это стиль журналиста, приближающийся к репортажу, когда он описывает какие-то события. Но в нем есть еще одна особенность журналистской манеры, которая стала

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 40.

самым большим пороком его стиля, — повторы. Повторение отдельных фраз — полезный художественный прием — превращается в легкий способ достижения беспрюгишной выразительности. В его письмах масса повторов, особенно когда он что-то порицает. Когда читаешь рассказы, написанные в последние пять лет его жизни, повторы вызывают недоумение. Есть они и в «Лунной долине»: «Будьте всегда под покрывалом, под многими покрывалами. Закутайтесь в тысячи радужных, сверкающих оболочек, в прекрасные ткани, украшенные драгоценными камнями. И никогда не давайте сорвать с себя последнего покрывала. Каждый раз набрасывайте на себя все новые, и так — без конца. Но не давайте мужу это заметить. Пусть жаждущий вас возлюбленный будет уверен, что вас отделяет от него только одно, последнее покрывало, что каждый раз именно его-то он и срывает. Пусть он будет в этом уверен. На самом деле должно быть иначе: пусть наутро он убедится, что последний покров все же ускользнул у него из рук, — и тогда он не узнает пресыщения»¹.

Это отрывок из описания на несколько страниц, где повторяется то, что с успехом можно сказать в пяти-шести предложениях, и таких примеров множество. Этот стиль стал причиной многих бед, ибо создатели «массовой беллетристики», естественно, использовали Джека Лондона в качестве образца и брали на вооружение его словесные приемы как эффектное средство «выразительности». Так, прием бесконечного повтора ключевых фраз и выражений стал основным инструментом любого рода литературы, лишенной мысли, и характерен для самого «жесточкого» гангстерского романа.

Однако созданное Джеком в период расцвета зачастую превосходно. В этих произведениях есть не только динамически развивающееся действие, но и великолепные описания. «Зов предков» содержит ряд остающихся в памяти картин Севера, который он знал: «Проходили месяцы, а они все бродили среди диких просторов этой неисследованной земли, где не было людей, но где когда-то побывали люди, если верить легенде о покинутой хижине. Переходили горные хребты, разделявшие реки, и не раз их здесь застигали снежные бураны. Дрожали от холода под полуночным солнцем на голых вершинах между границей лесов и вечными снегами...

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 6, с. 134.

Осенью они очутились в волшебной стране озер, печальной и безмолвной, где, должно быть, когда-то водилась дичь, но теперь не было нигде и признака жизни — только холодный ветер свистел, замерзала вода в укрытых местах да меланхолично журчали волны, набегая на пустынный берег»¹.

Эти описания почерпнуты из его записных книжек и образов, запавших в память со времен юношеского чтения. Позже перед ним возникла проблема поисков сюжетов и конфликтов для своих произведений. У него хранились коробки газетных вырезок, и во всем, что Джек читал или наблюдал, он высматривал темы. О рассказах Джека «Закон жизни», «Любовь к жизни», «Костер» и «Отступник» высказывалось мнение, что его сильные качества как писателя проявляются в изображении героя-одиночки в однажды заданной ситуации. Однако более внимательный анализ рассказов не дает основания для подобных выводов. Скорее всего, он зависел от того, появится ли или будет подсказана идея какого-то действия, которое должно произойти вопреки хорошо знакомым ему обстоятельствам. Результат больше зависел от отношения Джека к работе и, пожалуй, более всего от событий его личной жизни.

В принципе существуют две категории читателей Джека Лондона. Одних интересуют его приключенческие рассказы, завоевавшие огромную международную читательскую аудиторию; с другой стороны, он писатель, представляющий особый интерес для социалистов и радикалов. Разумеется, эти категории нередко совпадают, однако различать их все же необходимо; «Зов предков» и «Белый клык» считаются классикой в Испании, но его политические произведения там запрещены². Симпатии, которые питали к нему радикалы, тесно связаны с легендой о том, что он, невзирая на свои эскапады, был защитником обездоленных; и все же их глубинный источник заключается в мечте социалистов о «литературе для рабочего класса». Мечта эта существует со времени возникновения рабочего движения, но из нескольких писателей, наиболее близко подошедших к ее воплощению, Джек Лондон — единственный, кто достиг славы.

Идея состояла в том, чтобы литература, пропаган-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 1, с. 619—620.

² Так было во времена диктатуры Франко. — *Прим. ред.*

дистская по содержанию, обладала и художественными достоинствами. Создававшаяся в тот период литература выражала ценности существующего социального строя; как писал Маркс, господствующие идеи каждого века всегда были идеями господствующего класса. Литература рабочего класса была бы не только нужнее и понятнее, но ее рост стал бы выражением и мерой силы рабочего движения. Такие писатели, как Уильям Моррис и Бернард Шоу, хотя и были любимы, не могли удовлетворить все требования. Они воплощали просвещение и разум, но не с пролетарских позиций. Нужны были писатели — выходцы из среды рабочих, которые смогли бы выразить их растущее самосознание и всегда оставались бы верными своему классу.

В этом смысле такая книга, как «Люди бездны», уникальна. Любой ее читатель будет захвачен описанием лондонских трущоб, но особое значение книге придает точка зрения Джека. Формально он был переодетым наблюдателем, но тем не менее он разбирался, что важно, а что нет, ибо сам вырос в нищете и с детства знал тяжелый труд. В противном случае маскировка могла бы и не принести пользы: ведь существуют черты облика, поведения, походки, которые более откровенно говорят о классовой принадлежности, нежели одежда. В то же время он достаточно утвердил свою писательскую репутацию, чтобы писать правду, не стремясь оправдать или заклеить то, что наблюдал в Ист-Энде.

Сравнивая «Людей бездны» с другими книгами, описывающими условия жизни бедняков, легко заметить характерные черты произведения Джека. Работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году» является классическим и образцовым исследованием трущоб, где дается объективное изложение ужасающих фактов. Написана она с сочувствием и негодованием. Но ей недостает каких-то личных, второстепенных штрихов, которые в конце концов больше всего врезаются в память, как после прочтения «Людей бездны»: двое голодных, подбирающих корки хлеба; юноша, протягивающий костлявую руку за подающим. На нашей стороне Атлантики существует самая выдающаяся из всех книг о жизни рабочего класса — «Филантропы в рваных штанах» Роберта Трессела. Она также написана изнутри «ада, одним из проклятых». Как и произведения Лондона, она необыкновен-

но популярна среди рабочих, но ее слабость в том, что Трессел не был писателем, он не знал, как отбирать, как избавляться от лишнего и как наилучшим образом организовать жизненный материал.

Разумеется, существовала описательная литература, созданная в начале века в недрах социалистического движения. В Америке она была весьма обширной: фирма Керра в Чикаго издала целую библиотеку работ по философии, истории и экономике. Они получили широкое распространение в англоязычных странах — их по сей день можно обнаружить на книжных полках социалистов, — но вряд ли они популярны: их задача заключалась в том, чтобы содействовать просвещению обращенных и вооружать их фактами, а литература рабочего класса должна облечь социалистические идеи в доступную форму — быть может, изобразив реальные драматические коллизии и обстоятельства.

Эта задача была превосходно выполнена в «Железной пяте» и «Мартине Идене», хотя дело не обошлось без романтических преувеличений. Все доводы буржуа легко опровергаются. С любыми философскими затруднениями Эрнест Эвергард справляется с помощью своего тexasского афоризма: «Не поверю, пока не подержу в руках»¹. «Метафизики, господа, это шаманы. Разница между вами и эскимосами, чей бог носит оленю шкуру и питается ворванью, — это тысячами накопленный опыт, и только.

— Мысль Аристотеля владычествовала в Европе двенадцать столетий, — напыщенно провозгласил доктор Боллингдорф. — Хотя Аристотель был метафизиком.

Сказав это, он обвел глазами присутствующих, с удовлетворением отмечая сочувственные улыбки и одобрительные кивки.

— Ваш пример неудачен, — возразил Эрнест. — Вы ссылаетесь на самый темный период истории. Он так и называется: «темное средневековье». Это был период, когда метафизика подавила науку. Физику она свела к поискам философского камня, химию — к алхимии, астрономию — к астрологии»².

Мартин Иден вводит в такую среду, где рабочие обсуждают интеллектуальные вопросы в связи с жизнью, его друг Бриссенден: «...ему казалось немыс-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 23.

² Там же, с. 22.

лимым, что все это происходит наяву, да еще где, в рабочем квартале, к югу от Маркет-стрит. В этих людях словно ожили все книги, которые он читал. Они говорили с жаром и увлечением, мысли возбуждали их так, как других возбуждает гнев или спиртные напитки. Это не была сухая философия печатного слова, созданная мифическими полубогами, вроде Канта и Спенсера. Это была живая философия, вошедшая в плоть и кровь спорщиков, кипящая и бушующая в их речах. Постепенно и другие вмешались в спор, и все следили за ним с напряженным вниманием, дымя папиросами»¹. Такое изложение заставляет читателя, который, возможно, ощущает, что есть вещи, ему непонятные, но требующие, чтобы их принимали на веру, чувствовать себя сопричастным тайне. Читатель понимает, что все это имеет прямое отношение к повседневной жизни, и это неудержимо притягивает его. Побывав на дискуссии, Мартин Иден «взволнован, как ребенок, в первый раз посетивший цирк», и читатель, видимо, разделяет его чувство. Иными словами, обе книги выполняют популяризаторскую функцию. Нечто подобное происходит и в «Морском волке», хотя Волк Ларсен не идет дальше громких фраз. В то же время общественные проблемы представлены понятно и увлекательно. Рядом с этими откровениями приключения, описанные в «Дороге», становятся захватывающим дополнением. Они воспринимаются как выходы бунтаря, который дурачит власти и вообще все буржуазное общество.

Под углом зрения литературы рабочего класса основная тема «Железной пяты» обсуждалась редко и не вызывала беспокойства. Книгу эту без особой натяжки можно было назвать и антирадикальной, во всяком случае, она написана человеком, менявшим взгляды. В большинстве своем радикалы, однако, удовлетворялись тем, что это книга «о социализме», к тому же единственная книга подобного рода, ставшая бестселлером. Но при всех ее недостатках мы не отказались бы иметь побольше таких книг. Возможно, огромное значение «Железной пяты» не столько в ее содержании, сколько в самом типе книги. Согласно одному из уничижительных определений Карджилла, в ней изображен «грубый тип социализма, за который и высту-

---

¹ Дж. Лондон. Собр. соч., т. 5, с. 540.

пал Джек Лондон». Но социализм действительно «груб». Он немыслим без требования рабочего класса стать хозяином своей судьбы; другой социализм в его жантильном виде — не что иное, как интеллектуальная поза.

Достоинство произведения Джека Лондона о социализме и революции и состоит в этой «грубости» — в простоте и силе, при этом он сумел отразить такое сочетание социальных факторов, которое трудно было воспроизвести. Здесь и быстрая, почти насильственная трансформация американского общества; и рост активного, но запутавшегося радикального движения; и технические нововведения, вызвавшие к жизни популярную прессу и ее поиски писателей, которые передали бы дыхание времени. Лондона-писателя можно сравнить с социальным типом, уже не одно столетие известным в Англии, но преходящим для Америки, — рабочим-самоучкой. Некоторые особенности его личности возникли по воле обстоятельств: если бы он получил другое воспитание или остался бы в университете, он был бы другим, более приспособленным к обществу. Но в этом случае мы вряд ли бы имели писателя, который, не считая себя ученым и литератором, говорил: «Прежде чем люди присвоили мне подобные титулы... я работал на консервном заводе, на маринадной фабрике, служил матросом и, бывало, месяцы проводил в поисках работы, стоя в рядах безработных; именно пролетарскую сторону своей жизни я уважаю больше всего и останусь ей верен до самой смерти».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

1. Детство, которого не было	23
2. Достоинство труда	42
3. Дорога	52
4. Колледж и Клондайк	66
5. Исполнение желаний	81
6. На краю бездны	94
7. Успех и Чармиан	108
8. Личное «я»	120
9. Перелом: «Железная пята»	134
10. Путешествие на «Снарке»	145
11. Закат счастливой звезды	157
12. Отречение	169
13. На пороге смерти	180
14. То, на чем зиждется слава	193

РОБЕРТ БАЛТРОП

ДЖЕК ЛОНДОН:

ЧЕЛОВЕК, ПИСАТЕЛЬ, БУНТАРЬ

ИБ № 6084

Редактор М. П. Тугушева

Художник В. Е. Еремин

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор Н. А. Галанчева

Корректоры Р. Х. Пунга, Г. Н. Иванова

Сдано в набор 08.05.80. Подписано в печать 17.12.80.

Формат 84X108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура

обыкн. нов. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92

Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1677. Цена

70 коп. Изд. № 28389.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового
Красного Знамени Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28